

Ю. А. МОЛИН

ИСТОРИЯ
ДОМА
РОМАНОВЫХ
ГЛАЗАМИ СУДЕБНО-
МЕДИЦИНСКОГО
ЭКСПЕРТА

А л е т е й я

Юрий Молин

**История Дома Романовых глазами
судебно-медицинского эксперта**

«Алетейя»

2022

УДК 929 Романовы
ББК 63.2

Молин Ю. А.

История Дома Романовых глазами судебно-медицинского эксперта
/ Ю. А. Молин — «Алетейя», 2022

ISBN 978-5-00165-558-9

В новой книге Юрия Молина, одного из ведущих судебно-медицинских экспертов России, известного ученого и педагога, подведены итоги многолетних исследований и научных публикаций медицинских аспектов жизни и смерти представителей Дома Романовых, правивших нашей страной 300 лет. На основе известных и открытых автором архивных источников, вновь опубликованных мемуаров выполнены объективные реконструкции обстоятельств жизни и смерти членов царской, а затем - императорской семьи. Многие биографии в советское время, особенно в части причин и обстоятельств смерти, представлялись читателям искаженными. Сколько мифов, обильно сдобренных журналистской экспрессией, опровергнуто Юрием Молиным с помощью научных медицинских и криминалистических знаний, фондов закрытых ранее исторических архивов! Книга написана ярким публицистическим языком ученого и мыслителя, члена Союза писателей России, лауреата и дипломанта многочисленных литературных и научных премий. Работа профессора Юрия Молина будет востребована не только специалистами (историками, врачами, криминалистами, искусствоведами), но и широкими кругами читателей, интересующихся историей нашей Родины XVII-XX веков. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 929 Романовы
ББК 63.2

ISBN 978-5-00165-558-9

© Молин Ю. А., 2022

© Алтейя, 2022

Содержание

Введение	7
Глава 1	11
Глава 2	45
Глава 3	63
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Юрий Александрович Молин История Дома Романовых глазами судебно-медицинского эксперта

Юрий Александрович Молин – заслуженный врач России, доктор медицинских наук, профессор. С 1975 года по 2022 год работал в Ленинградском областном Бюро судебно-медицинской экспертизы, пройдя путь от районного эксперта до исполняющего обязанности начальника Бюро. Профессор кафедры судебной медицины Северо-Западного государственного медицинского университета им. И.И. Мечникова. Автор более 300 научных и литературных работ, опубликованных в нашей стране и за рубежом. Под его руководством и при его участии выполнены многочисленные сложные экспертизы, связанные с раскрытием опасных преступлений.

За цикл исследований по поручению руководства Санкт-Петербургской Митрополии Святейшим Патриархом удостоен орденов Св. Преподобного Сергия Радонежского, Св. Преподобного Серафима Саровского. Кавалер государственных наград, медали Следственного Комитета России «За содействие». Член Союза писателей России, лауреат и номинант литературных премий Св. Князя Александра Невского, Макариевской премии за книги «Романовы. Путь на Голгофу» и «Романовы. Забвение отменяется». Председатель экспертных комиссий по исследованию предметов и документов А.С. Пушкина, С.А. Есенина, П.Г. Демидова, Н.М. Рубцова, императора Александра Второго.

История Дома Романовых глазами судебно-медицинского эксперта /Ю. А. Молин; послесл. Ю. Р. Савельева. – СПб.: Алетейя, 2022. – 846 с. ил.

© Ю. А. Молин, 2022

© Ю. Р. Савельев, послесловие, 2022

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2022

Введение

Задача этой книги – в человеческих судьбах, увиденных глазами судебно-медицинского эксперта, попытаться представить эпизоды истории России. Прошлое страны – своеобразная совокупность биографий людей, и многое находит объяснение в изучении ярких представителей той или иной нации. Мне, как врачу, импонирует, что история в последние годы, устав от борьбы классов, все больше и больше обращается к личности человека, его характеру, бытовым особенностям, здоровью... Тяга современных читателей к истории оправдана тем, что долгие годы мы были отрешены от нее. Преподносилась она школьникам, студентам и аспирантам в ошелюманном, идеологизированном виде.

«Исторический» приговор Романовым был вынесен, не нуждался в доказательствах и не подлежал пересмотру. Иногда это происходит и сейчас, когда составителями книг выступают лица, либо кем-то ангажированные, либо плохо знакомые с архивными первоисточниками. Вследствие этого, начиная с 20-х годов прошлого века, в научной и художественной литературе распространилось множество не просто неточных, а заведомо ложных сведений по истории этого рода. Писатель, если он честный человек, обязан основываться на добросовестном изучении фактов. Неправда, даже многократно повторенная, никогда не делается истиной. Ложь способна породить искажения, в ее липкие сети попадают доверчивые современники. Одна ложь закономерно порождает другую – и вот уже возникает цепная реакция, от которой сложно избавиться. Искаженные представления проникают в статьи, обзоры, из них – в солидные исторические источники, в диссертации, синтезируя уродливые живучие химеры.

Некоторым представителям семьи Романовых фатально не везло и раньше. Среди них – императрица Мария Александровна. Предоставим слово одному из ближайших друзей Александра III, графу С.Д. Шереметьеву (2001): «Не знаю, почему до сих пор замалчивается имя Марии Александровны, словно ее не существовало, а между тем говорить о царствовании Александра II, не считаясь с ней, невозможно. Ее воспитательное значение в семье велико, не говоря уже о других ее заслугах. После Екатерины II не было государыни, столь глубоко изучившей нашу веру и народность. Она оставила крупный след, сильно отразившийся на ее детях и придавший им то, что отсутствует в членах семьи иных поколений. Как определить это нечто, чего нет у других? Отражение матери следует искать в детях Императора Александра II. Она воспитала “русское”, честное поколение...»

Увы! Искажение прошлого Романовых – явление не только дней, давно ушедших. Когда я ознакомился с монографическими источниками 1990-х годов, посвященных семье Константина Николаевича, меня поразило множество фактологических неточностей. Так, в одной из книг Великий Князь назван братом (!) Александра III, в другой ошибочно указаны даты смерти его жены Александры Иосифовны и старшего сына Николая. В третьей утверждается, что Константин Константинович скончался в Мраморном дворце (на самом деле – в Павловском) и т. д. Хороший тон для писателя (будь он художником, искусствоведем или архитектором, как авторы вышеуказанных книг) – не только считаться с фактами, но и знать их.

Писатель с уважением относится к разным источникам: документам архивов, мемуарам, свидетельствам очевидцев, эпистолярному наследию, периодическим историческим изданиям XIX века, иконографии героев. Они неравнозначны по ценности. Одним из наиболее популярных жанров бесспорно являются мемуары. В них можно встретить людей, живших много поколений тому назад. На страницах книг наши предшественники, словно тени, вызванные из тьмы ушедшего, обретают плоть, дар речи, обращенной к читателям. Благодаря наблюдательности и объективности рассказчика прошлое перестает быть скучным перечнем событий, оживает перед потомками в ярких картинах, в живых портретах людей. Конечно, мемуары субъективны, не свободны от односторонних оценок, но, думается, и за эти человеческие слабости читатели

любят воспоминания очевидцев. Известны искусные подделки дневников. Самой долгой оказалась жизнь в литературе так называемых «Записок А.О. Смирновой» (урожденной Россет), сочиненных ее дочерью О.Н. Смирновой и искаживших подлинные события. К ним доверчиво отнеслись Д.С. Мережковский, положивший «Записки» в основу эссе о Пушкине; Б.Л. Модзалевский, использовавший книгу в комментировании текста дневника великого поэта; М.А. Цявловский, А.А. Ахматова и другие специалисты, изучавшие события XIX века! Лишь в 1989 году в серии «Литературные памятники» (М.: «Наука») вышли подлинные, переведенные с французского «Дневник» и «Воспоминания» знаменитой фрейлины, хранившиеся неатрибутированными более века в отделе рукописей Российской государственной библиотеки в виде 27 тетрадей.

Для биографа очень ценны экзотические источники архивной информации: расходные книги, расписки, ордера, другие денежно-имущественные документы. В них объективно раскрывается быт человека, круг и уровень его интересов. Здесь находят отражение счета о расходах на приобретение книг, картин, предметов обихода, записи об оплате посещения театров, выставок, благотворительных пожертвований, о гонорарах врачей. Именно из этого объективного источника я щедро черпал информацию, работая в Российском государственном архиве (РГИА) и готовя главы о членах Дома Романовых.

Изменения, идущие последние десятилетия в России, затронувшие широчайшую сферу – от производственных отношений до трансформации психологии людей на всех общественно-политических уровнях, возвращение религиозности народа – дело гигантской сложности, вся глубина которого лишь постепенно открывается нам, зрителям и участникам этих процессов. Назад пути уже нет. Размышляя о судьбах страны, о сложных связях былого, настоящего и предстоящего, читатель, надеюсь, с интересом встретит мою попытку изложить итоги многолетних раздумий об историческом пути семьи Романовых.

Изучение некоторых аспектов прошлого России до недавних пор отторгалось, считалось чуждым по идеологическим соображениям. Многие архивные фонды времен монархии были недоступны подавляющему большинству исследователей. Отсюда – явный недостаток книг, представляющих нашу историю в документах или близких к ним источниках, которые издавались до 90-х годов XX века. Современное поколение чувствует этот дефицит информации. Отсюда – четкий интерес к литературе, посвященной представителям Дома Романовых. Я ощущаю это во время встреч с читателями.

В последние годы появились книги, в которых предпринимаются попытки вернуть нам украденную историческую память, вновь пережить забытые страницы былого. В большинстве своем, это книги, посвященные императорам. К сожалению, на их страницах редко написаны имена многих ярких представителей семьи Романовых, не носивших короны, но внесших свой достойный вклад в упрочение ее славы и могущества. До сих пор украшают Петербург и его пригороды настоящие архитектурные жемчужины – осколки былого величия, замечательные дворцы, расположенные на Дворцовой и Петровской набережных, площадях Михайловской и Труда, в Знаменке, Ораниенбауме и в других местах. А что мы знаем о владельцах этих зданий?

Люди словно выплывают из мрака забвения, небытия, из пучины ненужности. В нее сбрасывалось почти 80 послеоктябрьских лет все достойное, связанное со славным боярским, царским, императорским Домом Романовых... На заинтересовавшую меня личность я обычно захожу «досье», куда годами вношу биографические и библиографические данные, необходимые для реконструкции образа исторического деятеля. Когда накопленная информация позволяет взяться за перо, количество материала переходит в качество писательского текста.

За десятилетия работы с архивными первоисточниками, эпистолярным наследием, мемуарами, иконографией, собранный материал по истории Дома Романовых оказался настолько богат, что я понял – необходима новая книга, где можно было бы представить многие новые факты. Рано или поздно книга о «забытых Романовых» должна была быть написана. А как же

иначе? Разве такие яркие личности, столь многое сделавшие для России, как Великие Князья Михаил Павлович, Константин Николаевич, Великая Княгиня Елена Павловна, не заслуживают внимания широких масс читателей?

Мимо тихих могил Романовых проносится бурная противоречивая жизнь современной России. Новая, настолько непохожая на прежнюю, что их трудно сопоставлять. Как нелегко бывает «раскапывать» прошлое! Иногда ощущаешь, будто люди, жившие до нас, сопротивляются нашему к ним вниманию, скрывая от потомков не только дурное, но и хорошее, достойное похвал. Слабый историк тот, кто видит у ушедших людей лишь недостатки, злорадно подмечает крутые обвалы в судьбах, моральные падения. Яркий пример – М.М. Щербатов¹ и его известная хроника «О повреждении нравов в России». Не христианский это подход. Не продуктивный, однобокий.

Как определить жанр книги? Это – не документальные биографии представителей Дома Романовых², это и не художественные произведения. Скорее всего, перед Вами, уважаемый читатель, особый вид публицистики, научной прозы, основанной на архивном и мемуарном материале, но окрашенный врачебной принадлежностью автора. Это дает возможность профессионально обсуждать многие факты жизни и смерти героев, вольно или невольно затемненные или искаженные моими предшественниками по писательскому цеху. Некоторая фрагментарность труда была неизбежна, ведь членов царского и императорского Дома Романовых – многие десятки. Именно поэтому работа сопровождается подробным справочным аппаратом и обширной библиографией. Это позволит интересующимся пополнить оставшиеся неосвещенными сведения. Все эпиграфы к главам этой книги, как и предыдущих, принадлежат перу Александра Сергеевича Пушкина, моего любимого поэта, удивительного знатока истории, культуры, нравов, быта, самой души русского народа. Даты приведены по Юлианскому календарю. Для перевода их в новый стиль необходимо прибавить: с 05.10.1582 по 29.02.1700 + 10 дней, с 01.03.1700 по 19.02.1800 + 11 дней, с 01.03.1800 по 29.02.1900 + 12 дней, с 01.03.1900 + 13 дней.

По мере того, как я разыскиваю в прошлом документы, факты и события, интересные моим современникам, невольные сравнения возникают передо мной. Что такое жизнь, как не сопоставление ушедшего с настоящим? Изучение деятелей прошлого помогает нам познавать и оценивать как себя, так и своих современников. Я дожил до счастливого возраста, когда уже не боюсь говорить правду, в том числе и в своих книгах. Делаю это с удовольствием, без фиги в кармане, как это было со многими, писавшими о Доме Романовых раньше. Вновь и вновь подтверждается старая истина: человек жив, пока живет память о нем. Вспомним же на этих страницах людей, внесших свой оригинальный вклад в прошлое нашей Родины. Писатели, художники слова могут показать мир сей либо порогом ада, либо преддверием Рая. Все зависит от точки отсчета...

Итак, я с радостью вновь удаляюсь из мира скучных совещаний, никчемных приказов, секционных залов, анатомических ножей в царство дворцовых менюэтов, порохового дыма войн, полевых лазаретов, державных указов, изящных фрейлин... Мне комфортно там, в любимых мной XVIII и XIX веках, и кажется, мы понимаем друг друга. Ну, что же... Вставим еще раз волшебные ключи знаний в скважины исторических тайн... И со страшным скрежетом начинают открываться ржавые огромные замки, распаиваются затянутые вековой паутиной двери Времени в давно ушедшее. Произнесем в качестве путеводного пароля слова Пророка Иеремии, обращенные к историкам: «Сия рече Господь: стойте на пути, и видите, и воспро-

---

¹ У современников имел прозвище «Аввакум скатеринских времен».

² Родовая фамилия «Романовы» в XVIII–XX веках, вплоть до февральского переворота 1917 года, не употреблялась. Члены Императорского Дома подписывали документы и письма только именем, полученным при Святом крещении.

сите от стезь древних, их же будет путь благ, и ходите по них, обрящете прохладение душам вашим!». Вперед, любители русской истории!

Неизвестный художник. Портрет царя Алексея Михайловича. Конец 1670 – начало 1680 гг. (?)

Глава 1

Отцы и дети

Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро. —
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют.

А.С. Пушкин. Борис Годунов

Тяжелейший период Смутного времени на Руси завершился избранием на царство Земским Собором в торжественный день – Неделю Православия – первое воскресенье Великого Поста, 21 февраля 1613 года нового государя – Михаила Федоровича Романова. Будущий царь родился 12 июля 1596 года в Москве³, и к моменту коронации ему шел семнадцатый год. После получения известия об избрании Михаила Федоровича польские интервенты вознамерились убить юного царя, но, не зная местности, обратились к одному из костромских крестьян – Ивану Сусанину, с просьбой сопроводить их до резиденции, где укрывалась семья Романовых. Сусанин завел отряд в непроходимые болотные топи и погиб, зарубленный интервентами. Он стал героем русского фольклора и оперы М.И. Глинки «Жизнь за царя».

В Жалованной грамоте царя Михаила от 1619 года, выданной крестьянину Костромского уезда села Домнино «Богдашке» Собинину говорится: «Как мы, великий государь, царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси, были на Костроме, и в те годы приходили в Костромский уезд польские и литовские люди, а тестя его, Богдашкова, Ивана Сусанина литовские люди изымали, и пытали великими немерными муками, а пытали у него, где в те поры мы, великий государь, царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси были, и он, Иван, терпя от тех польских и литовских людей немерные пытки, про нас, великого государя, тем польским и литовским людям, где мы в те поры были, не сказал, и польские и литовские люди замучили его до смерти». Собинину и его жене, дочери Сусанина Антониде, пожаловали во владение деревушку Коробово, которую на вечные времена освободили от налогов, крепостной зависимости и воинской обязанности.

Некоторые историки считали подвиг И. Сусанина вымышленным. Современная археология и судебно-медицинская экспертиза представили доказательства подлинности этих событий! С 2003 года у поселка Исупово Сусанинского района Костромской области, где сотни лет назад располагалось огромное болото, ведутся археологические изыскания. Обнаружены многие десятки человеческих скелетов и 40 нательных крестов, особенности которых свидетельствуют об их принадлежности польским солдатам. Единственный крест, изготовленный в XVI–XVII веках, исполнен в древней православной традиции! Кто был его обладателем? Уже есть некоторые данные. В дни, когда пишутся эти строки, ученые продолжают кропотливые исследования...

19 марта юный государь выехал из Костромы в Ярославль, оттуда через Троицкий монастырь подъехал к столице. Первого мая Михаил был в селе Тайнинском, где находился один

---

³ Дом, где родился первый русский царь из династии Романовых, был расположен в московском Зарядье (ныне – ул. Варварка, 10). Здесь, на территории древнего Китай-города, находились палаты – Никиты Романовича Захарьина-Юрьева, деда Михаила. Ныне от первоначального строения сохранился белокаменный фундамент, на котором реконструированы боярские палаты XVII века.

из путевых дворцов на пути в Троицкую обитель. На следующий день Москва встречала царя. Толпы людей вышли за город, приветствовали новоизбранного монарха, молодого, доброго, каким он всем виделся. Михаил напоминал царя Федора Ивановича, был двоюродным племянником последнего по матери – Анастасии Романовне Захарьиной-Юрьевой (от ее брата Никиты и пошла их новая ветвь – Романовы). «Личность царя Михаила как нельзя более способствовала укреплению его власти: мягкость и чистота этого государя производили на народ выгодное для власти впечатление, самым выгодным образом представляли эту власть в глазах народа; известная доброта царя исключала мысль, чтобы какое-нибудь зло могло проистекать от него, и все, что не нравилось тому или другому, падало на ответственность лиц, посредствующих между верховною властью и народом...» (Соловьев С.М., 1963). Кратко проследим родословную нового государя.

Помимо родства с угасшей династией Рюриковичей, эта фамилия имела в глазах людей того времени славную историю, немалые заслуги перед Русью. Среди боярства Москвы со времен первых ее князей заметное место заняли Кошкины, от которых потом пошли Захарьины-Юрьевы. Их родоначальником фамильное предание, вошедшее в родословные книги, считает выходца «из Прус», Гланда-Камбилу Дивоновича. На Русь он приехал в последней четверти XIII века, крестился с именем Иван (Гребельский П., Мирвис А., 1992). От его сына Андрея, прозвищем Кобыла (русифицированное от Камбилы), осталось пять сыновей, в числе их – Федор Кошка. Они стали основателями дворянских родов. Если Андрей Иванович с сыновьями звались Кобылиными, то Федор и его сын Иван – Кошкиными, «Кошкин род» по русским летописям. Потомки последних стали сначала Кошкиными-Захарьиными, позднее просто Захарьиными. За ними последовали Захарьины-Юрьевы, Юрьевы, Захарьины-Романовы, Романовы. Будучи представителями нетитулованной фамилии, они «не потонули в потоке новых титулованных слуг, нахлынувших к московскому двору с половины XV века». Князья Воротынские, Мстиславские, Шуйские не оттеснили Кошкиных из «первого ряда боярства» (Ключевский В.О., 1957).

Представители «Кошкина рода» занимали видные места при дворе – заседали в Боярской думе, воеводствовали в городах, ездили послами в другие страны. Так продолжалось до середины XVI века, когда Романовы стали «звездами первой величины» на политическом небосклоне. Причина тому – замужество Анастасии Романовны. Она вышла замуж за Ивана IV, только что провозглашенного царем (1549). Видную роль в придворных, военных делах играл ее брат Никита Романович, воспетый даже в народных преданиях. Согласно песне «Грозный и сын», Никита спасает сына царя, посланного отцом на смерть. Сюжет этот выдуман – на самом деле Грозный собственноручно убил сына Ивана; но характерно, что составители песни, осуждая царя-тирана, в благожелательных тонах рисуют образ Никиты Романовича, популярного среди простых людей боярина (Буганов В.И., 1997).

* * *

В контексте материалов книги мне показалось интересным представить в ней последние научные данные о прародителях царского, а затем и императорского Дома Романовых. Их родовая усыпальница – один из древнейших русских монастырей. Новоспасская обитель была основана святым благоверным князем Даниилом Московским на месте нынешнего Свято-Данилова монастыря у Серпуховской заставы. Он стал первой иноческой обителью на московской земле. В 1330 году князь Иван Калита перенес обитель на Боровицкий холм в Кремль. В нем совершались крещения, бракосочетания и другие требы для княжеской семьи. Сам Иван Калита принял в нем перед кончиной иноческий постриг. Во время княжения Ивана III в Кремле началось большое каменное строительство, и обитель была перенесена на нынешнее место, в так называемый Васильцовский стан Московского уезда. С 1491 года здесь шло строительство

каменного храма во имя Преображения Господня, освященного в 1497 году. Монастырь получил в летописях название Спаса на Новом, или Новоспасского.

Доподлинно неизвестно, почему именно здесь нашли место своего упокоения представители боярского рода Кошкиных-Захарьиных-Юрьевых-Романовых. Можно предположить, что они принимали участие в строительстве храма или пожертвовали монастырю свои земли, поскольку есть более позднее упоминание о родовых вотчинах Романовых в Васильцовском стане в XVI веке. Но таков промысел Божий, по которому «дворцовый», «великокняжеский» монастырь стал последним прибежищем прародителей будущей царской династии.

Первое захоронение в усыпальнице датируется 1498 годом, когда здесь был погребен Василий Юрьевич Захарьин-Кошкин – московский боярин, служивший с 1493 года Ивану III. Могила его неизвестна. Последнее состоялось в 1679 году, когда в усыпальнице была погребена дочь царя Михаила Федоровича. Ирина Михайловна была похоронена уже под новым собором, строительство которого было закончено в 1647 году. Старый храм был разобран «до подошвы», и одной из главных причин, побудивших царя Михаила построить новый храм, как считал И.Д. Дмитриев (1909), было желание, «чтобы тела царских пресветлых родителей покоились не вне храма, как многие из них, вследствие увеличения размера усыпальницы, могли бы остаться, но непременно под сводами его».

Первое документальное упоминание об усыпальнице Романовых относится к 1616 году. Именно в этом году по указу матери царя инокини Марфы из Государевой Царицыной палаты были доставлены новые покровы на все гробницы. Таких покровов было изготовлено 46, возможно, по числу надгробий. Известно «Описание царских пресветлых прародителей... благородные их тела положены... во обители Всемиловитого Спаса на Новом», составленное 12 июня 1687 года, так называемый Новоспасский Помянник. В нем значатся 70 имен. Помянник составлялся, по-видимому, как по монастырским Кормовой и Вкладной книгам и разновременным синодикам, так и по фактически существовавшим надгробиям. В XVII веке усыпальница соблюдалась в «наибольшем порядке», так как имела в это время прямое попечение первых Романовых: описаны частые царские выходы для молитв на могилах предков.

К сожалению, замечательный монастырь вплоть до второй половины XVII века не имел исторического описания. Первое из них было составлено по распоряжению императрицы Елизаветы Петровны от 10 июля 1759 года при настоятеле архимандрите Иакинфе (Карпинском). Опубликовано оно было лишь в начале следующего века – в 1802 году архимандритом Ювеналием (Воейковым). В нем содержатся подробные сведения о подклете собора, гробницах предков Романовых и приводятся надписи на них.

В XVIII столетии, когда столица России была перенесена в Санкт-Петербург и изменилась политика по отношению к монастырскому землевладению, вклады в обитель со стороны царствующих особ почти прекратились. К этому прибавилось несколько сильных пожаров. К началу следующего века усыпальница оказалась в полуразрушенном состоянии. На протяжении XVIII и XIX столетий здесь участились захоронения различных светских лиц, которым удалось доказать свое родство с Романовыми. Возможно, здесь сыграло свою роль и бедственное материальное положение монастыря. Так в усыпальнице появились могилы представителей известных княжеских и дворянских родов Дашковых, Голицыных, Новосильцовых, Куракиных, Еропкиных и др., потеснившие могилы предков Романовых.

Усыпальница, как и весь монастырь, на протяжении веков неоднократно осквернялась иноземцами, совершавшими грабительские набеги на Москву, – татарами, поляками. Трагедией для всего монастыря стало французское нашествие. Долгое время монастырь не имел возможности приступить к ремонту усыпальницы. Есть упоминание о частичном настиле полов «из белой лещеди» в 1837 году при архимандрите Аполлосе. При нем же было составлено дошедшее до наших дней описание надгробных памятников.

Крупный ремонт с частичным восстановлением надгробий был проведен в 1857 году по указанию Императора Александра II. Подлинного дела об этом ремонте не сохранилось, но по некоторым упоминаниям можно сделать вывод, что на многих могилах были установлены надгробия, выбиты новые надписи, причем во многих случаях это было сделано предположительно согласно расплывчатым и ошибочным указаниям поздних маргиналий Кормовой книги. К 300-летию Дома Романовых (1913), когда усыпальницу снова посетил Император с Августейшим семейством, она в очередной раз была приведена в порядок. Во время пребывания Государя в монастыре ему была подарена точная модель Преображенского собора с усыпальницей царских прародителей с указанием всех существующих гробниц, искусно выполненная звонарем Новоспасского монастыря Михаилом Долинским.

Несколько слов о том, что происходило в монастыре после его закрытия в 1918 году и создания в нем исправительно-трудового лагеря. Есть свидетельство дочери Льва Николаевича Толстого Александры, которая отбывала в лагере срок, что каждую ночь заключенные разрывали могилы в поисках драгоценностей, за находку которых они получали увольнительные в город. Это свидетельство эмоциональное, а есть и документальное. В рапорте санитарного врача лагеря в Главнауку от 9 октября 1923 года говорится: «Новоспасский ИТЛ находится в крайне антисанитарном состоянии, некоторые из склепов могил доступны любопытным, гробы вскрыты и части скелетов валяются открытыми. Некоторые погребя, а в особенности подвал под монастырем, загажены и представляют из себя настоящую клоаку». Это неудивительно, поскольку лагерь, рассчитанный на 250 заключенных, вмещал 430 человек, не считая охраны и сотрудников с семьями (Пасхалова Т.В., Станюкович А.К., 1997).

По воспоминаниям человека, жившего в монастыре с 1918 года, в подклете пытались сделать столовую для заключенных. Затем ее открыли в Покровском храме, а над входом в усыпальницу долго сохранялась надпись «Столовая». После ликвидации ИТЛ монастырь был передан в хозяйственное управление НКВД. В усыпальнице сделали склад. Все эти годы мозаичный Образ Нерукотворенного Спаса над входом в усыпальницу закрывал щит с изображением дымящихся заводских труб и надписью «Дома культуры вместо монастырей!».

В 1950-х годах щит вдруг упал, и жители «Кировского городка», как называлось тогда общежитие в монастырских стенах, помнят, как бесстрашные бабушки перед праздником Пасхи, подставив лестницу, отмывали открывшуюся красоту. С 1968 года помещения монастыря были переданы научным учреждениям, руководившим реставрационными работами. Планировалась организация здесь музея реставрации. Архитектором К.К. Морозовым (1982) была издана интересная книга о достопримечательностях монастыря, где говорится и об усыпальнице, которая оставалась в небрежении.

В 1991 году монастырь был передан Русской Православной Церкви, и в его стенах была возрождена мужская обитель. После ухода реставраторов братией и прихожанами монастыря все помещение подклета было расчищено и приведено в порядок, однако, о восстановлении усыпальницы не могло быть и речи, поскольку братия во главе с наместником, тогда еще архимандритом Алексием (Фроловым), стала налаживать богослужебную жизнь.

В 1990-х годах авторитетная комиссия московских археологов под руководством доктора исторических наук А.К. Станюковича по благословению Священноначалия начала исследовательские и восстановительные работы в усыпальнице обители. В работе комиссии принимал участие крупнейший в стране специалист по судебно-медицинской идентификации личности профессор В.Н. Звягин. Учеными были получены уникальные результаты. Найдены не только достоверно известные в начале XX века захоронения Романа Юрьевича Захарьина, его сыновей Долмата и Даниила, но и давно затерянная могила дочери Анны, бывшей замужем за военачальником Ивана IV, князем В.А. Сицким. Найдена (совсем не там, где считалось ранее) могила знаменитого сына Р.Ю. Захарьина – Никиты Романовича Юрьева, отца Патриарха Филарета и деда первого Государя из рода Романовых. Обнаружены затерянные

захоронения второй жены Никиты Романовича – Евдокии Горбатовой, их сына Ивана – Льва Никитича, младенца Михаила Даниловича, умерших во младенчестве четырех братьев царя Михаила Федоровича. Из ранее известных захоронений наиболее примечательны гробницы матери царя Михаила Федоровича Ксении Ивановны Шестовой (Великой старицы Марфы), его сестры Татьяны, бывшей замужем за одним из первых российских литераторов и историков князем И.М. Катыревым-Ростовским, его дочери Ирины.

Замечателен представительный корпус надписей на саркофагах, являющийся, помимо бесценного палеографического памятника, точнейшим источником календарных дат кончины царских прародителей. Изучение надписей во многих случаях позволило поправить традиционные даты кончины. В частности, удалось решить старый вопрос, от первого или второго брака у Никиты Романовича Юрьева родился сын Федор, будущий Патриарх Филарет. Уточненная дата кончины первой жены Никиты Романовича, Варвары Ивановны Ховриной (1555 г. вместо 1552 г.), однозначно решила вопрос в пользу первого брака.

Медико-антропологические исследования позволили определить переходящие из поколения в поколение фамильные черты внешности представителей рода Юрьевых-Романовых, в большинстве случаев выяснить возраст погребенных в день кончины. Это не только послужило надежной основой для идентификации захоронений, на которых отсутствовали надписи, но и позволило внести дополнительную ясность в традиционную генеалогию предков Дома Романовых, поскольку впервые появилась возможность с точностью до нескольких лет определить год рождения большинства погребенных в усыпальнице.

Удалось установить, что некоторые представители рода (Роман Юрьевич, Никита Романович, один из малолетних братьев царя Михаила) страдали тяжелым наследственным заболеванием опорно-двигательного аппарата. Вероятно, той же болезни был подвержен и царь Михаил Федорович, который, как писал он сам, в возрасте всего около 30 лет «так скорбел ножками, что до возка и из возка в креслах носят».

У Татьяны Федоровны, умершей в 1611 году в возрасте 16–18 лет, отмечены признаки детского рахита и задержки роста, что обусловлено известными обстоятельствами опалы Романовых. Ее детство прошло в ссылке сначала на Белоозере, затем в Юрьевском уезде, где дети, как известно, вели полуголодное существование.

Здесь мне хотелось бы сделать небольшое отступление. Т.В. Пасхалова и А.К. Станюкович (1997), являясь ведущими российскими церковными археологами, опасаясь выйти за пределы специальной компетенции, этой обтекаемой формулировкой представили обоснованное и объективное мнение авторитетнейшего судебно-медицинского эксперта, профессора Виктора Николаевича Звягина, участвовавшего вместе с авторами книги во многих обсуждаемых исследованиях. По его мнению, болезнь, о которой пишут археологи – деформирующий остеоит (другие названия: остеоидистрофия деформирующая, болезнь Педжета). Это хронически протекающее воспалительное поражение скелета, характеризующееся нарушением процессов образования и развития костной ткани. Болезнь приводит к образованию увеличенных, избыточно кровоснабжаемых костей, склонных к переломам, к образованию опухолей. Среди больных преобладают мужчины, из них до 50 % имеют хотя бы одного родственника первой степени родства, страдающего деформирующим остеоитом (Денисов И.Н., Улумбеков Э.Г. и соавт., 1998). Интересно, что помимо собственно костных изменений, для таких больных характерна хроническая сердечная недостаточность и злокачественно протекающий атеросклероз, нарушение минерального обмена со склонностью к образованию мочевых камней. Путешествуя в дальнейшем по историям болезней членов Дома Романовых, мы нередко встретим сочетание этих симптомов...

* * *

В политической жизни при царях Федоре и Борисе активное участие принял Федор Никитич Романов. Ко времени воцарения Федора Ивановича ему исполнилось примерно тридцать лет. Старший из шести сыновей Никиты Романовича, он был наиболее способным и даровитым, слыл боярином обходительным, добрым, любознательным: по словам Д. Горсея, проживавшего в Москве англичанина, Федор Никитич изучал латынь. Современники считали его щеголем – по одежде, манерам.

Из разрядных книг видно, что Ф.Н. Романов уже в 1580–1590 годах заметная фигура по тогдашней табели о рангах. Он вел переговоры с литовским послом Лукашом Сапегой в феврале 1585 года, во время русско-шведской войны 1590–1593 годов участвовал в походе к Ругодиву, Ивангороду, Копорью и Ям-городу, числился среди бояр «з государем», то есть с царем Федором, потом «боярином и дворовым воеводой». По «береговой росписи» (список воевод, посланных к реке Оке против крымского хана) от 28 марта 1596 года Романов – воевода правофлангового полка. Два года спустя боярин – снова участник царского похода против войск хана Казы-Гирея. Федор Никитич получил почетное назначение – первым воеводой «государева полка».

Победа Бориса, при поддержке «великой государыни» Ирины Федоровны, его сестры, вдовы усопшего Федора Ивановича, и Патриарха Иова, неизбежно столкнула нового царя с придворной знатью. Не последнее место в этой среде занимал Ф.Н. Романов, двоюродный брат умершего царя. Поначалу Борис отмечал Федора Никитича среди других вельмож. Поговаривали, что он дал ему клятву в том, что боярин будет при нем братом и помощником в управлении государством (Буганов В.И., 1997). Ходили слухи о том, что царь Федор, умирая, выразил желание, чтобы именно Романовы унаследовали престол; называл как будто при этом имя Федора Никитича.

Соответствовало ли все это истине – неизвестно. Во всяком случае, Годунов видел в этом боярине и его родне опасных соперников. При всех своих способностях и уме царь отличался подозрительностью, доверием к доносчикам, чародеям. Получил он донос и на Романовых: Бартенев, казначей брата боярина Федора – Александра, пробрался весной 1601 года тайком к родственнику царя Семену Годунову, оба они, по указанию правителя, разложили по мешкам какие-то коренья, и слуга-предатель подбросил их в кладовую своего господина. Потом донес об «отравном зелье», и царь тут же послал людей для обыска. Мешки «нашли», доставили их к Патриарху. При многих собравшихся коренья высыпали на всеобщее обозрение. Романовых, их родственников и друзей (Черкасских, Сицких, Шестуновых и других) взяли под стражу, пытали. В июне 1601 года боярская Дума вынесла приговор: Федор Никитич принял постриг и инок Филарет оказался в ссылке – в северном Антониево-Сийском монастыре. Его жену Ксению Ивановну отправили в один из заонежских погостов; она стала инокиней Марфой. Сослали в разные места тещу Филарета, его четырех братьев: Александра, Михаила, Ивана и Василия. Дети Федора Никитича, пятилетний Михаил и его сестра с тетушкой Настасьей Никитичной Черкасской и женой Александра Романова оказались на Белоозере. Филарет пробыл в монастырском заточении шесть лет. Под колокольной до двадцатых годов XX века сохранялось тесное помещение размерами в кубическую сажень, где жил опальный инок-боярин.

Верный обычаю идти «по следам» своих героев, осенью 2001 года я побывал в древней обители, бережно восстанавливаемой под руководством архимандрита Трифона (Плотникова). Практически ничего не сохранилось в монастыре из вещественных свидетельств пребывания в ней будущего Патриарха. Обитель прошла страшный путь поругания (детская колония, дом-интернат для престарелых, пионерский лагерь). Трагический путь разрушения святыни завер-

шился пожаром 1992 года. И только после этого монастырь вернули Русской Православной Церкви...

* * *

Сложной оказалась судьба инок Филарета в Смутное время. При Лжедмитрии I Романовым была оказана сомнительная «честь» – все они были возвращены из ссылки, как «близкие родственники» нового царя. Владыко Филарет стал Митрополитом Ростовским. 1613 год – год избрания на царство своего сына Владыко встретил в польском плену. Начались длительные сложные переговоры по его возвращению на Родину...

А государство в это время сотрясали крупные политические и военные события: 27 февраля 1617 года в деревне Столбово под Тихвином, в специально для этого возведенном здании, был подписан мирный договор России со Швецией, по которому Новгород, Старая Русса, Порхов и Ладога вновь вошли в состав русского государства. Одновременно наша страна вынуждена была согласиться с утратой Копорья, Ивангорода, Орешка, устья Невы, южного побережья Финского залива. 1 октября 1618 года был успешно отражен штурм Москвы войсками польского королевича Владислава, не оставившего планов захвата русского престола. Наконец, отец царя Михаила Митрополит Филарет смог вернуться из плена на Родину. Произошло это 1 июня 1619 года.

Старший Романов, человек честолюбивый, всю жизнь мечтавший о короне, в свое время изгнанный из царского дворца Годуновым, теперь, к старости, достиг заветной цели: получил и высшую церковную власть⁴, и власть светскую, которую делил с сыном-царем. Патриарх Филарет, по мнению очевидца, «был роста и полноты средних, Божественное писание разумел отчасти; нравом был опальчив и мнителен, а такой владетельный, что и сам царь его боялся. Бояр и всякого чина людей из царского синклита томил заточениями необратными и другими наказаниями. К духовному сану был милостив и не сребролюбив; всеми царскими делами и ратными владел»⁵. (Отзыв Высокопреосвященного Пахомия, Архиепископа Астраханского, 1655).

Непростым нравом отличалась царская матушка инокиня Марфа. Ее деспотичность, упрямство, сильное влияние на сына сказались и на его личной судьбе. Михаил взрослел, встал вопрос о его женитьбе, о продлении царского рода. В 1616 году, когда ему исполнилось двадцать лет, выбрали невесту – Марию Ивановну Хлопову, дочь незнатного дворянина. Но завистники постарались сделать все, чтобы расстроить предстоящий брак...

Хлопову царь пригладел на смотре невест, устроенном во дворце, объявил свою волю отцу и дяде невесты. Но поперек встала Марфа – ближайшая подруга инокиня Евникия (Салтыкова) настроила ее против. Сыновья Евникии боялись потерять влияние при царском дворе с появлением Хлоповых, их родственников и свойственников, с которыми они не ладили. Вскоре, наряду с оговорами, сплетнями, последовало более серьезное – Хлопова стала страдать рвотами. По указанию царя М. Салтыков привел к больной доктора-иностранца Валентина Бильса. Тот осмотрел ее, заключил: у девушки расстройство желудка, что можно вылечить; «плоду и чадородию от того порухи не бывает» (Новомбергский Н.Я., 1906).

Такой диагноз, благоприятный для невесты и жениха, не устраивал Салтыковых. Доктора Валентина к Хлоповой больше не допускали; лекарство, им назначенное, дали ей всего два раза. Второй врач – Балсырь, младший по положению, – тоже осмотрел девушку, нашел у нее слабую желтуху, которая-де излечима. Его тоже оттеснили от невесты. А лечить ее стали...

---

⁴ Торжество поставления в Патриархи Митрополита Филарета состоялось 24 июня 1619 года.

⁵ Святейший Патриарх Филарет своей внешностью был похож более на боярина, чем на клирика. Сохранился его портрет. Мантия его похожа на боярскую шубу, внизу не сцеплена, полы расходятся нарастающе. Борода и усы ровно подстрижены, волосы тоже полудлинные. В приходе-расходных книгах Патриаршего Приказа значится, что каждые два месяца к Филарету приходил чудовский иеромонах Ермоген и за 8 алтын «подновлял» Патриарху волосы, бороду и усы.

Салтыковы, давая какой-то водки из царской аптеки для «аппетита» (Буганов В.И., 1997). Ей давали также Святую воду «с мощей» и камень безуй⁶ (безоар – Ю.М.).

Пиала ли она прописанную водку – неизвестно. Ей вскоре стало лучше. Но недоброжелатели не успокаивались: Салтыков внушал царю, что врач Балсырь сказал ему о неизлечимости болезни Хлоповой. Матушка настаивала, чтобы удалить невесту от двора. Бояре, в угоду царице Марфе, приговорили: Хлопова «к царской радости непрочна».

Невесту из дворца, в котором уже шли приготовления к свадьбе, выслали на ее подворье, а через десять дней с родственниками отправили в далекий Тобольск, затем – в Верхотурье. Царь Михаил, судя по всему, испытывал к Хлоповой искреннее чувство, не соглашался взять другую невесту. С приездом отца у него появилась надежда. Влияние Салтыковых ослабевало. Филарет к ним относился иначе, чем его супруга. Некоторое время он вынашивал планы женитьбы сына на одной из иностранных королевен. Посольства в Данию (1621 год, сватали за племянницу короля Христиана) и в Швецию (1623 год, за сестру курфюрста Бранденбургского Георга, шурина шведского короля Густава Адольфа) не принесли успеха. Хлопова жила к тому времени недалеко от Москвы – в Нижнем Новгороде, куда ее привезли в 1620 году. На здоровье она не жаловалась. Михаил Федорович, не забывший избранницу, объявил отцу, что женится только на ней.

Вскоре специальная комиссия, назначенная Патриархом, начала следствие. Доктора Бильс и Балсырь повторили свое заключение семилетней давности: Хлопова страдала нетяжелой желудочной болезнью; в ее скором излечении не могло быть сомнения. М. Салтыков, царский кравчий, призванный к допросу, запирался, увиливал. Было ясно, что он солгал, «облиховал» Хлопову (Балезин В.Н., 1995). «Великие государи» советовались с боярами И.Н. Романовым, И.Б. Черкасским, Ф.И. Шереметевым. Послали за Хлоповыми. Отец невесты поведал, что дочь его заболела только в царском дворце; до приезда в него и во время ссылки все время была здорова. Духовник подтвердил ее слова. То же сделали Шереметев, глава комиссии, и Михаил, архимандрит Чудовский, медики, съездившие по указу государей в Нижний Новгород. Иван Хлопов настаивал, что его дочь отравили Салтыковы. Дело закончилось для Салтыковых плохо – их выслали в деревни, вотчины забрали в казну, инокиню Евникию перевели в Суздальский Покровский монастырь.

Таким образом, в установлении истины по делу немалую роль сыграла своеобразная судебно-медицинская экспертиза состояния здоровья невесты, выполненная в рамках следствия. Вина Салтыковых, ясная для всех, не смогла сломить нелепое упрямство инокини Марфы. Она была недовольна, что ее племянники попали в опалу, заявила, что, если сын женится на Хлоповой, то она покинет страну. Михаил в очередной раз уступил матери. По царскому указу бывшей невесте предписывалось жить в Нижнем Новгороде. Государь около года спустя женился по совету матери на княжне Марии Владимировне Долгорукой. На следующий день после бракосочетания она заболела и через три месяца скончалась. Ходили слухи, что молодую царицу «испортили». После смерти государыни сменили медицинское руководство.

2 ноября 1624 года царь врачу Аптекарского приказа Валентину Бильсу «указал в дохтурех не быть; а велел ему служить свою государеву службу, а будет служить не похочет, и ему дать волю, где хочет», т. е. может ехать за границу. Бильс просил оставить его в докторях, так как «он этому специально учился... а за море ему ехать нельзя же, потому что он при-

---

⁶ Что представляет собой безоар на самом деле? Этот блестящий с зеленовато-черным отливом камень извлекался из желудка жвачных животных: антилоп, лошадей. Заглатываемый камешек, волосы или другие неперевариваемые предметы в желудке обрастают холестерином, фосфорно-кислыми солями, превращаясь в камень, типичный для желчнокаменной болезни. Ценился он на вес золота, равного с ним по весу. Новые соображения о свойствах безоаров высказал в наше время американский биохимик Эндрю Бенсон (1980). Он считает, что в камне действительно имеются два механизма обезвреживания соединений мышьяка. Между фосфорно-кислыми солями камня и арсенатами происходит реакция обмена: мышьяк поступает в камень, а фосфор в раствор. Арсениты же связываются в нетоксичный комплекс с гидролизованым кератином, образованным в камне из белка волос.

родный государев холоп и родился в Москве». Государь отказал – это была почетная отставка врача. Видимо, Бильсу вспомнили все промахи, вольные и невольные, обусловленные тогдашним уровнем медицинских знаний (Мулюкин А.С., 1908).

* * *

Время шло, Михаил оставался бездетным. Это волновало семью. В памяти еще свежи были жесточайшие испытания царского безвременья. Нельзя допустить повторения пережитого, а потому был необходим законный наследник царствующего государя. Наконец, царь принял решение о новом браке. Согласно обычаю по всей Руси разлетелись гонцы сзывать на смотрины невест. В назначенный срок 60 знатнейших девиц в окружении родителей – знатных бояр и дворян – собрались во дворце. Легко представить, какие надежды на возможное родство с царским домом лелеяла родня девушек! Все с трепетом ожидали царского решения. Но... ничего не произошло. Ни одна из претенденток не остановила на себе внимание государя.

Выход из возникшего затруднения предложила мать царя – инокиня Марфа. Смотрины надо повторить, но в отсутствие родственников, и смотреть надо на спящих девушек, когда лики их не смущены и не затуманены волнением и ожиданием, то есть ночью. Во дворце были оставлены только претендентки на звание царицы и с ними по одной прислужнице, чтобы, как обычно, те могли помочь молодым господам при укладывании в постель.

Дворец погрузился в ночной сон, двери тихо отворились, и царь в сопровождении матери начал свой обход. Они медленно следовали мимо спящих, а скорее притворявшихся спящими, девушек: можно ли было заснуть в такую ночь!

Мать вопросительно взглядывала на сына, но царь безмолвно и бесстрастно шел вперед, и невозможно было понять ни мыслей его, ни чувств. Обход закончился. Затянувшееся молчание прервала инокиня, приступив к сыну с расспросами: на кого же пал выбор царя? Наконец, Михаил Федорович заговорил. Да, сердце указало ему одну из девушек. Отчаявшаяся мать благодарно вздохнула. Кто же она? И услышала ответ: «Она – прислужница». Инокиня запротестовала, взывая к здравому смыслу. Сколько лучших семей привезли во дворец прекрасных девиц, а царь выберет прислужницу?!

Но царь не внял доводам матери, он оставался неумолим. Это его окончательное решение. И если не она, так никакая другая: «Да кто же она?» – отчаялась мать. «Подружка Стрешневой», – был ответ. Вскоре сообщили царю и его матери, что живет у бояр Стрешневых молодая бедная дворянка, дальняя их родственница. Уговоры матери были сломлены его последним доводом: мы сами столько страдали, неужели можно отвергнуть избранницу сердца только из-за ее бедности и несчастий?

Строгая инокиня сдалась, отступила. Подумала: видимо, это Божий промысел. Вряд ли она ошибалась. Не исключено, что выбор родовой особы мог привести к очередной смерти в царском доме: соперничавшим кланам нелегко было уступить выигравшим счастливым, им проще было смириться с невестой «со стороны».

Утром решение царя было торжественно объявлено во дворце и народу. Знатные барышни, накануне лелеявшие надежду стать царицей, чередой подходили поцеловать ручку избранницы – Евдокии Лукьяновны Стрешневой. А российская «Золушка» никак не могла поверить в произошедшее с нею чудо. Каждую она обнимала и целовала. Вчерашняя капризная госпожа царской невесты бросилась в ноги, умоляя о прощении. Кроткая и жалостливая Евдокия Лукьяновна, не держа зла, подняла ее и призывала разделить с ней ее нечаянную радость (Байбурова Р., 1999).

Царь женился на Евдокии Стрешневой 29 января 1626 года. Она родила супругу десять детей; из них шесть умерли в раннем возрасте; четверо, в том числе наследник престола Алексей Михайлович (а также дочери – Ирина, Анна, Татьяна), пережили отца...

* * *

Прежде чем перейти к изложению сведений о здоровье и предсмертной болезни первого государя из рода Романовых, автору показалось целесообразным рассказать читателю о состоянии здравоохранения на Руси в то далекое время. В 1581 году английский аптекарь Джемс Френчам привез из Англии транспорт аптекарских товаров для царской семьи. Эти лекарственные препараты и составили основу первой русской аптеки. Для лечения государя в ней имелось 160 разных лекарств. Услугами аптеки пользовались только царь с семьей и его ближайшие приближенные. Каждый прописанный доктором рецепт сначала поступал в Аптекарский приказ с описанием входящих в лекарство веществ и их возможных действий на организм. Обо всем этом докладывалось царю, и лишь после его санкции аптекари приготавливали прописанное лекарство. Медикаменты приобретались на Западе, главным образом, в Англии. Хинная кора, ревеня, мускус, миндаль, камфара, гвоздика покупались у восточных купцов. Царская аптека пополнялась лекарственными препаратами из арсенала русской народной медицины. Аптекарский приказ организовывал сбор различных лекарственных трав и корней по всей России. Уже в эпоху Ивана IV в Москве, Киеве, Архангельске, Пскове и Новгороде появились специальные зеленые дворы для выращивания и обработки лекарственных растений. Здесь производились мази, масла, сиропы, настойки, экстракты, водки. В зеленых и москательных лавках продавались также цветы, семена, корни и кора лекарственных растений. Здесь можно было приобрести сырую печень трески для лечения «куриной слепоты», деготь для борьбы с чесоткой, клюкву и морошку для профилактики цинги, дезинфицирующие препараты для наружного применения, изготовленные из чеснока, лука, редьки...

Первая царская аптека в Москве, кроме обилия лекарств, отличалась роскошью обстановки. Вся посуда была из шлифованного хрусталя, покрытого позолотой; принадлежности и инструменты обихода были сделаны из золота и серебра. Роскошь царской аптеки объяснялась не только желанием московского правительства показать иноземцам свое богатство, но и стремлением утвердить значение медицинского дела. Заграничные врачи и подведомственные им небольшие аптеки также считались принадлежностью царской семьи. Для того, чтобы получить от них лекарства, требовалась особая челобитная на имя государя. Еще с 1581 года, по указу Ивана Грозного, врачебное дело составило особое ведомство – Аптекарский приказ⁷, содержавшийся, в частности, и на доходы с вышеуказанных аптек, где лекарства могли приобрести «всяких чинов люди» (Платонов С.Ф., 1925). «Аптечный» боярин – глава соответствующего приказа, считался одним из важнейших членов придворной иерархии. Эту должность занимали представители древнейших родов – Черкасские, Шереметевы, Одоевские. При царе Феодоре Иоанновиче возглавлял приказ его шурина, будущий государь Борис Годунов.

Аптекарский приказ приглашал врачей из-за границы для лечебной работы и подготовки русских лекарей, руководил их службой, являлся высшей инстанцией в случаях претензий к оказанию медицинской помощи, устраивал аптеки, ведал плантациями целебных растений, посылал врачей и медикаменты в действующую армию. В течение XVII века существенно увеличились врачебные штаты. Так, если при Михаиле Федоровиче в Москве трудилось около 20 лекарей, то при его преемнике их число удвоилось. В 1654 году во время эпидемий чумы и войны против Польши в связи с возросшей потребностью во врачах при Аптекарском приказе

---

⁷ Аптекарский приказ заботился о состоянии здоровья царской семьи и ее окружения. Практиковали во дворце нанятые на службу иностранные доктора. В Аптекарском приказе готовили разнообразные лекарственные средства. Их рецепты сохранились до нашего времени. В фонде Приказа (РГАДА) можно встретить старинные «травники», «дохтурские лексиконы». В 1630 году князь Иван Катарев-Ростовский, близкий родственник царя, просил выдать ему от «головной болезни государских масл... да водок: свороборинной, буквиной, кроповы, мятовой, финиколевой». Просьбу удовлетворили. На оборотной стороне челобитной подъячий пометил: «водок по фунту» (Автократова М.И., Буганов В.И., 1986).

была создана Школа лекарей и костоправов. В 1670-х годах штат Приказа⁸ насчитывал до 100 человек – врачи, лекари, аптекари, «алхими́сты» (фармацевты), ученики лекарского дела, окулисты (оптики), огородники, разводившие целебные растения (Змеев Л.Ф., 1896).

В 1661 году Аптекарским приказом был одобрен медицинский сборник «Прохладный вертоград», который множество раз переписывался и был широко распространен среди населения. В нем приводились разнообразные советы и рецепты. Так, при лечении наружных поражений рекомендовалось прикладывать свежие растения – капусту, лен, орешник или их свежие соки. Язвы рекомендовалось промывать вытяжками из лука или свеклы. Чесноком широко пользовались для предохранения от «морových поветрий», смазывая тело здоровых людей смесью чеснока и уксуса, или давая жевать чеснок. Ряд заболеваний в древние времена лечили зеленой плесенью. Лишь теперь в свете учения отечественных исследователей о пенициллине (А.Г. Полотебнов и В.А. Манассеин), о фитонцидах (Б.П. Токин) стала понятной рациональная основа народного врачевания и профилактики болезней микробной природы.

Древние рукописи отражали состояние медицины и лекарствоведения своего времени. Они послужили основным источником для составления фармакопей. Лекарем Иваном Венедиктовым – одним из первых составителей рукописной фармакопеи – в 1676 году осуществлен перевод с латинского на русский язык фармакопеи о лекарствах.

В XVII веке в России произошла окончательная дифференциация понятий «лекарь» и «доктор»: «Дохтур совет свой дает и приказывает, а сам тому не искусен, а лекарь⁹ прикладывает и лекарством лечит, а сам не научен, обтекарь у них у обоих повар» (БМЭ, т.12, с.532). С правлением первого государя из Дома Романовых связано и возникновение первой московской больницы «в Китай-городе, на Пожаре», т. е. на Красной площади, существовавшей помимо имевшихся при монастырях богаделен. Небольшое количество педиатрических сведений в медицинской литературе XVII века соответствует незначительному удельному весу педиатрии в деятельности врачей. На первый взгляд такое явление может показаться мало правдоподобным, принимая во внимание исключительно высокую детскую смертность и заболеваемость. Необходимо, однако, учесть, что в то время на Руси лечение детских болезней не входило в поле деятельности научной медицины. Даже в быту царской семьи, имевшей в своем распоряжении видных врачей-иностранцев, последние обычно не привлекались к лечению детей. Между тем использование их именно для педиатрических целей было бы тем более оправдано, что, по сохранившимся воспоминаниям современников и довольно точным описаниям, многие дети царской семьи тяжело болели различными болезнями, в том числе рахитом (были «скорбны ножками») и туберкулезом (были «скорбны грудью»). Имеются данные, что тяжело болели рахитом Федор и Дмитрий, сыновья Ивана Грозного, Федор Алексеевич – старший сын Алексея Михайловича и брат Петра I (Змеев Л.Ф., 1896). Придворных врачей допускали к детям и женщинам лишь в самых исключительных случаях. Особенно недоступны для врачей были царевны. Призванный для консультации врач, как правило, не допускался к больной; ему предоставлялось лишь расспрашивать мамок, боярынь, давать советы состоявшим при каждой царевне особым лекарям. Подлинной «бытовой революцией» оказалось, когда царица Наталья Кирилловна (жена Алексея Михайловича) начала при болезни горла допускать «на свои очи» врача – «гортанного мастера» Ивана Губина.

При вступлении на службу врачи и аптекари произносили клятву: «Лиха государю и семейству не хотети, не учинити, зелья лихого и кореньев не давати, всяким ведомским мечтанием не попортити, по ветру никакого лиха не посылати и следу не вынимати». С них бралось обещание «никого не лечить без указу государя». Было даже издано специальное распоряже-

---

⁸ Здание Аптекарского приказа ныне восстановлено на своем историческом месте (ул. Воздвиженка, 5)

⁹ В современном здравоохранении звание лекаря эволюционировало к должности фельдшера.

ние о том, чтобы «ни один медик не дерзал, под опасением ссылки, пользоваться вельмож без именного приказа государя» (Нахапетов Б.А., 2005).

Многие врачи не знали русского языка и поэтому их постоянно сопровождали толмачи-переводчики, которые, надо полагать, играли роль и соглядатаев. М.Ю. Лахтин (1902) сообщал по этому поводу: «Близкое отношение иноземных докторов к членам царской семьи имело для них свои отрицательные стороны. Вследствие недоверия к обществу правительство стремилось оградить свою безопасность целой системой шпионов. Не только к приезжавшим в Россию иностранцам, но и русским должностным лицам командировались из приказа Тайных дел подьячие, которые должны были постоянно находиться при них и доносить обо всем, что ими говорилось или делалось. Врачи в этом отношении были, конечно, предметом особого внимания».

Лечение царя и членов его семьи обставлялось сложными формальными процедурами. Каждое мнение, высказанное врачами, каждое действие должны были облекаться в форму протокола за их подписями и визой дьяка Аптекарского приказа. Пользовавшийся царя врач обязан был подавать в приказ подробное письменное заключение о диагнозе, а затем представлять такие же «сказки» о дальнейшем ходе болезни. Следует отметить, что эти «формальности» послужили источниковедческой основой для изучения начального периода истории отечественной медицины.

При отпуске лекарств из аптеки для царя или членов его семьи принимались чрезвычайные меры предосторожности, в частности, предписывалось «самому дохтуру и аптекарю того лекарства надкушать, а как великие государи то лекарство изволят принять, и тогда дохтуру, в коем месте ему велят, указу ожидать, пока благое действие того лекарства совершится» (Герман Ф.Л., 1895).

* * *

Вернемся, однако, к личности царя Михаила Федоровича. Сведений о состоянии здоровья первого государя из дома Романовых в детские и юношеские годы практически нет. Известно лишь, что Михаил с юных лет «скорбел ногами» от последствий ушиба, что, видимо, и послужило причиной его традиционно малоподвижного образа жизни. Несмотря на относительно небольшой возраст, в последние годы жизни государь располнел и обрюзг. Лицо его, по воспоминаниям современников, поражало бледностью и отечностью. Движения стали медленными, появилась одышка после быстрой ходьбы. В 1639 году царь в течение трех месяцев потерял двух сыновей – Ивана, 6 лет, и младенца Василия. Горе усилило болезненное состояние государя. Он часто лежал, жаловался на слабость и боли в сердце, отказывался следовать просьбам своих врачей – Венделина Сибелисты, Иоганна Белау, Артмана Грамана¹⁰ чаще бывать на свежем воздухе, больше двигаться. Душистые отвары лекарственных растений надолго поселились в опочивальне царя. Часть кореньев и трав прибавлялась в красное рейнское вино, даваемое Михаилу Федоровичу. Весной 1643 года царь перенес протекавшее в тяжелой форме рожистое воспаление. Не успев восстановиться после болезни, Михаил Федорович 6 июля заболел «жабой» (ангиной). Лечили его доктора Граман и Белау. 29 декабря 1644 года, по воспоминаниям датского принца Вальдемара, во время данной ему аудиенции государь поразил его тихим хриплым голосом, одышкой, печальным отечным лицом. Царь зябко кутался в роскошные одежды, видимо, его знобило.

---

¹⁰ Известно, что придворными врачами при необходимости выполнялись и судебно-медицинские осмотры. Так, этими тремя докторами в 1644 году был освидетельствован труп кравчего датского принца Вальдемара. После осмотра тела на посольском дворе комиссия сообщила: «И тот кравчий ранен из пищали, рана под самым правым глазом, и они, дохтуры, в ту рану шупом шупали, а пульки не дощупались, потому что рана глубокая, а то подлинно, что пулька в голове» (Новомбергский Н.Я., 1906).

Иноземцы-врачи известили бояр, что внутренние органы государя, по причине «накопившихся в них слизей» функционируют ненормально, что ведет к образованию отеков, мокроты, «разжижению крови». Доктора запретили приближенным сообщать царю неприятные известия. На фоне прогрессировавших хронических заболеваний в апреле 1645 года у Михаила Федоровича возникло какое-то острое желудочное расстройство. Врачи пришли к заключению, что «желудок, печень и селезенка по причине накопившихся в них слизей... бессильны от многого сидения, холодных напитков...» (Морозова Л.Е., 1992). Царь Михаил никогда не отличался крепким здоровьем, а вторую половину жизни так «скорбел ножками», что часто не мог ходить, и его возили в возе... организм слабел, нарастала лимфатическая вялость. По конец жизни царя врачи отмечали в нем «меланхолию» (Пресняков А.Е., 1990).

В конце мая врачи «смотрели воду» (мочу) и отметили ее повышенную бледность. Наступило 12 июля, день Ангела государя. Пересиливая слабость после бессонной ночи, царь вышел к боярам, чтобы вместе с ними идти к заутрене. Тихо дойдя до церкви, поддерживаемый под руки, он начал молиться. Внезапно страшная боль возникла в сердце, разлилась по соответствующей половине груди, переместилась в левую руку. Государь упал, потеряв сознание, ударившись головой о резную решетку царского места. Михаила Федоровича осторожно перенесли в опочивальню. Врачи делали ему холодные примочки, окуривали дымом резко пахнущих трав¹¹. Царь очнулся, пожаловался, что ему нечем дышать, выпил успокоительный отвар. У постели остался лишь Венделин Сибелиста. Государь заснул... Около 20 часов, на закате солнца, Михаил проснулся и застонал. Отказавшись из-за тошноты принимать лекарства, он потребовал прибытия Патриарха, царицы и наследника, поговорил с ними, затем вновь впал в полузабытье. Около двух часов ночи царь выразил желание исповедаться и приобщиться Святым Тайн. Патриарх тотчас исполнил его желание. Смерть последовала в третьем часу ночи. Академик С.Ф. Платонов (1913), обобщая данные немногочисленных исторических источников (подлинные медицинские сведения не сохранились), сформулировал причину смерти царя как цингу и «меланхолию, сиречь кручину». Поверхностно обобщая разрозненные факты о последних днях жизни Михаила Федоровича, некоторые историки пишут о смерти царя «от болезни желудка», другие связывают его гибель с «водяной болезнью» (Яшлавский А., Дробязко С., 1998), патологией почек (Герман Ф.Л., 1895).

Как оценить эти предположения историков с позиций медицины? Цингу впервые описал еще Гиппократ как состояние, при котором «илеос кровавый... изо рта плохо пахнет, десны отделяются от зубов, из ноздрей течет кровь, язвы на ногах, цвет кожи становится гранитным». В XV–XVIII вв. в Европе наблюдалась высокая заболеваемость цингой. Истинные причины цинги (авитаминоз С) были неизвестны вплоть до XX века. На Руси эту болезнь эмпирически пытались лечить отварами из растений, при этом в зимний период хороший эффект отмечался от применения хвои сосны, ели, кислой капусты, позже, с появлением «заморской торговли», лимонов.

В настоящее время под цингой понимают заболевание, специфические проявления которой: кровоизлияния, анемия, отек и воспаление слизистой оболочки десен и желудочно-кишечного тракта, изменения в костях, изменения зубов обусловлены выпадением участка витамина С в процессах формирования структурных элементов соединительной ткани и кроветворения. Характерный для цинги симптом выраженной слабости связан, как полагают, с дефицитом нескольких витаминов (С, Р, фолиевой кислоты), а также стероидных гормонов коры надпочечников, для синтеза которых требуется аскорбиновая кислота (Рысс С.М., 1963; Адо А.Д., Ишимова Л.М., 1973 и др.).

---

¹¹ С позиций современной медицины, эти примитивные «реанимационные» мероприятия были правильными, направленными на стимулирование дыхательного и сосудодвигательного центров путем раздражения периферических рецепторов.

Возможно, в год смерти с учетом сезона (конец весны – начало лета), Михаил Федорович действительно перенес декомпенсацию хронически протекавшей цинги. Не исключено, что вышеописанная юношеская травма ноги государя осложнилась так называемым гемартрозом – кровоизлиянием в полость коленного сустава, с последующим развитием его тугоподвижности. Такие состояния были специфическими для нелеченной должным образом цинги. Возможно и присоединение к ней каких-то других заболеваний, в том числе, инфекционных, что является очень характерным для этой патологии вследствие снижения выработки в организме антител (вспомним ознобы, т. е. подъемы температуры тела, беспокоившие государя). Вспомним и интересную гипотезу профессора В.Н. Звягина... Все это резко ослабило организм царя и привело к развитию сердечной недостаточности (симптомы которой, в том числе отеки, четко описаны свидетелями), что обусловило непосредственную причину смерти.

* * *

Хоронили царей в кремлевском Архангельском соборе. Ныне вдоль стен Архангельского собора, примыкая к граненым столбам, расположены 46 орнаментированных надгробий с надписями на церковнославянском языке. Над ними, в нижнем ярусе росписей – изображения покоящихся здесь царей, великих князей, военачальников. Все надгробия были накрыты в 1903 году бронзовыми остекленными футлярами. Первым похороненным здесь Великим князем стал Иван Калита. До эпохи Петра I, когда столица была перенесена в Санкт-Петербург, почти все правители Руси были погребены в этом храме. К исключениям относятся первый московский князь Даниил (святые мощи которого покоятся в одноименном московском монастыре), царь Борис Годунов (после ряда перезахоронений погребен в Троице-Сергиевой Лавре). В послепетровскую эпоху из Романовых в Архангельском соборе был похоронен лишь Петр II (1730).

По всей Москве раздавались из царской казны поминальные средства. Деньги щедро жертвовали монастырям, храмам, богадельням – на помин царской души. Раздачи шли и в других городах – здесь они были скромнее московских. По оценкам приказных дьяков на царские похороны уходил годовой доход казны – десятки тысяч рублей серебром. В день похорон пустели московские тюрьмы – всех освобождали без наказания. Вырвавшаяся на волю разбойная братия устраивала царю свои «поминки». «Горе тогда людям, будучим при этом погребении, – писал один из московских жителей в середине XVII века, – потому что погребение бывает в ночи, а народу бывает многое множество, и московских и приезжих из городов и из уездов. А московских людей натура не Богобоязливая – мужеска пола и женского по улицам грабят платье и убивают до смерти. И сыщется в те дни, как бывает царю погребение, мертвых людей убитых и зарезанных больше 100 человек» (Дегтярев А.Я., 1988). Имя усопшего царя заносили в церковные и монастырские Синодики для вечного поминания.

18 августа, пережив мужа лишь на несколько недель, после непродолжительной болезни скончалась вдовствующая царица Евдокия Лукьяновна. Полагают, что помимо смерти Михаила Федоровича, подкосило ее и расстройство свадьбы старшей дочери Ирины Михайловны с принцем датским Вальдемаром; теперь царевне оставалась лишь одна дорога – в монастырь... Умирая, царь не оставил официального завещания. Земский собор 1613 года избрал на престол Михаила Романова, но не соответствующую династию. Это дало основание части бояр поставить под сомнение право на царствование Алексея, сына умершего государя. Только твердая и последовательная позиция родственников и сподвижников Патриарха Филарета и покойного царя – Н.И. Романова, Б.И. Морозова, С.И. Шаховского, Д.М. и Я.К. Черкасских, Ф.И. Шереметева обеспечила преемственность и возможность передачи престола от отца к сыну. Чин венчания на царство Алексея Михайловича 28 сентября 1645 года совершил Патриарх Иосиф в Успенском соборе Московского Кремля.

Вернемся в годы детства второго государя из Дома Романовых... 19 марта 1629 года у царя Михаила Федоровича появился на свет долгожданный наследник, нареченный Алексеем. Таинство Святого Крещения младенца состоялось в Троице-Сергиевом монастыре. По этому случаю во вкладной книге самой чтимой на Руси обители можно прочесть запись от 18 апреля: «Крест золот с мощми и с камнем с яхонты и лалы, и с жемчуги за 200 рублей... Келарь старец Александр положил на государя царевича князя Алексея Михайловича всеа Руси и его, государево, крещение» (Преображенский А., 1997).

В Теремном дворце Московского Кремля сохранились пять мемориальных палат, служивших жилыми покоем сначала Михаилу Федоровичу, затем его сыну Алексею. Первая из комнат называется Передней, или Проходными сенями. Здесь, под сводчатыми потолками с росписями, изображающими Иисуса Христа в окружении апостолов и архангелов, бояре ожидали выхода царя. В назначенный для начала заседания час они переходили в Крестовую палату, где был установлен трон, и под руководством государя начинали работу. В этой же комнате хранились документы об избрании М.Ф. Романова на царство и Акты об утверждении Патриаршества престола в России. Третья комната – Престольная – была рабочим кабинетом царя, где он просматривал государственные бумаги и челобитные из специального ящика, который был доступен любому простолюдину. Последние комнаты – опочивальня и молельня, были открыты лишь для членов царской семьи и духовных лиц. Винтовая лестница рядом с Престольной палатой вела вниз, где размещалась баня, и вверх, где находилась детская сыновей царя, в Златоверхий теремок. Отсюда и возникло название всего дворца.

Алексей был третьим ребенком в семье, первым из сыновей, и рос здоровым мальчиком. Он прошел полный курс древнерусского образования, или *словесного учения*, как тогда говорили. По заведенному порядку тогдашней педагогики на шестом году посадили за книгу, нарочно для него составленную по заказу дедушки, Патриарха Филарета, – известный древнерусский букварь с титлами, заповедями, кратким Катехизисом. Учил царевича, как это было принято при дворе, дьяк одного из московских приказов. Через год перешли от азбуки к чтению Часовника, месяцев через пять – к Псалтыри, еще через три принялись изучать Деяния апостолов, через полгода стали учить писать, на девятом году регент дворцового хора начал разучивать Октоих, нотную богослужебную книгу, от которой месяцев через восемь перешли к изучению «страшного пения», т. е. церковных песнопений Страстной Седмицы, особенно трудных по своему напеву (Ключевский В.О., 1957).

Научившись чтению, письму, счету, основам богословия и церковной истории, Алексей изучил географию, историю, начала ратного дела. К двенадцати годам у царевича была маленькая библиотека. С пяти лет его дядькой-воспитателем стал боярин Борис Иванович Морозов – сорокачетырехлетний царедворец, сосредоточивший в своих руках многие нити государственного управления. Он был просвещенным человеком, общался с европейцами, наряжал своего воспитанника в немецкое платье. После того как умерли отец и мать Алексея, шестнадцатилетний царь всецело доверился своему дядьке, который сразу же возглавил руководство четырьмя важнейшими приказами.

Через два года после восшествия на престол Алексей Михайлович решил жениться и, действуя, как отец, велел привезти в Москву знатных красивых девушек. Выбор из нескольких сотен соискательниц короны «одной, единственной», в сравнении с женитьбой Михаила Федоровича, стал сложным, проходил в несколько этапов. После первых собеседований с ближними боярами из тысячной толпы красавиц осталась едва половина. Одни безжалостно отбраковывались «по скудоумию», другие – потому что «руки были весьма худы», иные ростом не вышли. Имущественный ценз невест в расчет не принимался. Известно, что Мария Ильинична Милославская, первая супруга Алексея Михайловича, была из бедного дворянского рода. Наталья Кирилловна Нарышкина, вторая жена Тишайшего царя, – та вообще, по свидетельству ее заклятого недруга Шакловитого, «по Смоленску в лаптях ходила». Достоинства будущей

царицы определялись другими категориями. Прежде всего она должна была быть «женщиной доброй ростом, красотой и разумом исполненной». Поскольку оценить достоинства царской невесты при пышных одеждах, в которые она облачалась, было затруднительно, то на определенном этапе действия, кроме «дохтуров», привлекались особо доверенные боярыни и повивальные бабки, чтобы «самые сокровенные части тела не остались без подробного рассмотрения». Боярыни и бабки должны были высказать и предварительное заключение о способности невесты к «чадородию». «Дать наследника царю» было главным предназначением цариц, их государственной обязанностью.

Наконец наступил день, когда из тщательно профильтрованного контингента осталось лишь несколько девушек. Пробившихся в финал этого смотра представили непосредственно царю-жениху. Происходило это в специально отведенном доме. Царь подолгу беседовал с каждой и «после многих испытаний» принимал окончательное решение. Для его объявления вновь собирались девушки, и царь вручил одной из них кольцо и ширинку (расшитый золотом и унизанный жемчугом платок) – знаки того, что она становится невестой.

Царская женитьба обычно совершалась в обстановке придворных интриг и заговоров: те, кого данный брак не устраивал, стремились всеми способами его расстроить и иногда добивались этого. Так случилось и на сей раз. Первая невеста Алексея Михайловича была выбрана обычным путем: сначала из числа 200 свезенных в Москву кандидаток специальная комиссия отобрала шестерых, а из них сам царь избрал одну – Евфимию Всеволожскую, дочь касимовского помещика. Готовя ее к церемонии наречения царевной, ей нарочно (?) так туго стянули волосы (или головной убор – венец), что во время самой церемонии с ней случился обморок. Сразу же был распространен слух, что у невесты царя «падучая болезнь». И хотя обморок потом не повторялся, она была признана негодной к роли царицы и выслана с родителями в Тюмень (а не умерла, как можно понять из текста Г. Котошихина (1983)). Здесь видна рука всесильного временщика Б.И. Морозова, который намеревался жениться сам таким образом, чтобы, породнившись с государем, обезопасить себя от соперничества с новыми царскими родственниками. Так и случилось 16 января 1648 года, когда царь вступил в брак с М.И. Милославской, а десять дней спустя Морозов женился на ее сестре. Мария Ильинична, став царицей, за двадцать лет родила тринадцать детей – восемь девочек и пять мальчиков. Из них впоследствии только трое сыграют свою роль в истории – царевна Софья и царевицы Федора и Иван.

Все, кто знал Алексея Михайловича и писал о нем, единодушно утверждали, что он отличался искренним благочестием и глубокой нравственностью. Царь, любивший умную беседу за столом, пробовавший писать стихи, интересовавшийся архитектурой и живописью, быстро почувствовал вкус к зарубежным новшествам. Когда в России появился кофе – сказать сложно. Многие связывают его появление с Петром I, который ввел в быт традицию послеобеденной чашечки кофе и требовал употребления этого напитка на своих ассамблеях. Но уже во времена Алексея Михайловича придворный лекарь Самюэль Коллинс прописывал царю рецепт: «Вареное кофе, персиянами и турками известное, [...] изрядное есть лекарство против надменных, насморков и главоболений» (Романов П.В., 2000). Случилось так, что ближе прочих стал Алексею Михайловичу Артамон Сергеевич Матвеев – глава Малороссийского приказа. Его дом украшали венецианские зеркала и картины западных мастеров; оригинальности его часов, изысканности посуды и богатству библиотеки дивились иноземные послы. Царь часто навещал Матвеева, приводя тем в недоумение многих своих родных.

В семейной жизни Алексея Михайловича конца 60^х– начала 70^х годов XVII века произошли печальные перемены. Один за другим ушли из жизни сыновья Симеон (1665–1669) и Алексей (1654–1670). Рождение в царской семье 27 февраля 1669 года восьмой дочери, Евдокии, стало прологом семейной трагедии Алексея Михайловича. Младенец скончался через сутки, а родильница занемогла. Хлопотавшие возле нее лекари Даниил фон Гаден и Давид Берлов не могли остановить послеродовое маточное кровотечение. Черты смуглого, «кровь с

молоком», полного лица царицы заострились, смертная белизна покрыла щеки, синева залегла вокруг глаз. Вскоре к кровотечению присоединилась лихорадка – Марию Ильинишну бил озноб, «палил нутряной жар». Заключение врачей гласило – «огневица». Были назначены лед на живот, кровоостанавливающие средства – отвар корня барбариса, настои кровохлебки и зверобоя. Однако лечение не помогало, жизнь медленно покидала тело государыни вместе с утекавшей кровью. Тяжелый запах гнойных выделений заполнил спальню. Отчаявшийся Алексей Михайлович, после окропления больной святой крещенской водой, дал разрешение на применение официально запрещенных средств. Были призваны знахарки, которые шептали заклинания над мисками, наполненными горячими углями, бросали туда щепотки соли, вкладывали в ладони царицы лечебные «кровоостанавливающие» камни – египетскую серо-зеленую яшму. Все было тщетно. 3 марта 1669 года Мария Ильинишна скончалась.

Посмертный эпикриз, говоря языком современной медицины, может быть сформулирован следующим образом: смерть последовала от послеродового атонического кровотечения, обусловленного слабым сокращением матки, с присоединением инфекции, вызвавшей гнойный метроэндомиоцит (воспаление матки), и, наиболее вероятно, сепсис (или, как говорят в быту, «заражение крови»). Усопшую погребли в Вознесенском девичьем монастыре. Алексей Михайлович тяжело переживал смерть жены, с которой прожил двадцать лет. Несколько месяцев он постился, пребывая в глубоком трауре, подолгу молился за упокой души рабы Божией Марии.

Однажды, заехав к боярину Матвееву, обратил он внимание на красивую молодую девушку, жившую у своего богатого родственника. Ее звали Натальей Кирилловной. Так же, как и первый тесть царя – Илья Данилович Милославский, отец девушки, Кирилл Полиевктович Нарышкин, был бедным дворянином. Однако благодаря протекции Матвеева он стал полковником стрелецкого полка. Девушка была не только красива и хорошо воспитана, но и умна, добра. Все это сокрушило сердце сорокалетнего вдовца, и он решил на ней жениться. Чтобы соблюсти обычаи старины, царь, объявив о своем намерении, имени невесты не назвал, а назначил сбор кандидаток для смотрин. На сей раз они продолжались семь месяцев – с ноября 1669 по май 1670 года. Пересмотрев десятки претенденток, царь остался верен своему выбору, и 22 января 1671 года состоялось венчание Алексея Михайловича и Натальи Кирилловны.

Через семь месяцев после свадьбы, в ночь на 29 августа 1671 года, астроном и монах Симеон Полоцкий заметил недалеко от планеты Марс новую, не виданную им звезду. Симеон был первым в России придворным стихотворцем и главным воспитателем детей Алексея Михайловича. Кроме того, он считался авторитетнейшим богословом, чьи книги высоко ценились иерархами Русской Православной Церкви. Симеон имел свободный доступ к царю и на следующее утро явился к Алексею Михайловичу, чтобы сообщить ему о новой звезде. Беря на себя изрядную смелость, звездочет объявил царю, что его жена зачала в эту ночь сына и родит его 30 мая 1672 года. Симеон не ограничился этим, а высказал и пророчество о царевице: «Он будет знаменит на весь мир и заслужит славу, какой не имел никто из русских царей. Он будет великим воином и победит многих врагов. Он будет встречать сопротивление своих подданных и в борьбе с ними укротит много беспорядков и смут. Искореня злодеев, он будет поощрять и любить трудолюбивых, сохранит веру и совершит много славных дел, о чем непреложно свидетельствуют и предсказывают небесные светила» (Балязин В.Н., 1995). С этой минуты осторожный Алексей Михайлович приставил к дому ученого монаха караул и снял его только тогда, когда убедился, что его жена действительно забеременела. 28 мая у царицы начались предродовые схватки, и царь призвал Симеона к себе. Роды были трудными. Однако инок уверил царя, что все окончится благополучно, а новорожденного следует наречь Петром.

Вот как об этом эпизоде писал историк М.П. Погодин (1854): «При начале родильных скорбей Симеон Полоцкий пришел во дворец и сказал, что царица будет мучиться трое суток. Он остался в покоях с царем Алексеем Михайловичем. Они плакали и молились. Царица изне-

могала так, что на третий день сочли нужным приобщить ее Святым Тайн; но Симеон Полоцкий ободрил всех, сказав, что она родит благополучно через пять часов. Когда наступил пятый час, он пал на колени и начал молиться о том, чтоб царица помучилась еще час. Царь с гневом рек: “Что вредно просишь?” – “Если царевич родится в первом получасе, – отвечал Симеон, – то веку его будет пятьдесят лет, а если во втором, то доживет до семидесяти”. И в эту минуту принесли царю известие, что царица разрешилась от бремени и Бог дал ему сына...». Это случилось в Кремлевском дворце 30 мая 1672 года, в день Святого Преподобного Исаакия Далматского, в четверг. Ребенок был длиной в одиннадцать, а шириной в три вершка, то есть длинной в пятьдесят, а шириной – в четырнадцать сантиметров. Младенца крестили в Кремлевском Чудовом монастыре, в храме Чуда Михаила Архангела. Крестным отцом был царевич Федор, а крестной матерью старшая сестра государя Ирина Михайловна.

Алексей Михайлович до конца своих дней остался прекрасным семьянином, и его новое супружество было благополучным. При жизни царя не возникало серьезных проблем в семье государя. Однако подспудно зрел конфликт между родственниками первой и второй жены царя. Алексей Михайлович, видимо, не изменил своего отношения к Милославским, но, естественно, в гору пошли представители рода Нарышкиных. Главная схватка соперничавших кланов была впереди...

* * *

Каким же был Алексей Михайлович по внешности, характеру, что любил носить, чем занимался в свободное от государственных дел время? Попытаемся реконструировать «исторически верный» образ этого государя. Для этого имеются многие объективные данные: прижизненные портреты, свидетельства современников, собственноручные письма. Довольно устойчиво в исторической литературе Алексею Михайловичу ставят в вину податливость на влияния его окружения. Сначала все определял Б.И. Морозов, затем Патриарх Никон, А.Л. Ордин-Нащокин и, наконец, А.С. Матвеев. Не отрицая роли этих выдающихся деятелей в принятии важных решений, можно заметить, что Алексей Михайлович позволял собой «руководить» не по слабости характера или недостатку ума, а лишь тогда, когда это влияние соответствовало его внутренним побуждениям.

Всего больше оставил он писем к разным лицам. В этих записях много простодушия, веселости, задушевной грусти, просвечивает понимание людских отношений, меткая оценка житейских мелочей, но не заметно ни смелых оборотов мысли, ни злой иронии – ничего, чем так обильны послания Грозного. У царя Алексея все мило, многоречиво, живо, но сдержанно, мягко. «Автор, очевидно, человек порядка, а не идеи и увлечения, готового расстроить порядок во имя идеи; он готов был увлекаться всем хорошим, но ничем исключительно, чтобы ни в себе, ни вокруг себя не разрушить спокойного равновесия. Склад его ума и сердца с удивительной точностью отражался в его полной, даже тучной фигуре, с низким лбом, белым лицом, обрамленным красивой бородой, с пухлыми румяными щеками, русыми волосами, с кроткими чертами лица и мягкими глазами» (Ключевский В.О., 1963).

Современники рисуют привлекательный внешний облик Алексея Михайловича. Царь был достаточно высокого роста, белолицый, румяный, русоволосый. Голубые глаза смотрели внимательно и нередко кротко. Вероятно, у государя были свои «парикмахеры». 21 января 1675 года по царскому указу было дано стремянному конюху Михаилу Ерофееву пятнадцать рублей за то, что он «в навечерии Рождества Христова у великого государя власы легчил против прежнего». Он держался величаво, но не производил впечатления недоступного для общения. Вспыльчивость и быструю отходчивость царя приписывают доброте его нрава. Вот как описывал одеяние Алексея Михайловича крупнейший знаток нравов и быта Руси XVII века А.П. Чапыгин (1986): «одет был царь в бархатный серый кафтан с короткими рукавами...

Запястья шиты золотом, немецкого дела на голове соболина шапка, воротник и наушники на отворотках низаны жемчугом, полы кафтана вышиты золотом, кушак рудо-желтый... на нем кривой нож в серебряных ножнах, ножны и рукоятка украшены красными лалами и голубыми сапфирами, в руке царя черный посох, на рукоятке золотой шарик с крестом».

Этот же писатель привел колоритную, исторически верную картину царского дворца второй половины XVII века: «В царской палате, у окна в углу, – узорчатая круглая печь; дальше, под окнами – гладкие лавки... на точеных ножках; у лавок спереди деревянные узоры, похожие на кружево. Потолок палаты золоченый, своды расписные. На потолке писаны Угодники; иные в схимах... На стенах по тусклому золоту – темные головы львов и орлов с крыльями. Выше царского места, за столом, крытым красным сукном с золоченой бахромой, на стене образа с кругом венцов в жемчугах и алмазах. От зажженных лампад пахнет деревянным маслом и гарью. Из крестовой тянет ладаном: царь молится. На царском столе часы фряжские: рыцарь в серебряном шлеме, в латах. Тут же серебряная чернильница, песочница такая же и лебяжьи очиненные перья да вместо колокольчика позывного золотой свисток. В стороне по левую стол, покрытый черным. Над столом согнулись к бумагам дьяки... Дьяк думный в шапке, похожей на стрелецкую, с красным верхом, верх в жемчугах, шапка опушена куницей. У дьяка на шее жемчужная тесьма с золотой печатью... На лавках, ближе к царскому месту, два боярина в атласных фезьях с парчовыми вошвами на рукавах узорчатых, шитых в клопец...».

Рассказывая об особенностях быта первых Романовых, нельзя обойти и тему организации питания, в первую очередь, его безопасности для государей. Вот как описывает этот процесс П.В. Романов (2000): «перед столовой располагался так называемый “кормовой поставец” – стол, на который ставились подносы с яствами для государя, которые внимательно осматривал дворецкий. Существовал порядок, по которому любая еда для монарха проходила строжайшую апробацию. В поварне его пробовал на глазах стряпчего повар, готовивший это блюдо. Затем охрана блюда возлагалась на самого стряпчего, который надзирал за ключниками, несшими поднос. Еда расставлялась на кормовом поставце, где каждое блюдо отведал ключник, что принес его. Затем пробу снимал дворецкий и лично передавал миски стольникам. Стольники стояли с блюдами у входа в столовую, ожидая, когда их вызовут. Из их рук кушанья принимал охранитель стола. Только ему доверялось подавать еду государю. Причем он также на глазах у правителя пробовал с каждого блюда и именно с того места, на которое указывал государь. Аналогичная ситуация происходила с напитками. Прежде чем вина доходили до чашника и попадали на питейный поставец, их опробовали ровно столько раз, в скольких руках они побывали. Последним, на глазах царя, пробовал вино чашник, отливая себе из кубка в специальный ковш».

Сохранилась весьма характерная в своем роде записочка царя Алексея, коротенький конспект того, о чем предполагалось говорить на заседании Боярской думы. «Этот документ показывает, как царь готовился к думским заседаниям: он не только записал, какие вопросы предложить на обсуждение бояр, но и наметил, о чем говорить самому, как решить тот или другой вопрос. Кое о чем навел справки, записал цифры; об ином он еще не составил мнения и не знает, как выскажутся бояре; о другом он имеет нерешительное мнение, от которого откажется, если станут возражать. Зато по некоторым вопросам он составил твердое суждение и будет упорно за него стоять в совете: это именно вопросы простой справедливости и служебной добросовестности» (Ключевский В.О., 1957).

В зрелые годы царь Алексей представлял в высшей степени привлекательное сочетание добрых свойств верного старине русского человека с склонностью к полезным новшествам. Он был образцом набожности, того точно размеренного и твердо разученного благочестия, над которым долго работало религиозное чувство древней Руси. С любым иноком мог он поспорить в искусстве молиться и поститься: в Великий и Успенский пост по воскресеньям, вторникам, четвергам и субботам царь кушал раз в день, и кушанье его состояло из капусты, груздей

и ягод – все без масла; по понедельникам, средам и пятницам во все посты он не ел ничего. В церкви он стоял иногда часов по пяти и по шести сряду, клал по тысяче земных поклонов, а в иные дни и по полторы тысячи. Это был истовый древнерусский богомолец. «В продолжение службы царь ходил среди монахов и учил их читать то-то, петь так-то; если они ошибались, поправлял их, вел себя уставщиком и церковным старостой, зажигал и гасил свечи, снимал с них нагар, во время службы не переставал разговаривать со стоявшим рядом приезжим Патриархом, был в храме, как дома» (Ключевский В.О., 1957).

Алексей Михайлович «в Верху» кормил до ста нищих, оделяя каждого сверх того деньгами. По улицам велел развозить продукты, предназначенные в качестве милостыни – иногда до тысячи «двуденежных» хлебов. Достаточно часто царь ходил по московским богадельням, раздавал деньги и харчи. Таких богаделен действовало несколько: Ильинская, Моисеевская, «на Кулишках», у Боровицкого моста, Покровская и др. Особое внимание обращалось на увечных и больных. Как могли, их лечили за казенный счет.

Дурные поступки других тяжело действовали на царя всего более потому, что возлагали на него противную ему обязанность наказывать за них. Гнев его был отходчив, проходил минутной вспышкой. Царь первый шел навстречу к потерпевшему с прощением, стараясь приласкать его, чтобы не сердился. Страдая тучностью, Алексей Михайлович раз позвал немецкого «дохтура» открыть себе кровь; почувствовав облегчение, он по привычке делиться всяким удовольствием с другими предложил и своим вельможам сделать ту же операцию. Не согласился на это один боярин Родион Стрешнев, его родственник по матери, ссылаясь на свою старость. Царь вспылил и прибил старика, приговаривая: «Твоя кровь дороже что ли моей? Или ты считаешь себя лучше всех?». Но скоро государь и не знал, как задобрить обиженного, чтобы не сердился, забыл обиду... «На хвастуна или озорника царь вспылит, пожалуй, даже пустит в дело кулаки, если виноватый под руками, и уж непременно обругает вволю: Алексей был мастер браниться тою изысканною бранью, какой умеет браниться только негодующее и незлопамятное русское добродушие» (Ключевский В.О., 1957).

Как писал С.М. Соловьев (1963), «для человека, замкнутого постоянно среди немногих явлений бедной жизни, обыкновенно является стремление искусственными средствами, вином и опиумом или чем-нибудь другим переходить в иное, возбужденное состояние, производить искусственно веселое состояние духа, переноситься в другой, фантастический мир, “забываться”. Сам благочестивый и нравственный Алексей Михайлович любил иногда “забываться”. В 1674 году 21 октября было у государя вечернее кушанье в потешных хоромах, ели бояре “все без мест”, думные дьяки и духовник. После кушанья изволил себя тешить всякими играми, играл в немчин, и в сурну, и в трубы трубили, и в суренки играли, и по накрам, и по литаврам били; жаловал духовника, бояр и дьяков думных, напоил их всех пьяных, поехали в двенадцатом часу ночи...». Здесь следует заметить, что в 1652 году по совету Патриарха Никона было поставлено на Соборе: «...продавать по одной чарке человеку, и больше той чарки одному человеку не продавать, и на кружечных дворах и близко от двора питухам (т. е. пьяницам) ожидать и пить давать им не велено... Ни в долг, ни под заклад вина не отпускать». Во время постов, по воскресеньям, средам и пятницам вино совсем не отпускалось, а в остальные дни продажа вина начиналась только «после обедни и прекращалась за один час до вечерни». Эти правила просуществовали недолго, и во времена Петра были отменены. Именно в годы правления Алексея Михайловича сложилась технология тончайшей очистки монопольной русской водки, не имевшая аналогов в винокурении Европы. Сначала хлебное вино отстаивали, затем подвергали резкому охлаждению на морозе. Водку большими партиями замораживали в бочонках с отверстиями, через которые затем сливали незамерзавший спирт, а воду с фиксированными в ней сивушными маслами выбрасывали. Затем проходил процесс фильтрации (через сукно, войлок, полотно, речной песок, золу, древесный уголь). После этого применялись биокоагулянты – молоко, яичный белок, ржаной свежеспеченный хлеб...

Одновременно царю было свойственно художественно-эстетическое восприятие окружающего. Заказы на иконы и картины царь поручал наиболее одаренным и опытным мастерам из соотечественников и иностранцев. Алексей Михайлович высоко ценил искусство Ушакова, который много лет руководил живописными работами в царских покоях. В связи с новосельем князей Юрия Алексеевича и Михаила Юрьевича Долгоруких (1674 год) царь торжественно преподнес им образ Покрова Пресвятой Богородицы работы Симона Ушакова. Алексей Михайлович не отказывался от позирования художникам, писавшим его портреты. В 1669 году С. Ушаков на полотне изобразил портрет царя, подаренный затем Патриарху Александрийскому Паисию. Художник С. Лопуцкий писал портреты с «живства», т. е. с натуры. Хорошо известен портрет Алексея Михайловича его работы. После смерти царя Федора Алексеевича в его покоях были найдены портреты его отца, брата Алексея, царицы Марии Ильиничны. Иван Салтанов, известный художник того времени, в 1671 году поднес царю на Пасху «5 персон разными статьями». Он же изобразил царя Алексея Михайловича «в успении» (посмертный портрет).

В круг интересов государя входила и охота. Он не жалел средств на содержание слуг, которые обеспечивали царю «потеху», а также на уход за птицами. Одних сокольников у Алексея Михайловича считалось до двухсот человек. Соколов, кречетов, ястребов надо было кормить свежим мясом – для этого держали тысячи голубей. Судя по письму Алексея Михайловича А.И. Матюшкину, царю также доставляло удовольствие купать в пруду стольников, опоздавших на ежедневный смотр. После водных процедур провинившихся усаживали за стол и подавали горячительное с закуской. Некоторые нарочно опаздывали, чтобы таким способом попасть в поле зрения государя (Преображенский А., 1997).

Алексей Михайлович вошел, с легкой руки В.О. Ключевского, в историю с прозвищем «Тишайший». Оно, верно характеризует личность и методы правления этого государя, особенно в сравнении с последними Рюриковичами, тем не менее, имеет иной смысловой источник. «Тишайший» – один из вариантов перевода с латинского на русский язык традиционного титула западноевропейских государей – «Clementissimus» (милостивейший).

Бросим беглый взгляд на основные события этого царствования. Отличительная особенность правления Алексея Михайловича – размах народных выступлений, принимавших нередко форму открытых восстаний. Современники назвали время первых Романовых «бунташным веком». Крестьянская война 1667–1670 гг. (под руководством Разина), серия городских восстаний середины столетия, знаменитые «Соляной» и «Медный» бунты¹², стрелецкие волнения 1682 года – вот неполный перечень народных выступлений. Правительство ответило на волнения укреплением законодательной базы. Основным документом в этом плане явилось Соборное уложение 1649 года¹³. Преступления против государя Уложение отнесло к числу наиболее тяжких преступлений. Одновременно стало падать значение боярской думы, произошло прекращение с 1653 года созывов земских соборов с одновременным усилением роли Приказов, непосредственно подчинявшихся царю. По стилю своей деятельности Алексей Михайлович стал прямым предшественником Петра I с его стремлением все держать в своих руках, совершенствовать зависимый от монарха бюрократический аппарат. Уложение ограничило и власть Патриарха, запретило духовенству приобретать вотчины. Вновь утвержденный Монастырский приказ урезал привилегии Церкви. Орудием личного контроля монарха над жизнью

¹² «Соляной бунт» – восстание бедноты в Москве в июне 1648 г. Причиной волнений стало введение налога на соль. Для успокоения народа царь распорядился выдать восставшим одного из инициаторов поборов – судью Земского приказа Л.С. Плещеева, который был убит толпой. «Медный бунт» – народное восстание в Москве в июле 1662 г., связанное с монетарной реформой правительства, испытывавшего финансовые трудности, и последовавшим ростом цен.

¹³ Соборное уложение 1649 г. – кодекс законов России – представляет собой столбец (свиток) длиной 309 м, составленный из отдельных листов, подклеенных один к другому; текст писался лишь с одной стороны (на другой свои пометки делали дяки). Он был случайно обнаружен на Казенном дворе Кремля в 1767 г. при разборе одного из сундуков для хранения документов и торжественно переложен в серебряный позолоченный ларец. В нем он и находится сейчас в РГАДА.

общества стал Приказ тайных дел. Это была собственная канцелярия царя, в которой решались вопросы, лично его интересовавшие. Он сам нередко посещал Приказ, где работал за столом, для него специально оборудованным. «А устроен тот приказ при нынешнем царе для того, – сообщал подьячий Григорий Котошихин (1983), – чтобы его царская мысль и дела исполнялись все по его хотению, а бояре б и думные люди о том ни о чем не ведали». Через Тайный приказ велась шифрованная переписка по делам особой государственной важности.

Особое место в материалах Приказа, ныне сосредоточенных в двадцать седьмом разряде РГАДА, занимают сыскные дела по подозрению в преступных умыслах против государя. Нередко в посягательстве на царское здоровье обвинялись лица, совершавшие мелкие, незначительные проступки. Однажды жестоким пыткам на дыбе подверглась комнатная бабка, вся вина которой состояла в том, что она украдкой взяла на дворцовой кухне щепотку соли. По Уложению появление на царском дворе с луком или пищалью каралось битьем батогами и тюремным заключением, а обнажение холодного оружия при государе – отрубанием руки. В 1660 году один из придворных был приговорен к отсечению правой ноги и левой руки за то, что выстрелил по галкам на царском дворе. В 1674 году бил челом государю стряпчий Иван Хрущов на стряпчего Александра Протасьева, «что он Александр, на его великаго государя дворе прошиб у него Иван Хрущова *киртичем голову*. Государь указал сыскать думному дворянину и ловчему А.И. Матюшкину; а по сыску Протасьев, вместо кнута, бит батоги нещадно, за то, что он ушиб Хрущова на его государеве дворе, перед ним великим государем. Да на нем же Александре велено доправить Хрущову безчестья вчетверо» (Забелин И.Е., 1990).

Тайный приказ занимался делами и куда более серьезными, действительно грозившими безопасности монарха. В бумагах Приказа имеется собственноручная записка царя с перечислением десяти вопросов, которые следственной комиссии надлежало задать Степану Разину. Дознание начиналось вопросом «о князе Иване Прозоровском и о дьяках, за што побил?...». Кстати, Тайный приказ был причастен к устройству семейных дел самого Алексея Михайловича. В фонде учреждения сохранился список девиц, вызванных в 1669 году в Москву на смотрины царских невест (Автокротова М.И., Буганов В.И., 1986).

* * *

Рассказывая об Алексее Михайловиче, невозможно не упомянуть о Патриархе Никоне и том трагическом явлении в жизни Русской Православной Церкви, государства, всего народа, которое получило наименование «Раскол». Реформа началась рассылкой Патриархом перед Великим Постом в 1653 году по московским церквям «памяти», в которой указывалось уменьшить число земных поклонов на службе Святого Ефрема Сирина и креститься тремя перстами. Некоторые изменения в Символе Веры – перечне догматов Православия, были внесены реформаторами после сличения с греческим оригиналом, однако, раскольники относились к сакральному тексту как к неизменяемой основе и не вняли аргументам никониан. Объявляя старые обряды «неправильными», реформаторы вольно или невольно должны были усомниться как в истинности Православия древних русских святых, отправлявших службы по старым книгам, так и в решениях Стоглавого собора 1551 года, канонизировавшего «старини».

Некоторые ученые считают, что с точки зрения исторических фактов были правы протоиерей Аввакум и его союзники: не русские, а греки отступили от традиции. Русь приняла христианство по Студийскому уставу (который в Греции был позднее вытеснен Иерусалимским), сохранив старые обряды до середины XVII века. Древней формой было двоение слова «Аллилуйя» (евр. – «хвалите Господа») – церковного славословия. Троеперстному крестному знаменю на православном Востоке предшествовало двоеперстие. «Старое» двоеперстие в Византии сохранялось еще в XII веке. Раскол был, однако, вызван не только церковной реформой. Конфессиональные расхождения наложились на социальные. Старообрядцы не прини-

мали «самодержавства» царя в церковных вопросах, падения роли епископов. В «порче» нравов духовенства, в социальном неблагополучии, в росте западного влияния они обнаруживали «знамения прихода Антихриста». Ожидание эсхатологических событий поддерживало раскольников в тюрьмах и на кострах. Однако ни сопротивление духовенства, ни ропот народа не заставили правительство отступить от реформы. В 1652 году, став Патриархом, властолюбивый Никон, «Собинный друг» царя, принял титул «великого государя». Царским именем Патриарха начали называть в год вступления на престол; в 1653 году он уже рассылал от своего «государева» имени грамоты воеводам. Глава Церкви входил в деятельность Приказов, отдавал предписания воеводам, был инициатором военных кампаний. Среди бояр стало расти недовольство «худородным» Никоном, уменьшившим их влияние и узурпировавшим царскую власть. Вмешательство в дела епископий и митрополий восстановило против Патриарха церковных иерархов. Столкновение было неизбежным. В июле 1658 года Никон оставил Москву и удалился в Воскресенский монастырь (Каптерев Н.Ф., 1913). Прощальное письмо Патриарха царю перед оставлением столицы гласило: «Се вижу на мя гнев твой умножен без правды и того ради и Соборов святых во святых церквах лишаеши, аз же пришлец есть на земли и се ныне, дая место гневу твоему, отхожу от града сего... и ты и наши ответ перед Господом Богом о всем дати. Никон». Посланцу царя, князю А.Н. Трубецкому, передавшему Никону царское повеление не покидать Патриаршества, Никон ответил: «И ныне, и присно, и вовеки! Мой государь – Господь Бог! Нет иных государей, чтоб повелеть мне!» – и, сняв патриаршую мантию и клобук, в одной монашеской рясе вышел из Успенского собора (Шушерин И.К., 1908). Потекли годы добровольного затворничества в далеком северном монастыре. Казалось бы, жизненный путь бывшего Патриарха завершится тихо и незаметно, в иноческой келье. Однако Господь судил иное. Судьба Никона в очередной раз совершила неожиданный поворот. Замечательный русский писатель, знаток событий XVII века Д.А. Мордовцев образно рассказал о последних днях жизни Владыки в своем знаменитом романе «Великий раскол»...

Когда в конце января 1676 года умер «тишайший» Алексей Михайлович и преемник его, Федор Алексеевич, послал к Никону с дарами просить у старика прощения и разрешения покойному царю «на бумаге», то Патриарх по обыкновению заупрямился. «Бог его простит, – отвечал он, – ино в страшное пришествие Христова мы будем с ним судиться; я не дам ему прощения на письме!». В Кириллове Никон таял с каждым днем. Он с трудом передвигал от старости свои больные и усталые ноги, посхимился, готовился к смерти. Об этом донесли куда следует: умирает-де старец Никон, как и где похоронить его? И тогда из Москвы пришла милость: порадовать «заточника» свободой. Патриарха отправили в Воскресенский монастырь, любимое его детище. Больного Никона привезли на берег Шексны, посадили в струг и по его желанию поплыли вниз к Ярославлю, а оттуда к Нижнему Новгороду. Хотелось ему перед смертью взглянуть на родное село, потом на любимый Воскресенский монастырь, а там и на Москву, послушать в последний раз звон колоколов всех сорока сороков, вспомнить патриаршество, свое царство, как они делили его с покойным другом Алексеем Михайловичем. Стоял август 1681 года. Дорогой, во время плавания, погода стояла сухая, теплая, ясная. Целые дни сидел он, а больше лежал на своей дорожной постели, кутая холодеющие ноги и глядя на воду, на медленно убегающие берега реки, на рощи, синеющие вправо и влево, на красивые изломы гор, на людей, выбегавших на берег посмотреть на плывущий откуда-то струг, на сумрачное, с усталыми глазами, лицо старого, неведомого монаха...

Чем дальше двигался струг, тем быстрее впереди его бежала весть, что везут Патриарха Никона – имя, тридцать лет гремевшее на Руси, благословляемое и проклиняемое; имя, когда-то возглашавшееся вместе с царским, а потом опозоренное, отверженное. 17 августа струг с «великим заточником» от Толгского монастыря, что против Ярославля, плыл к другому, нагорному берегу и входил в реку Которость. Целая флотилия лодок следовала за ним. На берегу толпились массы народа, светские власти. К стругу пристала большая лодка с московским духо-

венством, и на борт смиренно, с поникшею головою, взошел архимандрит Сергей, тот самый, который когда-то в Соловках, на Соборе, издевался над Никоном, когда его, свергнутого с патриаршества, везли в ссылку. Сергей, подойдя к ложу Никона, припал головою к днищу струга... «Се Почайна¹⁴, а се людие мои, Господи!» – радостно пробормотал Патриарх. Народ, которого увлечения не знают границ, обезумел от умиления. Струг, как щепку, вынесли руки восторженного люда на берег, и все бросились целовать освобожденного узника. При звоне колоколов лицо Никона преобразилось; ему казалось, что под этот священный голос церковью он вступает в Москву со славою, благословляемый народом... Что-то прежнее, величавое блеснуло в чертах лица. Он бодро глянул кругом на небо, на солнце, стал оправлять себе волосы, одежду, как бы готовясь в дорогу. Стоявшие у его изголовья архимандриты Сергей и Никита поняли, что «великий странник собрался в далекий, неведомый путь», и стали читать отходную. А Никон, сложив на груди руки, вытянулся – вытянулся и глубоко, продолжительно вздохнул, чтоб уже больше не повторять этого вздоха (Мордовцев Д.Л., 1990). Царь Федор Алексеевич распорядился отпеть Никона по архиерейскому чину, и сам нес гроб Никона до могилы, поцеловал руку покойника и за царем все другие, а Митрополит Новгородский Корнилий по просьбе царя поминал Никона Патриархом. Эта смелость государя была вскоре оправдана. В 1682 году Патриархи прислали Разрешительную грамоту.

В ней повелевалось причислить Никона к лику патриархов и поминать в таком звании открыто при богослужениях (Карташев А.В., 1992).

* * *

Прежде чем перейти к описанию истории болезни и смерти Алексея Михайловича, скажем несколько слов о врачах, лечивших государя. Наиболее известным из них был Самуэл Коллинз – англичанин, личный доктор Алексея Михайловича в 1653–1667 гг. Вернувшись в Англию, он опубликовал в 1671 году книгу «Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, жительствовавшему в Лондоне». Не менее известным специалистом, лечившим царскую семью, был немец Лаврентий Блументрост (царский врач в 1668–1678 гг.), основатель династии врачей, многие годы работавших затем в России. Еще один иностранец, служивший при дворе – Давид Берлов, известный тем, что широко назначал больным диетическое лечение. Он, как и все иноземные врачи, работавшие в Москве, имел дом в Немецкой слободе¹⁵ («Кукуй»). Многократно в документах того времени упоминается и польский еврей Даниил фон Гаден, взятый в плен русскими войсками в 1656 году. В Москве он стал лекарем Аптекарского приказа, с 1672 года – придворным врачом. Во время стрелецкого бунта 1682 года фон Гаден был убит по обвинению в «злоумышлении» на царское здоровье. Все медики и фармацевты находились в подчинении Аптекарского приказа. Вот как характеризует его тогдашнюю деятельность один из современников царя Алексея Михайловича: «Аптекарский приказ... А в нем сидит боярин тот же, что и в Стрелецком приказе, да дьяк. А ведомо в том Приказе Аптека, и доктора, и лекари, иных государств люди, да для учения Русских людей с 20 человек. А будет тех докторов и лекарей с 30 человек, и жалованье идет им – годовое и месячное, погодно, по зговору» (Котошихин Г., 1983). Представление о доходах иноземных врачей, работавших в Москве, можно составить (на примере лейб-медика Г. Грамана) из знаменитой книги А. Олсена (1906): «...он получает правильное денежное содержание в 62 рубля или 124 талера и кроме того ежегодно 300 рублей, что составляет в общем 2088 талеров, помимо хлеба в зерне и

¹⁴ Приток Днепра, в котором в 988 году произошло крещение киевлян.

¹⁵ Немецкая слобода располагалась на северо-востоке, на берегу Яузы. К концу царствования Алексея Михайловича здесь проживало около 30 тысяч выходцев из стран Западной Европы, которых на Руси называли «немцами», то есть не говорящими по-русски. Большинство в слободе составляли англичане, шотландцы и голландцы. Именно в этой слободе в 1701 году Я.Г. Грегори открыл первую в России частную аптеку (отсюда название нынешнего Аптекарского переулка).

в печеном виде, солоду, меду и других вещей для домашнего хозяйства. Когда нужно отворять жилу или давать лекарство, доктору дается еще особая награда в 100 талеров наличными деньгами, а также кусок атласа или дамаста, сорок соболей и т. п. От бояр и других вельмож врачи редко получают за лечение деньги, но лишь соболей, куски копченого сала, водку или иную провизию». Описывая государственное управление России, А. Олеарий называл и Аптекарский приказ, «где находится царская аптека. Лейб-медики, цирюльники, аптекари, дистилляторы и все, кто к этим делам прикосновенен, должны ежедневно являться сюда и спрашивать, не требуется ли чего-либо по их части. При этом они должны быть челом патрону, стоящему во главе этого учреждения, Илье Даниловичу Милославскому». Указом Алексея Михайловича в 1670 году Аптекарскому приказу была вменена в обязанность и организация борьбы с «прилипчивыми» (инфекционными) заболеваниями. Представление о лечебных препаратах, применявшихся при царском дворе, дает рукописный лечебник XVII века, ныне хранящийся в РГАДА, с подробными советами, какие принимать меры, «аще у которого человека болит» голова, сердце или живот. Помимо растительных средств, указанных выше, широко использовались такие экзотические вещества, как жемчужный и ингридов песок (измельченная слоновая кость), сахар «сереборинный», спирт из ягод можжевельника и даже... раковые глаза (Преображенский А., 1997).

Как судебному эксперту, мне интересно отметить, что врачи того времени выполняли и другие, помимо осмотров трупов, судебно-медицинские исследования. Так, в одном из столбцов середины XVII века из фонда Поместного приказа (РГАДА) обнаружено «вещественное доказательство» – мумифицированный палец женщины, потерявшей его в драке с соперницей, с соответствующим врачебным описанием. Штат царских докторов стоял на страже здоровья государя и следующим образом. При подозрении на заболевание придворные немедленно направлялись к врачам для освидетельствования (своеобразной экспертизы состояния здоровья) на предмет годности к несению службы и оценки опасности их болезни для царя. Некоторые подобные протоколы сохранились до наших дней. Так, лекарь Даниил фон Гаден в 1664 году осмотрел стольника М. Морозова и певчего К. Федорова. Заключение гласило, что «болезни внутри и наружи никакой нет и язв и знаков наружных нигде нет же и весь он здоров». В результате первому разрешили быть при дворе, а второму – «ходить к пению» (Новомбергский Н.Я., 1906). Боязнь «порчи», колдовства вызывала чрезвычайные предосторожности. Приближенные, особенно женщины, обязаны были под присягой обещать «лихих волшебных слов не наговаривати над государевым и над царицыным платьем, и над сорочками, и над портами, и над полотенцами, и над постелями» (Шульгин В.С., 1983).

Вернемся, однако, к состоянию здоровья государя. После сорока лет, работая с документами, Алексей Михайлович стал пользоваться специальными хрустальными очками, привезенными ему западноевропейскими докторами. В последние годы жизни царь стал меньше двигаться, заметно пополнел. Его тучность не позволяла садиться на коня, все чаще государь «шел в карете». За месяц до кончины для него в Тележном ряду была куплена «избушка, обита кожей». Это был, видимо, последний «выход» царя. Решать дела он любил, лежа в кровати. Особенно тучным был живот царя¹⁶. Опухшие веки, красное лицо царя выдавали в нем гипертоника. Большой любитель париться в бане, он стал плохо чувствовать себя после этой процедуры – все чаще требовал от докторов «кидать кровь». Кровопускания¹⁷ приносили времен-

¹⁶ Такой мужской тип ожирения рядом специалистов считается фактором риска в развитии осложнений атеросклероза и гипертонической болезни.

¹⁷ Кровопускание – удаление с лечебной целью определенного количества крови из кровеносной системы методом венепункции (или веносекции), иногда – пункции артерии (БМЭ, том 12, с.86). В XVII–XVIII вв. существовало мнение, что кровопускание способствует выведению из организма «ядовитых» веществ, вызвавших заболевание. На самом деле, лечебный эффект этой процедуры связан с уменьшением количества циркулирующей крови, снижением артериального и венозного давления, что имеет положительное значение при венозной гипертензии, в частности, в связи с правожелудочной сердечной недостаточностью.

ное облегчение. Затем голова вновь наливалась тяжестью, кружилась, тянуло лечь. Тревожные вести, расстраивая государя, утяжеляли его самочувствие. Все чаще государь страдал «расстройством желудка» (Нахапетов Б.А., 2005). Какого характера были эти приступы? Возможно предположить, с учетом малой подвижности и ожирения, что Алексея Михайловича мучили запоры, тягостно отражавшиеся и на деятельности сердца. Со времени правления этого государя в практику лечения вошли консилиумы. При этом особое значение придавалось согласию между врачами. Так, сохранился документ об участии в осмотре Алексея Михайловича докторов Ягана Розенбурха, Стефана Фунгадина, Лаврентия Блюментроста, Симона Зомера и аптекаря Крестьяна Энглера, в котором указывалось, что «между ними никакова несогласия и недружбы нет и имеют между себя любовь» (Нахапетов Б.А., 2005).

В исторической литературе имеются указания (А. Богданов, 1997), что Алексей Михайлович простудился 6 января 1676 года во время Водосвятия на Москве-реке в Праздник Крещения Господня. Переохлаждение вызвало длительный кашель и лихорадку. Был ли это лишь бронхит или врачи не сумели диагностировать более грозную болезнь – воспаление легких? Считают, что предсмертное заболевание государя развивалось на фоне длительно, многие годы протекавшей цинги. Была ли у Алексея Михайловича эта патология? Этому диагнозу противоречат: «свежий» вид кожных покровов тела и розовый (красный) цвет лица (для цинги более характерны бледность кожи лица, темные пигментные пятна); несомненное наличие повышенного артериального давления, в то время как у больных цингой оно понижено (А.А. Кедров и соавт., 1986), отсутствие истощения (государь всю жизнь выглядел упитанным, полным).

Читателю, в контексте излагаемых материалов, небезинтересно будет узнать современные медицинские воззрения на проблему ожирения (ввиду ее актуальности для обеспеченных категорий населения). В основном причинами ожирения в пожилом возрасте являются: избыточное питание, неактивная жизнедеятельность, ослабленная без достаточных оснований, как это наблюдается иногда при праздном образе жизни людей, способных к труду. Необходимо учитывать функциональное предрасположение к ожирению, обусловленное обменными и эндокринными сдвигами. Из сказанного следует, что в проблеме ожирения немалую роль играет поведение человека, а не просто жизнь, управляемая фатальными законами. Другими словами, ожирение организма в значительной мере возникает в результате попустительства человека к своей личности, его малой культуры, в частности физической (Давыдовский И.В., 1966). По данным американских авторов (Goupt, 1960), лица с превышением веса на 5–14 % дают рост смертности на 22 %; превышение веса на 15–24 % и более увеличивает смертность на 44–74 %. Ожирение не только ускоряет наступление признаков старости, но и утяжеляет ее недуги; оно увеличивает шансы на возникновение осложнений возрастных процессов, способствуя развитию тех или иных форм недостаточности (коронарной, мозговой и т. п.). Грозными спутниками общего ожирения являются жировая дистрофия миокарда и перерождение печени (стеатоз), с которыми связаны многие осложнения у тучных больных.

Более 60 % случаев ожирения относится к алиментарному, или экзогенному типу, связанному с избыточным питанием, превышающем энергетические затраты организма. В случаях конституционального ожирения некоторые авторы придают значение дисфункции гипоталамуса, центров, регулирующих аппетит. Таким образом, «алиментарный» тип приобретает гормональную окраску и приближается к нейроэндокринным расстройствам, которые занимают второе место среди причин ожирения, особенно у женщин.

Ожирение часто сочетается со многими заболеваниями. Так, более чем в 1/3 случаев у тучных бывает сахарный диабет, в 25 % – артериальная гипертония, ишемическая болезнь сердца, часто встречается желчнокаменная болезнь, артрозы. Примерно 30 % тучных погибает от сердечно-сосудистых заболеваний. Легочная гиповентиляция сопровождается сгущением крови, синюшностью, сонливостью. Этот синдром может привести к смерти в результате декомпенсации легочного сердца (Калитиевский П.Ф., 1987). Лечение складывается из дието-

терапии, физиотерапии и медикаментозных средств. При назначении лечебной гимнастики, массажа, водных процедур необходимо учитывать состояние сердечно-сосудистой системы (Кочергин И.Г. и соавт., 1967). Медикаментозное лечение предусматривает назначение препаратов, регулирующих деятельность щитовидной железы, мочегонных (при склонности к отекам), средств, подавляющих чувство голода (при повышенном аппетите). Естественно, в России конца XVII века врачи ни в плане теоретической подготовки, ни в порядке обеспеченности соответствующими препаратами не располагали реальными возможностями оказания адекватной помощи больным...

22 января 1676 года дежурный врач произвел государю очередное кровопускание. Темная густая кровь медленно стекала по ноге в специальный серебряный тазик, который держал ассистент врача. Алексею Михайловичу стало легче дышать, медленно уходила тяжесть, сдавившая сердце. Государь сильно зяб, его посадили (сидя дышалось легче), к ногам приложили полый серебряный шар, наполненный горячей водой, накрыли горностаевым одеялом. Приехавший Патриарх Иоаким поил больного елеем, читал специальные врачевательные молитвы, кадил перед Образом Святителя Николая, Архиепископа Мир Ликийских. Государю полегчало. Он распорядился судьбой престола, передавая его по кончине сыну Федору, назначил опекуном своего друга и сподвижника князя Юрия Долгорукого, сделал другие указания.

В ночь на 29 января 1676 года у Алексея Михайловича развился «приступ». Врач Косте-риус, в тот день дежуривший в соседнем покое, немедленно был вызван к царю. Все последние недели по рекомендации докторов государь пил отвар боярышника (препараты из плодов боярышника и в современной медицине успешно применяют при различных расстройствах сердечной деятельности: ангионеврозах, мерцательной аритмии, пароксизмальной тахикардии (Машковский М.Д., 1988), уменьшавший одышку и приступы сердцебиения у царя. Здесь уместно рассказать о нелепом, с современной точки зрения, обычае, существовавшем при царском дворе до Петра I. Любое лекарство, даваемое государю, предварительно обязан был пробовать боярин-руководитель Аптекарского приказа. Лекарь, видя ухудшение состояния царя, немедленно послал за А.С. Матвеевым, занимавшим этот пост в 1676 году. А государю становилось все хуже: дыхание стало частым, поверхностным, в груди слышались влажные хрипы. Царь, знавший, что облегчало ранее такие состояния, потребовал «отворить кровь». А Матвеева все не было. Царь стал задыхаться, попросил прибытия Патриарха для проведения Соборования. Приехавший наконец-то боярин произвел пробу и необходимое лекарство было дано царю. Ослабевший государь половину пролил на одеяло, закашлялся, бессильно откинулся на подушки, не реагируя на обращения доктора. Святейший Иоаким прибыл немедленно и начал выполнение Святого Таинства. Спальня опустела, Патриарх и государь, столь долго трудившиеся вместе на благо Руси, остались одни, потрясенные происходившим. В прилежащих покоях стали собираться плачущие сестры и дочери царя. Всех страшила неясность будущего. Кто станет править? Болезненный, добрый и слабовольный Федор? Психически неполноценный десятилетний Иоанн? Общий любимец, крепыш Петр, которому шел 5^й год?

Алексей Михайлович предчувствовал приближение смерти и встретил ее спокойно, как веление Свыше. Между 15 и 16 часами 29 января 1676 года царя не стало. Удар Большого колокола Успенского собора известил об этом Москву. Перед смертью Алексей Михайлович распорядился выпустить узников из тюрем, вернуть сосланных, заплатить за должников по частным искам...

Ввиду отсутствия объективных медицинских документов, суждение о причине смерти Алексея Михайловича может быть высказано в вероятностной форме. Сердцебиение, одышка, переросшая во влажные хрипы в груди, положительный эффект от применения препаратов боярышника свидетельствуют, что смерть последовала от хронической сердечной недостаточности, осложнившей запущенную, не леченную должным образом гипертоническую болезнь, протекавшую на фоне общего ожирения.

На наличие гипертонии указывают «красное» лицо государя в последние годы жизни, характерные жалобы на «тяжесть» в голове, головокружение, положительный лечебный эффект кровопусканий. Утяжелению состояния гипертрофированной сердечной мышцы способствовало и ее жировое перерождение (дистрофия), всегда сопровождающее избыточную полноту. Одной из причин обострения болезни и ее декомпенсации, приведшей к сердечной недостаточности, могла быть и сильная «простуда» (острое респираторное заболевание? бронхит? пневмония?), перенесенная царем в январе 1676 года.

В.О. Ключевский (1990) образно охарактеризовал правление этого государя: «Царь Алексей Михайлович принял в преобразовательном движении позу, соответствующую такому взгляду на дело: одной ногой он еще крепко упирался в родную православную старину, а другую уже занес было за ее черту, да так и остался в этом нерешительном переходном положении. Он вырос вместе с поколением, которое нужда впервые заставила заботливо и тревожно поглядывать на еретический Запад в чаянии найти там средства для выхода из домашних затруднений, не отрекаясь от понятий, привычек и верований благочестивой старины». Есть все основания говорить, что Алексей Михайлович был не только прямым предшественником своего великого сына Петра, но и оставил свой самобытный след в нашей истории.

* * *

В заключение главы кратко расскажем о третьем государе из Дома Романовых – Федоре Алексеевиче. Когда умиравший Алексей Михайлович исповедовался и причащался из рук Патриарха Иоакима, придворные уже приготовили царское облачение на его старшего сына – превосходившего отца ростом, но более узкоплечего, худощавого юношу, вступившего в пятнадцатое лето своего жития¹⁸. С первым траурным ударом колокола толпа приближенных вошла в покои царевича.

Федор Алексеевич был сопровожден из теремов вниз, в Грановитую палату, одет в царское облачение и усажен на трон. Начался процесс присяги, наступило новое царствование. Основную роль в организации воцарения Федора сыграли глава Стрелецкого Приказа Ю.А. Долгорукий, дворецкий Б.М. Хитрово, князь И.А. Хованский, дядя нового царя И.М. Милославский. Весь вечер, ночь и утро в полыхавшем огнями светильников дворце присягали новому государю придворные, офицеры, дворяне. К тому времени, когда церемония присяги переместилась из дворца на площади Кремля, в приходские церкви города и стрелецких слобод, а в Приказах начали оформлять крестоцеловальные грамоты для всей страны (они рассылались до 10 февраля), слабый здоровьем царевич был совершенно измучен. Ноги его так отекали, что днем 30 января, на похоронах отца, он совершил краткий путь до Архангельского собора на носилках (Богданов А., 1997). Воспоминания о Смуте заставляли придворных спешить, хотя, казалось бы, не могло быть никаких сомнений в наследовании трона царевичем, еще 1 сентября 1674 года торжественно «объявленным» Церкви, двору и народу в качестве преемника отца. Богатые пожалования дворянству и разосланная по сему случаю грамота помогли запомнить это выражение воли Алексея Михайловича. Публично объявлялось, что царь Алексей завещал страну старшему сыну, но ползли слухи, что боярин А.С. Матвеев пытался посадить на престол малолетнего царевича Петра. Говорили, что канцлер убеждал умиравшего царя и бояр, что Федор Алексеевич болен, и мало надежд на его долгую жизнь. Второй сын царя Алексея – Иван – тоже не способен править, тогда как Петр на диво здоров, крепок, умен.

В этих разговорах был смысл: состояние здоровья Федора вызывало сильное беспокойство. Сестры и тетки его по матери (М.И. Милославской) постоянно находились у постели

---

¹⁸ Федор Алексеевич родился 30 мая 1661 года.

нового царя. Они питали недоверие к Аптекарскому приказу, с 1672 года возглавлявшемуся А.С. Матвеевым. Уже 1 февраля 1676 года боярин был удален с этой должности, а восьмого числа царскую медицину возглавил представитель высшей родовой знати Никита Иванович Одоевский. Через неделю новый глава Аптекарского Приказа созвал консилиум шести ведущих медиков страны. Обследование Федора Алексеевича показало, что «ево государская болезнь не от внешнего случая и ни от какой порчи, но от его царскаго величества природы... та-де цинга была отца ево государева... в персоне» (Богданов А., 1997). Хроническая болезнь дает сезонные обострения, – заявили доктора, – которые купируются с помощью внутренних и внешних укрепляющих средств, ванн, мазей. Полное излечение возможно «только исподволь, а не скорым временем». Бояре вздохнули с облегчением, считая, что указанная болезнь при соответствующем уходе несмертельна, Алексей Михайлович жил с ней и царствовал десятки лет. Характеризуя здоровье государя, следует сказать, что, когда Федору исполнился год от роду, «дядьки», взяв его из рук мамок, посадили на игрушечного деревянного коня. С детства страсть к лошадям вошла в кровь царевича, который, вступив на престол, проявил себя как фанатик коннозаводства. Он сменил руководство Конюшенным приказом, приблизив к себе конюшего И.Т. Кондырева с его родней, коннозаводчика В.Д. Долгорукова; выписывал производителей из Западной Европы.

«Как отец сего государя, великой был охотник до ловель зверей и птиц, так сей государь до лошадей великой был охотник. И не токмо предорогих и дивных лошадей в своей конюшне содержал, розным поступкам оных обучал и великие заводы конские по удобным местам завел, но и шляхетство к тому возбуждал. Чрез что в его время всяк наиболее о том прилежал к ничим более, как лошадыми, не хвалитися!» (Татищев В.Н., 1856).

Характерен случай, который некоторые современники считали причиной болезненности Федора Алексеевича: он, будучи на тринадцатом году, однажды собирался прогуливаться со своими тетками и сестрами в санях. Им подведена была ретивая лошадь: Федор сел на нее, желая быть возницей у родственниц. На сани на село их так много, что лошадь не могла тронуться с места, встала на дыбы, сшибла с себя седока и сбила под сани. Они всей тяжестью проехали по спине лежащего на земле Федора и измяли его, после чего он чувствовал периодические боли в груди.

Поездки по Подмоскovie верхом царь практиковал постоянно, исключая моменты приступов цинги. Не забывал он и увлечение отца, проявляя большую заботу об увеличении числа ловчих птиц, которые по его указам доставляли даже из Сибири. С раннего детства Федор увлекался стрельбой из лука. Это был настоящий спорт со своими правилами и детально разработанным инвентарем. Документы рассказывают, что для царевича и его товарищей-стольников изготовлялись десятки луков разных типов и многие сотни стрел нескольких разновидностей, мишени для комнатной и полевой стрельбы. Стрельба смыкалась с военными играми вроде перестрелки через Крымский брод на Москве-реке.

Федор по складу характера напоминал отца: был мечтательным, тихим и кротким. Грубые забавы сверстников-родственников из рода Милославских – пьянство, кулачные бои претили ему. Будучи уже царем, Федор Алексеевич с большим знанием дела распорядился об оборудовании Потешной площадки при комнатах своего младшего брата и крестника царевича Петра: с военным шатром, воеводской избой, пахотными рогатками, пушками и прочим воинским снаряжением.

Кремлевский дворец, включая *покои* членов царской семьи и дворцовые церкви, мастерские палаты, комплекс зданий Приказов – все было перестроено в царствование Федора Алексеевича, соединено переходами, по-новому изукрашено. Пятиглавые каменные храмы на Пресне и в Котельниках, колокольня в Измайлове, ворота в Алексеевском, десятки каменных зданий были результатом забот юного государя. В РГАДА сохранился его собственноручный чертеж церкви Во имя Святителя Алексия, Митрополита Московского и Всея Руси, соору-

женной в 1686 году в Чудовом монастыре (Рогожин Н.М., 1986). При всех хоробах были разбиты сады, кроме общего для обитателей царского «Верха» парка у Золотой палаты и всяческого Набережного сада со ста девятью окнами по фасаду. Организуя общую систему канализации Кремля, государь позаботился устроить проточный пруд (десять на восемь метров) и запустить туда «потешный» кораблик. При царе Федоре значительно улучшилось санитарное содержание дворцовых помещений, возникли режимы влажной уборки и регулярных проветриваний.

Скажем несколько слов о курениях, применявшихся в то время в жилых хоробах. Обыкновенное курение составляло *ячное пиво*, которое употребляли «для *духу*», особенно в мыленках, а также в мастерских палатах, где хранилась одежда и разный «убор постельный». Вероятно, тем же способом, т. е. посредством печей, употребляли и другие, не слишком дорогие, обычные курения. В особенной моде была розовая вода. В царских покоях курили разными составными *ароматами* из *водок* и трав, которые заготавливались Аптекарским Приказом. В. Рихтер в своей «Истории медицины в России» свидетельствовал, что для благовония употребляли тогда для Грановитой палаты – *oleum cinnamomi*, для Мастерской палаты – *oleum saurophyllorum*. Из Аптеки часто выписывались другие благовонные составы для курения и разная смесь из редких ароматов, которые клали в платье, чтобы доставить ему хороший запах. Изготавливались также благовонные свечи, например, в хоромы царевны Софьи в 1686 году было изготовлено 26 таких свечей. Ароматическими составами курили в жаровенках, серебряных и медных (Забелин Н.Е., 1990).

Тетки и сестры Федора, оскорбленные второй женитьбой Алексея Михайловича и поведением мачехи (позволявшей себе даже появляться с открытым лицом перед народом, заведшей театр, танцы и прочие «безобразия»), требовали удалить Наталью Кирилловну и ее отпрыска от двора – ведь именно они ухаживали за больным царем! Любимая мамка, нянчившая Федора с младенчества, боярыня Анна Петровна Хитрово обвиняла перед своим воспитанником в страшных преступлениях и А.С. Матвеева, и Нарышкиных, – а царь знал о ее безусловной преданности и доверил попечению боярыни свою молодую жену. «Дядька» Федора, Иван Хитрово, сын всеильного главы дворцового ведомства боярина Богдана Матвеевича, воспитавший царевича и оставшийся одним из доверенных приближенных царя, поддерживал требование родственницы. Однако государь отклонил предложения сподвижников. А.С. Матвеев 31 января дал послам при царском дворе твердые гарантии, что политика России не меняется. «Все те же господа останутся у власти, кроме разве того, что ввиду малолетства его царского величества четверо знатнейших бояр будут управлять наряду с ним» (Богданов А., 1997).

По мнению царя, укрепление Церкви и борьба с раскольниками требовали расширения церковной иерархии: на необъятное пространство страны приходилось вместе с Патриархом всего семнадцать архиереев (девять митрополитов, шесть архиепископов и один епископ). К осени 1681 года Федор Алексеевич имел тщательно разработанный проект епархиальной реформы. Государь исходил из того, что «зablуждения староверов и иноверцев» коренятся в невежестве, а неспособность и нежелание приходских священников противостоять мнению паствы проистекает от недостатков управления. Обширности и славе государства, его роли оплота христианского благочестия должна соответствовать великая Церковь, в которой Патриарху, как Наместнику Христа, подчиняется двенадцать митрополитов (наподобие апостолов), семьдесят архиепископов и епископов (шестьдесят из последних – через митрополитов). Проект епархиальной реформы предусматривал соответствие административному делению государства, предусматривал источники содержания и подчинение каждой епископии. Однако Патриарх откладывал рассмотрение проекта и только 15 октября, в ответ на письменную просьбу Федора Алексеевича, обещал представить его Церковному Собору.

Федор Алексеевич столкнулся с неприятием своих убеждений. Вместо решения поднятых царем проблем с помощью убеждения, просвещения и благотворительности, ряд архиереев

предложил расширить монастырские тюрьмы, ужесточить по духовным делам «градской суд», «прещение и страх по градским законам», действия «караулов» и воинских команд. Затормозив реформу, Патриарх Иоаким постарался новую систему чинов представить как попытку расчленения страны между аристократами в духе Речи Посполитой. Но даже смертельно больной Федор Алексеевич не сдавался. Он убедил духовенство учредить несколько новых епархий и повысить статус старых, считая реформу утвержденной.

Возможно, определенные расхождения с Патриархом Иоакимом коренились в европейском образовании Федора Алексеевича. Как и его старший, рано умерший брат Алексей, он, помимо воспитания у обычных учителей, приобрел знание европейских языков. В царских покоях появились венецианские зеркала, резная английская мебель, немецкие глобусы и географические карты, книги европейских стран (известно, что в личной библиотеке Федора Алексеевича имелись книги по медицине на русском языке, например, «Книга врачебной анатомии Андрея Весселия (Везалия – Ю.М.) Букселенска» в переводе иеромонаха Епифания (Славинецкого).

Великолепием своего дворца и столицы царь с успехом потрясал воображение иностранцев, что было немаловажно, так же как и организованная им при своем венчании сакрализация самодержавной власти (он даже миропомазался, вопреки традиции, в алтаре, как архиерей). Однако Федор Алексеевич знал меру, как свидетельствует указ от 8 июня 1680 года, интересно раскрывающий характер государя. Царь рассердился, узнав, что придворные в челобитных стали уподоблять его Богу: «И то слово в челобитных писать непристойно... а если кто впредь дерзнет так писать – и тем за то от него... быть в великой опале!». Тут, вполне в духе Петра, мысль его перескочила на иную тему: являются к нему во дворец из домов, где есть заразные больные, – «сие есть безстрашная дерзость... и неостерегательство его, государева, здоровья». Лучше бы поздравляли с праздником и здоровья желали, а не Богу уподобляли (Татищев В.Н., 1856).

В 1679 году на крестном ходе он углядел в толпе зрителей девушку, был «сражен наповал», по привычке к быстрым решениям реагировал мгновенно: велел постельничему И.М. Языкову узнать, кто такова. Придворный доложил: дочь смоленского дворянина Агафья Симеоновна Грушевская, живет в доме тетки, жены окольного С.И. Заборовского. Царь послал Языкова в дом познакомиться с семьей, а вскоре велел объявить Заборовскому, «чтоб он ту свою племянницу хранил и без указа замуж не выдавал». Намерение государя жениться вопреки вековым правилам повергло родню в шок, И.М. Милославский прямо заявил: «Мать ея и она в некоторых непристойностях известны!» (Татищев В.Н., 1856). Федор поверил, впал в тоску, но преданные слуги уговорили его проверить информацию. И.М. Языков и А.Т. Лихачев (воспитатель царевича Алексея Алексеевича) поехали к Заборовскому и, смущаясь, спросили «о состоянии» невесты. Агафья Симеоновна вышла к гостям сама и сказала напрямик, «чтоб оне о ея чести ни коего сомнения не имели, и она их в том под потеряннем живота своего утверждает!». Царь 18 июля 1680 года отпраздновал свадьбу. Царица простила И.М. Милославского, «разсудя слабость человеческую», но царь, встретив его как-то в темном закутке дворца с подарками Агафье Симеоновне, разъярился: «Ты прежде непотребною ея поносил, а ныне хочешь дарами свои плутни закрыть!» – и вытолкнул боярина в шею. Государя еле успокоили (Богданов А., 1997). Здоровье царицы оказалось слабым. Все чаще в ее покоях появлялись различные снадобья. Л.Ф. Змеев (1889) привел описание следующего случая. Доктор Розенбург прописал царице лекарство. Аптекарь не совсем точно приготовил его. Боярыне, отведывавшей лекарство, сделалось «тошно». Тогда заставили самого Розенбурга выпить все лекарство зараз. «Все это черты страшного поголовного суеверия и боязни отрав, – писал Л.Ф. Змеев, – характерные для той эпохи. Если виновный служил при дворе, то в этом, кроме того, усматривалось *laesio majestatis* (государственный вред. – Ю.М.) и наказание сильно увеличилось».

Счастье Федора Алексеевича длилось недолго. 11 июля 1681 года он объявил стране о рождении царевича Илии, но 14 числа скончалась царица, а утром в четверг 21 июля – и младенец. Неизвестно, влюбившись или по настоянию приближенных, обеспокоенных отсутствием наследника, царь 12 февраля 1682 года объявил о выборе второй супруги – Марфы Матвеевны Апраксиной, дочери незнатного дворянина (свойственника И.М. Языкова). 15 февраля была скромно сыграна свадьба. Супружество, вдобавок к бремени реформ и государственного управления, оказалось непосильной ношей. Царь слег, и только 21го сумел принять придворных с поздравлениями, а 23го царь и царица дали свадебные «столы».

Отход царя от непосредственного управления взволновал столицу. На посаде, особенно в стрелецких полках, ширился ропот против «начальнических и неправедных обид», против «временщиков», с которыми столкнулось мелкое начальство. Федору так и не удалось наладить государственную машину, способную четко действовать со справедливостью и правосудием без бдительного ока самодержца. Даже больной, царь продолжал принимать важные решения. Так, получив известия об опасности, угрожавшей русским поселениям в Приамурье со стороны Цинской империи, он потребовал от Патриарха назначить епископов в Даурские, Нерчинские и Албазинские остроги «для исправления и спасения людей, пребывающих в тех градах». Однако царь не знал, что совсем рядом, в кольце слобод вокруг Москвы, закипает гнев на «бояр и думных людей», приказавших высечь челобитчика, обратившегося в Стрелецкий приказ с жалобой на особенно свирепого полковника. В этой «неправде» многие обвиняли И.М. Языкова – слабого политика, с 1680 года возглавившего Оружейную, Золотую и Серебряную палаты, значение которого увеличилось при болезни государя. Говорили также, что Языков, Лихачевы и Апраксины объединились со сторонниками царевича Петра и именно они уговорили Федора облегчить ссылку Матвеева и Нарышкиных. Предвидя кончину государя, многие видные роды готовили переворот с целью отстранения от наследства шестнадцатилетнего царевича Ивана в пользу десятилетнего Петра.

23 апреля знать пиროвала в палатах Патриарха. А на окраинах Москвы полки русской армии, собравшись «в круги» по казачьему обычаю, приняли решение о совместном выступлении против офицеров. В тот же день два десятка стрелецких полков направили во дворец представителей с жалобой на одного полковника – Семена Грибоедова. Ни Языков, никто другой не посмели отказать в передаче этой челобитной царю, который сразу понял значение объединения всей армии против одного начальника. 24 апреля 1682 года Федор Алексеевич указал: «Семена послать в Тотьму, и вотчины отнять, и ис полковников отставить». Это был самый последний указ государя, лишившегося сил и неотвратимо близившегося к могиле (Погодин М.П., 1875). Вечером 27 апреля он исповедался, приобщился Святых Тайн. Врачи информировали царя, что надежд на выздоровление нет и необходимо распорядиться судьбой престола. Ложе Федора окружили близкие. Патриарх начал чтение отходной молитвы. Государь до последних минут жизни находился в сознании. Родные, державшие его руки в своих ладонях, почувствовав, что кисти начали холодеть, поняли, что близится конец...

Известие о смерти Федора, «ихе име леты довольны, и разум совершен, и бе милосерд», и воцарении Петра, «иже млад сый и Российскаго царствия на управление не доволен», означало для подданных, что бояре и приказные люди, «не имея над собою довольнаго... правителя и от неправды воздержателя, яко волки имут нас, бедных овец, по своей воли во свое насыщение и утешение пожирати». Это известие означало также, что подданные «лучше избрали смерть, нежели бедственный живот», и что те, кто в эти дни беспечно плетет интриги во дворце, вскоре полетят на копыя и будут «в мелочь» изрублены восставшими (Богданов А., 1997). Стрельцы, на несколько месяцев захватившие власть в Москве и успевшие даже поставить памятник своей победе над «изменниками-боярами и думными людьми», декларировали те же идеи, что и царь Федор: общей правды, равного правосудия, уважения государственных функций всех сосло-

вий и т. п. Поражение, нанесенное им «мужеумной» правительницей Софьей, на долгое время определило трагическую судьбу русского либерализма.

Завершить эту главу уместно кратким рассказом о судьбе вдовы Федора Алексеевича, царицы Марфы Матвеевны. Она жила тихо и скромно, запросами Петра I не тревожила, к новациям его относилась положительно. Ее ровный и приветливый характер всегда благотворно действовал на царя, вызывая равновесие в многочисленной родне Романовых. Когда ему понадобилось ее участие в «Машкерадах», Марфа Матвеевна, уважая шурина, не отказалась от участия в увеселениях. Иностранцы дипломаты в своих воспоминаниях запечатлели эту, уже немолодую, но еще прекрасную статную женщину... В 1715 году, когда царица Марфа Матвеевна скончалась, Петр I лично принял участие во вскрытии ее тела. Оно честно сказало ему ту правду, о которой он догадывался: жена его брата Федора умерла девственницей. Царь, пораженный высочайшей нравственностью покойной, пережившей его брата на 33 года, распорядился об организации наиболее грандиозных похорон за все свое царствование (Васильева Л.Н., 1999). Ее девство стало своеобразным вызовом воцарившемуся открытому разврату царского двора. Тихим, бессмысленным, но все же вызовом и уроком другим: сумела – устояла...

ЛИТЕРАТУРА

- Автокротова М.И., Буганов В.И. Сокровищница документов прошлого. – М., 1986.
- Байбурова Р. У истоков царского Дома Романовых // Наука и жизнь. – 1999. – № 5. – С. 107–111.
- Балязин В.Н. Сокровенные истории Дома Романовых. – М., 1995.
- Богданов А. Федор Алексеевич // Романовы. Исторические портреты. – М., 1997. – кн.1. – С. 156–197.
- Большая медицинская энциклопедия. – Т. 12. – М., 1988.
- Буганов В.И. Россия в XVII столетии. – М., 1989.
- Буганов В. Михаил Федорович // Романовы. Исторические портреты. – М., 1997. – кн. 1. – С. 13–70.
- Бунташный век. Серия «История отечества в романах, повестях, документах» / Сост. В.С. Шульгин. – М., 1983.
- Васильева Л.Н. Жены русской короны. – Кн. 2. – М., 1999.
- Гиббенет Н.А. Историческое исследование дела Патриарха Никона. – Т. 1–2. – СПб., 1882–1884.
- Глинский Б.Б. Царские дети и их наставники. – СПб., М., 1912.
- Гребельский П., Мирвис А. Дом Романовых. – СПб., 1992.
- Давыдовский И.В. Геронтология. – М., 1966.
- Дегтярев А.Я. Трудный век Российского царства. – М., 1988.
- Дмитриев И.И. Московский первоклассный Новоспасский Ставропигиальный монастырь в его прошлом и настоящем (историко-археологический очерк). – М., 1909.
- Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. – М., 1901.
- Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. – Новосибирск, 1992.
- Замысловский Г. Царствование Федора Алексеевича. – СПб., 1871.
- Змеев Л.Ф. Чтения по врачебной истории России. – СПб., 1896.
- Иностранцы известия о восстании Степана Разина. – Л., 1975.
- История Отечества в лицах с древнейших времен до конца XVII века (Биографическая энциклопедия). – М.: «Книжная палата», 1993.
- Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. – Т. 1–2. – Сергиев Посад, 1909–1912.

- Ключевский В.О. Курс русской истории. – Том 3. – М., 1957.
- Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича // Бунташный век. – М., 1983. – С. 407–544.
- Мордовцев Д.Л. Великий раскол. – М., 1990.
- Морозов К.К. Памятник архитектуры – Новоспасский монастырь в Москве. – М., 1982.
- Морозова Л.Е. Михаил Федорович // Вопросы истории. – 1992. – № 1. – С. 32–47.
- Мулюкин А.С. Иностранцы свободных профессий в Московском государстве. – СПб., 1908.
- Нахапетов Б.А. Тайны врачей Дома Романовых. – М.: «Вече», 2005.
- Новомбергский Н.Я. Врачебная экспертиза в Московской Руси // Военно-медицинский журнал. – СПб., 1906. – Т. 215. – С. 1–11.
- Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. – Под ред. А.М. Ловягина. – СПб., 1906.
- Описание памятников, находящихся в Ставропигиальном Новоспасском монастыре. – РГИА. Ф. 834, опись 4, дело 797 (1846 г.).
- Пасхалова Т.В., Станюкович А.К. Усыпальница прародителей царского Дома Романовых в Московском Ставропигиальном Новоспасском монастыре. – М.: Новоспасский монастырь, 1997.
- Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник. – СПб., 1913.
- Платонов С.Ф. Биографические произведения. Исторические очерки. – СПб., 1994.
- Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции по русской истории. – Тома 1–7. – М., 1846–1854.
- Погодин М.П. Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого (1672–1689). – М., 1875.
- Преображенский А. Алексей Михайлович // Романовы. Исторические портреты. – М., 1997. – кн. 1. – С. 71–155.
- Пресняков А.Е. Российские самодержцы. – М.: «Книга», 1990.
- Рысс С.М. Витамины (физиологическое действие, обмен, терапия). – Л., 1963.
- Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – М.: Соцэкгиз, 1963.
- Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. – М., 1989.
- Чапыгин А.П. Разин Степан. – Л., 1986.
- Шушерин И.К. Известие о рождении, воспитании и о житии святейшего Никона Патриарха Московского и Всея Россия, написанное клириком его Иоанном Шушериным. – М., 1908.

Глава 2

Возвращение блудного сына

Людей и свет изведал он
И знал неверной жизни цену.
В сердцах друзей нашел измену,
В мечтах любви безумный сон,
Наскуча жертвой быть привычной
Давно презренной суеты,
И неприязни двуязычной,
И простодушной клеветы,
Отступник света, друг природы
Покинул он родной придел
И в край далекий полетел...

А.С. Пушкин. Кавказский пленник

27 января 1689 года состоялась свадьба юного царя Петра и Евдокии Лопухиной, происходившей из древнего дворянского рода. Один из современников молодых князь Б.И. Куракин писал, что «принцесса лицом изрядная, токмо ума посредного и нравом не сходная к своему супругу», а Лопухины «люди злые, скупые, ябедники, умов самых низких...» (Павленко Н.И., 1990). Характеристика нелюбимая, но, к сожалению, как показала история, в значительной степени справедливая – личностные особенности новой царицы и ее родственников сыграли роковую роль в ее дальнейшей судьбе. Менее чем через год в новой семье родился наследник, названный в честь деда Алексеем. Случилось это 18 февраля 1690 года. У молодых родителей в 1691–1692 гг. появились на свет еще два мальчика – Александр и Павел, к сожалению, умершие в младенческом возрасте. Евдокия была нежной и заботливой матерью, что отмечала даже не любившая ее свекровь, царица Наталья Кирилловна.

К этому времени между супругами возникло отчуждение, обусловленное не только различием их характеров, но и полным непониманием Евдокией Федоровной государственных планов мужа по коренному преобразованию страны. Определенную роль сыграла и супружеская измена Петра – у него появилась фаворитка Анна Монс. Царица допустила ошибку, нередкую и в обычных семьях – из чувства мести к мужу, фактически прекратившему с ней брачные отношения, она стала воспитывать в маленьком Алексее неприязнь к отцу и, одновременно, верность традициям и обычаям боярской Руси. Это, в значительной степени, обусловило трагическую судьбу царевича.

Ж.-М. Натъе. Портрет императора Петра 1. 1717 г.

Петр женился на Евдокии, когда ему было только шестнадцать лет. Ни о каком личном выборе супругов говорить не приходится: инициатива этого брака принадлежала царице Наталье Кирилловне. Возможно, семью и удалось бы сохранить, не встретить царь на жизненном пути Анну Монс. Блестящую характеристику этой особы мы находим у Н.И. Костомарова (1990): «Это был тип женщины легкого поведения, обладающей наружным лоском, тем кокетством, которое кажется отсутствием всякого кокетства и способно обворожить пылкого человека, но само по себе заключает неспособность любить никого, кроме суеты и блеска житейской обстановки... понятно, что пленило Петра в девке из Немецкой Слободы: то была иноземщина,

которая побуждала его сшить и надеть на подвластную ему Московскую Русь западноевропейскую одежду».

В 1698 году, убедившись, что взаимопонимание с женой не восстановить, Петр обратился к своим родственникам Л.К. Нарышкину и Т.Н. Стрешневу с деликатным поручением – уговорить Евдокию добровольно уйти в монастырь. События стрелецкого бунта, вспыхнувшего в Москве 6 июня 1698 года, ускорили этот процесс, ибо расследование, завершившееся через две недели казнью 57 главных зачинщиков восстания, показало сочувствие стрельцов к опальной царице.

Петр, находившийся в это время в поездке по европейским странам, прервал путешествие и 25 августа вернулся в Москву. Через месяц, несмотря на сопротивление Патриарха Адриана, заступившегося за Евдокию, ее насильно посадили в закрытую карету и под конвоем солдат Преображенского полка доставили в Суздальский Покровский девичий монастырь. Место это было выбрано не случайно – обитель с древности служила местом ссылки опальных цариц и других знатных особ. Здесь завершили свой жизненный путь Соломония Сабурова, первая жена великого князя Василия III, царевна Александра, его сестра Анна Васильчикова, одна из жен Ивана Грозного и другие известные женщины, ставшие монахинями. Через некоторое время совершился постриг, и царица превратилась в скромную инокиню Елену. Потекли дни, наполненные молитвой, бытовыми лишениями. Особенно тяжело Евдокия переживала разлуку с любимым сыном. Так прошли долгие десять лет жизни... История сохранила свидетельство о единственной тайной встрече Евдокии Федоровны с Алексеем в 1706 году.

Наступил 1710 год. Случилось так, что в Суздаль по делам службы прибыл Степан Богданович Глебов, майор Преображенского полка, одноклассник и давний знакомый Евдокии еще с юношеских лет. Он был потрясен, увидев прежде красивую и жизнерадостную сверстницу в монастырской келье. Рассказал Глебов и о своей неудачной женитьбе, о нелюбимой жене. После отъезда майора между давними знакомыми установилась переписка, Степан Богданович присылал в монастырь богатые дары. Постепенно старая дружба переросла в любовь. Сохранились письма Евдокии: «Не покинь ты меня, ради Господа Бога, сюды добивайся!» Глебов зачастил в Суздаль...

При пострижении царицы ее сыну уже было восемь лет. Впечатления этого возраста остались в памяти на всю последующую жизнь. После того, что случилось между родителями, сердце царевича неизбежно должно было быть отдано матери, всенародно оскорбленной Петром. С юных лет Алексей привык таиться от отца, опасаться доносов и слежки. Важнейшая тайна, которую он вынужден был скрывать, была любовь к находившейся в заключении матери. Используя всякую возможность, он пытался увидеться с нею, получить от нее весточку. После ссылки Евдокии Федоровны в монастырь Алексей находился на попечении бабушки, Натальи Кирилловны, а затем тетушки, Натальи Алексеевны. Царевич рос в подмосковном селе Преображенском без серьезного присмотра и должного образования. Руководство его воспитанием сначала было доверено приближенным Петра Н.К. Вяземскому и А.Д. Меншикову – людям, не обладавшим достаточными познаниями, затем – европейски образованному барону Генриху Гюйсену, часто, однако, отвлекаемому царем для дипломатических поручений. В результате Алексей освоил немецкий и французский языки, арифметику, основы фортификации. Одной из любимых книг царевича был старинный русский календарь – «Святцы» киевской печати, подаренный Алексею в 1708 году Митрополитом Димитрием Ростовским (впоследствии канонизированным Русской Православной Церковью).

В юности царевич, по воспоминаниям современников, отличался ленью и изворотливостью, сочетавшимися с коварством и мелочной мстительностью. С детства сохранил он неприязнь к иноземцам, не любил нарушения обычаев древнего царского церемониала, присущие отцу. Первым лейб-медиком царевича был Готфрид Клемм. Судьба талантливого врача сложи-

лась трагически. Он утонул в Неве близ Шлиссельбурга во время военных действий в апреле 1703 года (Рихтер В., 1820).

Петр I неоднократно делал попытки воспитать в Алексее государственного деятеля. С этой целью он давал ему поручения. Так, в 1707–1709 гг. царевич по поручению отца собирал зерно и набирал рекрутов в Смоленске, ездил в Минск, наблюдал за укреплением Московской фортеции, отсылал в Петербург шведских пленных, приводил полки к отцу в Сумы. Однако Алексей выполнял все это с растущей нерадностью, чем заслужил упреки отца (Мавродин В.В., 1978). В 1709 году царь впервые отправил сына для учебы за границу, в Дрезден, где он должен был изучать языки, геометрию и фортификацию. Стажировка была прервана поездкой в Карлсбад, где Алексей Петрович лечился водами от последствий простуды, а также неумеренного употребления спиртных напитков. Время шло. Подчинивший себя и членов своей семьи стратегическим государственным интересам, царь в 1710 году начал подбор подходящей супруги для Алексея. 19 апреля 1711 года в Галиции, где тогда находился Петр I, состоялось подписание брачного договора о женитьбе царевича Алексея на немецкой принцессе Софии Шарлотте Брауншвейг-Вольфенбюттельской, родственнице австрийского императора. По условиям соглашения, невеста сохраняла лютеранскую веру (редчайший случай в истории дома Романовых!). А будущим детям от этого брака предстояло совершить Таинство Святого Крещения по православной традиции.

13 октября 1711 года, возвращаясь после лечения из Карлсбада, Петр I и его новая супруга Екатерина прибыли в саксонский город Торгау, где на следующий день произошло венчание Алексея и Софии. Брак не внес существенных изменений в образ жизни царевича. Высокая, худая, с лицом, изуродованным следами оспы, высокомерная немка не пользовалась любовью Алексея: «Жену мне чертовку навязали; как к ней не приеду, все сердитует и не хочет со мною говорить» (Павленко Н.И., 1990). Повторно царевич ездил в Карлсбад в 1714 году. Видимо, первая поездка для лечения была успешной. Поводом для второй стало подозрение врачей о начале развития чахотки. К счастью, оно не подтвердилось (Иловайский Д., 2002). Проведя почти два года за границей, чета молодых Романовых обосновалась в Петербурге, где появились на свет их дети – дочь Наталья (12 июля 1714 г.), а затем, 12 октября 1715 года, сын Петр (будущий император).

Последние месяцы супружества были омрачены романом Алексея Петровича с крепостной его первого учителя Н.К. Вяземского – Ефросиньей Федоровой. Угнетенное состояние принцессы перед родами сына, и, в немалой степени, их трагический финал некоторые исследователи связывают с супружеской неверностью Алексея, основываясь на предсмертных словах Софии-Шарлотты: «...Злые люди, вероятно, и по смерти моей... распустят слух, что болезнь моя произошла более от мыслей и внутренней печали» (Балязин В.Н., 1995).

Письма Шарлотты к родителям сохранились в Вольфенбюттельском архиве. В. Герье опубликовал некоторые из них в «Вестнике Европы» (том 3 за 1872 год). Из них следует, что вторая беременность кронпринцессы заявила о себе болезненными припадками. За десять недель до родов сына Шарлотта упала с лестницы и ударилась. С тех пор она чувствовала боли в груди слева и в животе. Вскоре появилась легкая лихорадка. За девять дней до родов состояние ухудшилось, и Шарлотта провела их в «постели, однако оставалась бодр».

Родильница первые дни чувствовала себя неплохо, начала сама кормить новорожденного. На четвертый день начались лихорадка, бред, боли в животе. К девятому дню лечащие врачи, в связи с ухудшением состояния, утратой сознания, попросили о консилиуме, который прошел 20 октября. Царь прислал своих лейб-медиков Арескина, Блументроста, Поликало. Консилиум признал состояние «in mortis limine» (безнадежным). 21 октября, несмотря на собственную болезнь, невестку посетил Петр I. Она была в сознании и поручила своих детей его отеческому попечению. Алексей не отходил от постели жены. Ночью 22 октября наступила смерть.

Принимать назначенные лекарства больная категорически отказалась, говоря, что не хочет жить. Не только среди обывателей, но и врачей вплоть до XIX века существовало мнение о том, что, поскольку роды – акт физиологический, то и внешнее вмешательство в этот процесс должно быть минимальным. В лучшем случае в раннем послеродовом периоде женщинам назначались препараты спорыньи, способствующие сокращению матки, а также соединения опиума в качестве обезболивающих и успокаивающих. Скольким женщинам такая осторожная позиция стоила жизни! Не стала исключением из этого «правила невмешательства» и принцесса София-Шарлотта. Слабая физически, с неразвитой мускулатурой живота и таза, угнетенная равнодушием мужа и враждебностью Екатерины I, видевшей в родившемся мальчике конкурента собственным детям в борьбе за трон, она тихо угадала в своем дворце.

Отрывочные воспоминания современников в сочетании с официально объявленной причиной смерти (родильная горячка), позволяют предположить, что жена царевича Алексея погибла от сепсиса – генерализованного инфекционного процесса¹⁹, часто осложнявшего в те времена послеродовой период в связи с отсутствием антибиотиков. Видимо, сыграли роль и большая кровопотеря в родах вследствие атонии (плохого сокращения) матки в сочетании с попаданием в ее зияющие венозные сосуды микрочастиц плацентарной ткани, возможно, оставление в полости матки фрагментов плодных оболочек и другие неизвестные тогда врачам факторы, вызывающие «родильную горячку». 22 октября 1715 года София-Шарлотта скончалась. По преданию, царь лично присутствовал при вскрытии тела невестки. Алексей тяжело переживал смерть жены: плакал, несколько раз падал в обморок.

Царевич после смерти жены уединенно жил в своем деревянном дворце в Литейной части города, на Шпалерной улице. Траур по супруге давал ему формальный повод не появляться на торжественных приемах и ассамблеях, всегда тяготивших Алексея. На сохранившихся портретах того времени мы видим царевича – худощавого, бледного, выше среднего роста, с узкими плечами, с длинными темно-каштановыми волосами, с узким лицом и большими черными глазами. По характеру мягкий, впечатлительный, не очень крепкий физически, он этими качествами напоминал деда – «тишайшего» Алексея Михайловича, и дядю, царя Федора. На последнего он походил также подозрительностью и суеверностью, а на них обоих – искренней набожностью. К 1713 году относится событие, чрезвычайно важное для характеристики взаимоотношений отца и сына. Петр захотел лично проэкзаменовать царевича после его возвращения в Петербург из учебной заграничной поездки. Страх сына перед отцом был настолько велик, что Алексей, чтобы не чертить в присутствии царя, выстрелил себе из пистолета в ладонь правой руки – в результате возник ожог кисти, но пуля, к счастью, не причинила ран. Инциденту был придан характер несчастного случая. Часто царевич уклонялся от поручений государя, притворяясь больным. О своем умении симулировать заболевания Алексей собственноручно сообщил на следствии в 1718 году: «Притворяя себе болезнь, лекарство нарочно, чтобы не быть похода, принимал...» (Павленко Н.И., 1990). Постоянный психический прессинг со стороны отца, видимо, отразился на состоянии здоровья царевича. Петр был вынужден в 1714 г. отпустить сына в Карлсбад для лечения минеральными водами. Анализ отрывочных сведений о жалобах и симптомах недомогания позволяет предположить, что у Алексея в тот период действительно имелись признаки вегетососудистой дистонии...

---

¹⁹ Лишь в середине XVIII столетия французский врач Ж. Астрик (J. Astruc, 1684–1766) впервые изучил септический эндометрит и дал клиническое описание этого заболевания родильниц, указав такие его симптомы, как перемежающаяся лихорадка, жар, поты. Наличие этих признаков Астрик объяснял поступлением в кровь гноя. Впоследствии осложнение болезни, описанное Астриком, получило название пиемии, ставшей затем одним из вариантов сепсиса.

* * *

Сохранилось около сотни писем из обширной переписки Петра I и Екатерины. Царевич Алексей в них упоминается лишь трижды (!), ни в одном из посланий ему нет даже приветия. Послания отца к юноше холодны, кратки, бесстрастны. Видимо, царь был вечно недоволен сыном. Мне кажется, что Алексей не был трусливым истериком, как его привыкли изображать некоторые писатели, художники, актеры. Сын великого Петра, он унаследовал от родителя волю, своенравие, отвечал отцу глухим сопротивлением, которое маскировалось формальным почтением и послушанием. В упрямстве царевича, твердом нежелании подчиняться воле царя (вдумайтесь, что это значит для подданного в 1718 году!) внимательный исследователь увидит четкую линию поведения, отказ от приспособленчества. Хорошо зная отца, он прекрасно понимал, чем может закончиться этот конфликт. Мне представляется, что Алексей был по своему мужественным и последовательным человеком.

Ситуация в царской семье изменилась в октябре 1715 года, когда у Екатерины родился сын Петр, здоровый и жизнерадостный малыш, ставший любимцем родителей, которые именно с ним стали связывать свои династические надежды и планы. После рождения сводного брата положение Алексея стало критическим – претензии отца к старшему сыну стали очень серьезными. После смерти невестки Петр I предпринял еще две попытки убедить Алексея изменить отношение к государственным делам, угрожая в противном случае лишить его права престолонаследия. Царевич, ссылаясь на слабое здоровье, сообщил Петру в конце 1715 года о желании отречься от престола: «Вижу себя к сему делу неудобна и непотребна, понеже памяти весьма лишен... и всеми силами умными и телесными (от различных болезней) ослабел и непотребен стал к толикого народа правлению, где требует человека не такого гнилого, как я» (Буганов А., 1997). Одновременно он активно обсуждал со своими сторонниками возникшую ситуацию. Видимо, царь узнал об этом.

19 января 1716 года последовало его новое письмо сыну: «...чем воздаешь за рождение отцу своему? Помогаешь ли в таких моих несносных печалях и трудах, достигши такого совершенного возраста? Ей, николи! Что всем известно есть, но паче ненавидишь дела мои, которые я делаю для своего народа, не жалея своего здоровья. И конечно же после меня ты разорителем этого будешь... или перемени свой нрав и нелицемерно удостой себя наследником, или будь монах...» Когда Алексей прочел это письмо А.В. Кикину, тот произнес: «Да ведь клубук-то не гвоздем к голове прибит!» (Павленко Н.И., 1990). И Алексей попросил отца отпустить его в монастырь, рекомендуя назначить наследником престола своего сводного новорожденного брата.

В конце января недомогавший царь вновь отправился в Чехию, на Карлсбадские воды. Перед отъездом Петр посетил сына и предупредил, что в течение полугода он примет решение о его дальнейшей судьбе. В начале сентября Алексей получил письмо от отца с предложением сообщить окончательное суждение: или вместе трудиться на благо России и немедленно приехать к отцу в армию или сообщить о дате принятия монашеского пострига. Царевич избрал третий, губительный, как оказалось, путь развития своей судьбы. 26 сентября 1716 года вместе с Ефросиньей и четырьмя слугами, он, информировав власти о том, что едет к отцу, покинул Санкт-Петербург и направился к государственной границе. Как стало известно впоследствии, в Либаве через день произошла его встреча с А.В. Кикиным, сообщившим царевичу, что шурина покойной жены, австрийский император Карл VI, готов принять его в Вене, обеспечить политическое убежище и ежегодный пансион в три тысячи гульденов...

10 ноября Алексей Петрович появился в Вене под именем польского шляхтича Коханского. Остановившись в гостинице, отправил слугу к вице-канцлеру Шенборну. В тот же вечер он встретился с графом в его дворце. По рассказу Шенборна, царевич бросился к нему, бегал

по комнате, жестикулируя. «Я пришел сюда просить императора, моего свояка, о покровительстве, – говорил он, – о спасении жизни моей: меня хотят погубить, меня и бедных детей моих хотят лишить престола». Далее последовало объяснение событий так, как понимал их Алексей. Со многим трудно не согласиться: «Отец мой окружен злыми людьми, до крайности жестокосерд думает, что он, как Бог, имеет право на жизнь человека, много пролил невинной крови, даже сам налагал руку на несчастных страдалцев; неимоверно гневлив и мстителен, не щадит никакого человека, и если император выдаст меня отцу, то все равно, что лишит меня жизни. Если бы отец и пощадил, то мачеха и Меншиков до тех пор не успокоятся, пока не запоят или не отравят меня» (Тюрин В., 1998).

Прошло два месяца. Обеспокоенный и разгневанный Петр I распорядился искать сына по всей Европе. Лишь 20 февраля 1717 года русскому резиденту в Вене А.П. Веселовскому удалось получить предположительную конфиденциальную информацию о проживании Алексея в Австрии, в альпийской крепости Эренберг. Петр велел генералу А.А. Вейде, командовавшему русским корпусом в Мекленбурге, продолжить поиски сына. Одновременно он вызвал в Санкт-Петербург А.П. Веселовского, которому дал аналогичное поручение, а также вручил официальную ноту Карлу VI.

Замок Эренберг располагался вдали от больших дорог и был прекрасным местом для тайного пребывания царевича. Тем не менее агенту Петра I капитану гвардии А.И. Румянцеву удалось установить точное местонахождение беглеца. Он и сопровождавшие его офицеры разместились в соседней деревушке. Поспешный тайный отъезд из этой крепости не остался незамеченным – русские «государевы люди» проследили его маршрут до нового укрытия, замка Сент-Эльм близ Неаполя. Беглецы провели в этом убежище пять месяцев.

Между тем, 29 июля 1717 года прибывшие в Вену граф П.А. Толстой и А.И. Румянцев передали Карлу VI официальную ноту Петра I с требованием о выдаче сына. Пытавшийся маневрировать австрийский император под воздействием юридических и моральных доводов царя был вынужден пойти на частичные уступки – 12 августа Толстому и Румянцеву разрешили проезд в Неаполь для свидания с Алексеем. Посланцам понадобилось пять встреч, в ходе которых угрозами, обещаниями, посулами удалось уговорить царевича отправиться домой. Алексей главным условием возвращения поставил разрешение венчания с Ефросиньей, которая была на четвертом месяце беременности. Толстой от имени Петра согласился.

Потрясенный схваткой с многоопытным дипломатом, опасавшийся личного прибытия отца в Италию, физически и психически подавленный недомогавший царевич отправился в находившийся рядом с Неаполем городок Бари – поклониться мощам великого христианского чудотворца, Святого Николая, Архиепископа Мир Ликийских. 14 октября, после длительных сомнений и колебаний, он выехал на родину. Мрачные предчувствия, ужас от предстоящей встречи с грозным отцом томили его... Толстой, прекрасно зная неуравновешенный характер Алексея, его способность поддаваться под чужое влияние и изменять принятые решения, не мог считать себя спокойным, пока карета царевича не пересекла русскую границу. Именно поэтому посол в письмах к Петру и Веселовскому просил сохранять в тайне принятое Алексеем решение вернуться на родину.

Ранее историки основную «заслугу» возвращения царевича на родину приписывали Толстому. Однако ряд фактов указывает на причастность к этому еще одного человека... Почему Кикин, встретив Алексея в Либаве, сказал ему, что Веселовский говорил с вице-канцлером Шенборном и тот гарантировал царевичу покровительство австрийского императора? Кикин – человек, преданный Алексею, – лгать не мог: он, несомненно, разговаривал с Веселовским. Зачем Веселовский, который принял столь активное участие в возвращении Алексея, по сути дела, провоцировал царевича к бегству в Австрию – единственное место, где беглец мог укрыться? Почему, когда впоследствии на пытке Кикин рассказал об этом, Веселовского не вызвали для объяснения? Почему после смерти Алексея Веселовский бежал и в Россию уже

никогда не вернулся? Почему Петр до конца своих дней страстно хотел его найти, обещая 20 тысяч гульденов в награду тому, кто разыщет беглого дипломата? Не было ли здесь тонко задуманного плана, учитывая родственные связи Алексея и его слабохарактерность, побудить к бегству, которое можно было бы затем представить изменой? Конечно, это всего лишь предположения...

Поздно вечером 31 января 1718 года Алексей прибыл в Москву. Практически сразу же началось следствие по делу царевича, и параллельно с ним – «суздальский розыск» в отношении его матери, бывшей царицы Евдокии. Наряду с официальными методами расследования, существовавшими тогда, широко были использованы и «неформальные». Петр был убежден, что во имя высших государственных интересов можно пренебречь многими моральными нормами. На этом, в частности, был построен настоящий институт доноительства, возникший в начале XVIII века. При этом царь и сам, отдав придворным распоряжение напоить на пиру подозрительного, с его точки зрения, человека, не чурался слушать и анализировать пьяную болтовню. По делу царевича и его матери были допрошены сотни людей...

Отставшая в пути от Алексея и ехавшая медленно из-за беременности Ефросинья в середине апреля приехала в Санкт-Петербург. Достоверных известий о факте ее родов в исторических источниках не сохранилось. Практически сразу же по возвращении сожительница царевича была арестована, помещена в Петропавловскую крепость и подвергнута допросам. Данные ею показания окончательно погубили Алексея. Не исключено, что именно Ефросинья (запуганная или подкупленная П.А. Толстым) уговорила Алексея вернуться и «повиниться батюшке». Она оказалась единственной из многих десятков людей, привлеченных к следствию по этому делу, к которой не применялись пытки. После кратковременного пребывания в Петропавловской крепости следы ее затерлись на темных дорогах российской истории...

Длительное свидание отца и сына состоялось в Москве 3 февраля, в столовой палате Кремлевского дворца. Они разговаривали наедине. Затем в присутствии церковных иерархов, сенаторов, высших военных чинов в Успенском соборе перед Евангелием Алексей попросил прощения за фактическую государственную измену, отрекся от престола и молил о сохранении жизни. Он подписал клятвенное обещание «ни в какое время на искать, не желать, и на под каким предлогом не принимать престола». В тот же день был опубликован соответствующий манифест царя, обращенный к народу.

Для последнего периода жизни Алексея Петровича была характерной частая и резкая смена настроения: переход от веселья и беззаботности к угнетенности и подавленности, от тупого упрямства – к истерике. В поведении его отмечены, в том числе и во время следствия, вспышки озлобленности и гнева. Видимо, эти особенности дали основание некоторым современникам высказаться о психическом расстройстве царевича в последние месяцы жизни (Павленко Н.И., 1990). Оценивая поведение Алексея в ходе расследования, французский дипломат де Лави писал: «у него мозг не в порядке», что доказывают «все его поступки» (Буганов А., 1997). Видимо, физические и психические силы царевича иссякли. Он стал оговаривать своих родственников, приближенных. Угроза лишения жизни окончательно лишила его достоинства и мужества.

Итак, анализируя картину поведения царевича Алексея в последние месяцы жизни, можно полагать, что у него в результате мощного травмирующего психику фактора – опасения за свою жизнь – развилось состояние, именуемое в психиатрии острым реактивным психозом. Это подтверждается наличием характерного комплекса симптомов: депрессии, тревоги, резких колебаний настроения, эпизодов возбуждения. Формированию психоза, несомненно, способствовали черты личности Алексея Петровича, сформировавшиеся у него к этому времени и составляющие картину так называемой астенической формы психопатии. К этим чертам следует отнести непереносимость психических нагрузок, уход от них, повышенную ранимость, нетерпимость к критике, завышенную самооценку, подозрительность. Таким образом,

поведение царевича для окружавших его в последние месяцы жизни вполне могло дать повод для суждения о его психическом нездоровье.

Утром 15 марта на Красной площади, у Лобного места, начались казни. Накануне железные спицы, на которых в течение 20 лет торчали головы стрельцов, обезглавленных в 1698 году, очистили, освободив место для новых жертв. Алексея заставили присутствовать на казнях. После исполнения приговоров в Москве, завершивших первый этап следствия, Петр отправился в Петербург, куда затем доставили царевича, его дядю А.Ф. Лопухина и князя В.В. Долгорукова. Следствие продолжилось. Руководившие им П.А. Толстой, Г.Г. Скорняков-Писарев, И.И. Бутурлин, А.И. Ушаков вместе с приданным им канцелярским и техническим персоналом (куда входили и палачи) образовали страшное, печально знаменитое учреждение, получившее название «Тайной розыскных дел канцелярии». Деятельность этого ведомства и зверства, чинимых там над подследственными, заслуживает отдельного судебно-медицинского описания. Колоритный и исторически верный портрет многолетнего его руководителя Андрея Ивановича Ушакова привел в своем знаменитом романе «Слово и дело» В.С. Пикуль.

Петр, обещая милость, вновь потребовал от сына выдать всех помощников в организации бегства, а также знавших о нем. Алексей назвал новые имена. Следственный процесс продолжился. Были арестованы и подвергнуты пыткам около шестидесяти человек, в том числе Н.К. Вяземский, С.Г. Нарышкин. В начале лета, после ознакомления с протоколами очных ставок Алексея и Ефросиньи, Петр отдал распоряжение об аресте сына. Царевич 14 июня был заключен в Петропавловскую крепость²⁰, с этого времени ставшей государственной тюрьмой на два столетия. Начался последний акт страшной исторической драмы...

Есть сведения, что еще до ареста в ходе допросов к Алексею применялись пытки. Так, к каторжным работам был приговорен крепостной Андрей Рубцов, рассказавший товарищам, что он слышал из сарая мызы под Петергофом, куда, на его глазах, увели царевича, страшные стоны и крики (Костомаров Н.И., 1881). Спустя три дня Рубцов при встрече с Алексеем увидел, что рука у того «перевязана платком» и болит. Ссылаясь на этого человека, ряд свидетелей показал, что «государь в мызе сына своего царевича пытал» лично (Есипов Г.В., 1880).

В Петергофе у самого берега Финского залива стоит невысокий «голландский домик» государя – дворец Монплеизир. Многие видели его стены... Белая ночь 13 мая тихо текла над Петергофом, в его обширных садах было пустынно. Лишь в одном из окон дворца мерцал слабый свет – в кабинете Петра одиноко горела свеча. Друг против друга застыли отец и сын. На столе, разделявшем собеседников, лежало роковое признание Ефросиньи, решившее судьбу царевича. Она дала показания о том, что Алексей жаловался австрийскому императору на отца, желал смерти своему новорожденному брату Петру, переписывался с архиереями, обсуждая вопросы престолонаследия, рисовал планы управления страной после смерти царя. История не сохранила письменных подробностей свидания. Интереснейшая медицинская деталь: на следующий день государь недомогал, у него утром возник приступ судорог, лейб-медик Блуентрост опасался «паралича». Видимо, слишком велик оказался груз эмоционального напряжения ночного допроса сына. Эта знаменитая сцена изображена Н.Н. Ге на картине, написанной к 200-летию со дня рождения Петра I.

Нередким средством получения сведений от подозреваемых были физические истязания. Согласно петровским законам, человек, выдержавший три пытки и не изменивший своих первоначальных показаний, «очищался» от подозрения в преступлении и на дыбу отправлялся доносчик, которому предстояло, «сменявшись кожей на кожу», доказать – «довести» свое обвинение (Анисимов Е.В., 1992). Не каждый заведомо невиновный человек мог выдержать пытки. В повседневной практике Тайной канцелярии физические истязания были обыденным

---

²⁰ Часто приходится читать, что царевич был заключен и умер в Алексеевском равелине. Это неверно. Такого сооружения в крепости тогда еще не существовало. Алексей находился в Трубецком бастионе (или раскате, как тогда говорили).

делом. Смерть от пыток не являлась чрезвычайным происшествием, но ее старались избегать, так как она прерывала процесс получения улик. Для оказания врачебной помощи, приведения в чувство, в штате канцелярии имелись врачи. В душных подвалах Тайной канцелярии смешивались запахи крови, пота, человеческой плоти, прижигаемой орудиями пыток, дыма жаровен, где они раскалялись. В комнатах громоздились орудия пыток – щипцы, иглы, тиски, крючья, буравы, стояли колбы с кислотами, лежали факелы из просмоленной пакли.

С 19 по 26 июня Алексей пять раз был подвергнут пытке. Смертельно напуганный, больной царевич, не вынося физических страданий, видимо, стал признавать все, что предъявлялось ему следователями, даже такие абсурдные факты, как организацию захвата трона с помощью войск шурина, австрийского императора. Истязания, примененные к узнику, лаконично и беспристрастно регистрировались в записной книге Петербургской гарнизонной канцелярии. Читаем запись от 19 июня 1718 года: «Его царское величество и прочие господа сенаторы и министры прибыли в гарнизон по полуночи в 12 часу, в начале... и учинен был застенок, и того ж числа по полудни в 1 часу разъехались. Того ж числа по полудни в 6 часу, на исходе, паки его величество прибыл в гарнизон; при нем генерал Бутурлин, Толстой и прочие; и был учинен застенок...» Царевичу было дано 25 ударов кнутом. На одной из пыток у царевича «рвали ногти» (Погодин М.П., 1861). Мало кто мог устоять от такого физического насилия, не оговорить и себя, и своих близких...

Некоторые историки полагали, что часть признательных показаний могла быть фальсифицирована следователями в угоду царю. В итоге следствие, которым фактически руководил Петр I, выявило вину царевича в замысле, опираясь на внутренние и внешние силы, добиваться трона, в сопротивлении планам по реформированию страны, в связанном с обманом отца бегстве за границу... Петр считал, что сын сознавался лишь под давлением бесспорных показаний свидетелей или под пыткой, был далек от раскаяния и чистосердечного признания вины. Передавая судьбу Алексея в руки суда, царь писал: «Я с клятвою суда Божия письменно обещал оному своему сыну прощение и потом словесно подтвердил, ежели истину скажет; но он сие нарушил утайкою наиважнейших дел, и особливо замыслу своего бунтового против нас, яко родителя и государя своего» (Павленко Н.И., 1984). Как видим, царь стремился освободить свою совесть от ранее данной клятвы.

Представители духовенства, входившие в состав суда, не определили меры наказания, ограничившись ссылками на Священное Писание: одни из них грозили виновному смертью, другие призывали проявить милосердие и великодушие. Итоговое заключение иерархов было: «Сердце царево в руке Божии есть» (Книга Притчей Соломоновых. 21, 1), т. е. оставляло решение за Петром. Большинство среди 127 членов Суда²¹ составляли военные и аристократы. Видимо, Алексей преувеличивал свою популярность среди вельмож и высших офицеров, принимая знаки внимания, оказываемые официальному наследнику престола, за искреннее уважение и преданность. Но были среди них и люди, явно сочувствовавшие царевичу, например, фельдмаршал Б.П. Шереметев. Не страшась гнева царя, старый воин, сославшись на болезнь, не поехал в столицу из Москвы для участия в суде над Алексеем, хотя, как стало известно, продолжал ездить в дальние подмосковные вотчины. Его подпись, в отличие от всех остальных «птенцов гнезда Петрова», отсутствует под смертным приговором. 14 июня 1718 года он отправил письмо царю. «Болезнь... час от часу умножается – ни встать, ни ходить не могу, а опухоль на ногах моих такая стала, что видеть страшно, и доходит уже до самого живота...» (Заозерский А.И., 1989). Скончался фельдмаршал 17 февраля 1719 года в своем огромном московском доме, по заключению врачей – от «водяной болезни».

24 июня 1718 года Верховный суд, констатируя, что царевич Алексей «...утаил бунтовный, с давних лет задуманный, против отца и государя подыск... при жизни родителя имел

---

²¹ В России тогда не существовало института профессиональных судей, не было и дипломированных юристов.

надежду на чернь и желал отцу и государю своему скорой кончины... намерен был овладеть престолом чрез бунтовщиков, чрез чужестранную цесарскую помощь...», приговорил его к смертной казни. Выбор способа приведения приговора в исполнение суд предоставил царю. Осужденному для «поддержания духа» разрешено было отпускать ежедневно по кубку вина. Алексей выпивал спиртное и забывался в мучительном полусне. Как следует из записи в книге Гарнизонной канцелярии Петропавловской крепости, в восьмом часу утра 26 июня в тюрьму к Алексею приехал царь и 9 сановников (А.Д. Меншиков, Я.Ф. Долгорукий, П.А. Толстой, И.И. Бутурлин и др.). «Учинен был застенок», то есть пытка. В течение истязания Алексей несколько раз терял сознание, его обливали ледяной водой и вновь поднимали на дыбу. Петр, потерявший ощущение разумной достаточности следствия, весь во власти подозрительности и мщеничества, требовал новые имена и факты злоумышления против него. В 11 часов следователи уехали. Окончательно сломленный физически и психически, царевич лежал на койке, не поднимаясь... (Погодин М.П., 1861).

Примерно через семь часов после окончания «застенка» в своей камере Алексей Петрович умер. В опубликованном официальном извещении о смерти говорилось, что царевич после ознакомления с приговором потребовал к себе отца, попросил у него прощения и скончался по-христиански, раскаявшись в причиненном зле... «того ж числа, пополудни в 6 часу, будучи под караулом, в Трубецком раскате, в гарнизоне, царевич Алексей Петрович преставился» (Тюрин В., 1998). Ганноверский посол Ф.Х. Вебер и австрийский резидент О.А. Плейер писали на родину, что у царевича, когда он узнал о смертном приговоре, произошел апоплексический удар. В отличие от них, голландский посланник де Бри сообщил своему правительству, что Алексей «умер от растворения жил», т. е. указал на насильственный характер смерти. Депеши были перехвачены, и резиденты допрошены. Откровенные суждения о процессе над царевичем и обстоятельствах его смерти явились причиной высылки из России и де Бри, и Плейера (Вебер Ф.Х., 1872; Эйдельман Н., 1993). П.И. Ковалевский (1901), известный психиатр, предположил, что «царевич умер от принятого им яда», не подтверждая свое суждение какими-либо аргументами.

Знаменитый русский историк XIX века академик Н.Г. Устрялов (1859), многие годы посвятивший изучению петровской России, привел девять возможных вариантов гибели Алексея. Большинство из них в разных модификациях повторяет две вышеизложенные версии, т. е. либо от болезни («апоплексического удара»), либо вследствие пыток. Им приведена еще одна, наиболее жуткая и наименее, с моей точки зрения, реальная версия. После последнего допроса наедине с царевичем остались Петр I и генерал-аншеф А.А. Вейде. Последний принес с собой сильный яд. Царь, якобы, приказал сыну принять отраву, тот отказался. Тогда Алексея, потерявшего от ужаса сознание, повалили на пол и Вейде отрубил ему голову. После этого была поднята одна из половиц пола, область шеи помещена над образовавшимся отверстием для стекания крови. А.И. Крамер, фрейлина царицы, особо доверенное лицо Петра, и, по некоторым источникам, одна из его любовниц, мастерски пришила к туловищу обрубленную голову, обмыла тело, а после этого передела в чистый костюм, замаскировав страшный шов большим галстуком²². Анна Крамер, отличавшаяся фанатичной преданностью Петру, оказала ему впоследствии важнейшую услугу, подлинность которой, в отличие от вышеуказанной, историками сомнению не подвергается. Полагают, что именно она информировала царя о связи Екатерины и Монса, что привело к опале первой и казни второго. Фрейлина прожила долгую жизнь. В 1727 году она уехала в город Нарву, где жила очень уединенно; скончалась А.И. Крамер в 1770

²² Возможно, под впечатлением этой версии А.С. Пушкин в своих «Table talk» записал: «Царевича Алексея положено было отравить ядом. Денщик Петра Вендель заказал оный аптекарю Бэру. В назначенный день он прибежал за ним, но аптекарь, узнав для чего требуется яд, разбил склянку. Денщик взял на себя убиение царевича и вонзил тесак ему в сердце».

году в возрасте 75 лет, пережив шестерых императоров и императриц. Дневников и воспоминаний ее не сохранилось.

В заключении своего обзора, содержащегося в 6 томе «Истории царствования Петра Великого», Н.Г. Устрялов указал, полагал, что Алексей умер, не выдержав пыток, которым «его подвергали даже в день объявления приговора», т. е. остановился на версии о насильственном характере смерти.

Нельзя не упомянуть еще об одном документе – письме А.И. Румянцева от 27 июля 1718 года своему знакомому, Д.И. Титову. Письмо дошло до нас в копиях. А.И. Румянцев сообщал своему адресату: «... ему то осуждение прочитали. Едва царевич о смертной казни услышал, то зело побледнел и пошатался, так что мы с Толстым едва успели его под руки схватить... уложив царевича на кровать и наказав о хранении его службам и лекарю, мы поехали к его царскому величеству с рапортом...» Далее Румянцев описал свидание с Петром I и Екатериной вечером 26 июня, в ходе которого царь, получив поддержку Архиепископа Новгородского Феодосия, присутствовавшего при беседе, поручил Толстому, Румянцеву, Бутурлину и Ушакову привести в исполнение смертный приговор Алексею тайно, чтобы «не поругать царскую кровь всенародною казнию, но да совершится ей предел тихо и неслышно, яко бы ему умерша от естества, предназначенного смертию» (Анисимов Е.В., 1989).

Прибыв в крепость, указанные сановники удалили из смежных помещений обслуживающий царевича персонал. После этого граф Толстой разбудил спавшего Алексея и объявил ему, что, согласно приговору, они прибыли для совершения казни. «...А как увидели, что царевич молиться не хочет, то взяв его под руки, поставили на колени и один из нас (кто же именно от страха не упомяну) говорить за ним начал: “Господи! В руци Твои предаю дух мой!”... С сим словом царевича на ложницу спиною повалили и, взяв от возглавья два пуховика, голову его накрыли, пригнетая, дондеже движение рук и ног утихли и сердце биться перестало, что сделалось скоро, ради его тогдашней немощи... а как то свершилось, мы паки уложили тело царевича, якобы спящего...» (Устрялов Н.Г., 1859).

Некоторыми историками были замечены в тексте А.И. Румянцева неточности, ставящие под сомнение его подлинность. Так, в письме, датированном 27 июля 1718 года, говорится, что Ефросинья уже отослана в монастырь «на вечное покаяние», в то время как она, по крайней мере до ноября этого года, еще находилась в Петербурге. Кроме этого, сообщается о казни А.В. Лопухина и других лиц, как о свершившемся факте, в то время как это произошло лишь 8 декабря. Если эти неточности можно объяснить ошибочной датировкой автором письма вследствие описки, то следующее соображение серьезнее. Как мог А.И. Румянцев, известный своей осторожностью и ловкостью, доверить бумаге важнейшую государственную тайну? И все же ряд историков XIX века (П.П. Пекарский, 1859; Семевский М.И., 1884) считали, что текст обсуждаемого письма является подлинным, учитывая удивительное сходство его слога и стиля изложения с материалами, заведомо принадлежавшими перу генерала²³.

Признание Румянцева было положено в основу ряда исторических романов о Петре и Алексее, в частности, знаменитой трилогии К.Г. Шильдкрета «Подъяремная Русь» (1935). Некоторыми современными исследователями версия о задушении царевича подушкой также считается наиболее вероятной (Виноградов А.Е., 1994). Итак, у историков нет прямых улик против А.И. Румянцева, как непосредственного исполнителя приговора. Есть косвенные – 13 декабря 1718 года он был пожалован сразу двумя чинами – генерал-адъютанта и майора гвардии, ему были подарены несколько больших сел, ранее принадлежавших сторонникам царевича. Петр вскоре удалил Румянцева, являвшегося свидетелем и участником «дела Алексея», подальше от столицы: генерал, не будучи дипломатом, на долгие шесть лет уехал послом сна-

²³ Князь В.С. Кавкасидзев опубликовал в «Отечественных записках» (№№ 3–4 за 1844 г.) еще одно письмо Румянцева Титову, на этот раз, Ивану Дмитриевичу, видимо, сыну первого адресата (Эйдельман Н., 1971).

чала в Швецию, а затем в Константинополь. Как справедливо пишет Е.В. Анисимов (1989), даже ставя подлинность письма А.И. Румянцева под сомнение, нельзя не удивляться его живости, детальности передачи моментов зримо встающей перед глазами казни неугодного наследника. Для этого, чтобы придумать эту потрясающую сцену, не зная обстоятельств, нужен был выдающийся талант мистификатора.

Я могу дополнить, что и с медицинской точки зрения описание в письме способа убийства и процесса умирания не вызывает принципиальных возражений – так действительно все могло произойти. Смерть в таких случаях наступает от закрытия дыхательных отверстий, часто сочетающегося со сдавлением груди массой тела нападавшего, что вызывает состояние острой асфиксии в течение единичных минут. Что очень важно, на теле жертвы при этом не возникает видимых глазом телесных повреждений...

Никаких врачебных записей, характеризовавших самочувствие Алексея в период заключения, не сохранилось. Косвенное указание о состоянии здоровья царевича содержится в Ежедневных записках, которые велись во дворце А.Д. Меншикова. Из них следует, что 26 июня, в момент посещения светлейшего князя, узник был «очень болен», а к вечеру скончался. Истинны ли эти данные или они являются отражением официальной версии правительства, установить сейчас невозможно. Н.И. Костомаров (1990) предполагал, что после прощания с сыном и проведения христианского приготовления к смерти, Петр распорядился привести в исполнение смертный приговор непосредственно в камере. В пользу этой версии говорит посещение Алексея духовенством в день смерти. Но оно могло быть вызвано и резким ухудшением здоровья осужденного...

28 июня, через 2 дня после смерти, тело Алексея было перенесено из крепости в Троицкую церковь²⁴, а еще через два дня предано земле рядом с покойной супругой. Траура в городе не было. Петр присутствовал на похоронах вместе с женой. Ныне захоронения царевича Алексея, его жены Софии-Шарлотты, а также тетки Марии Алексеевны, попавшей в опалу после процесса над племянником и умершей в 1723 г., находятся в стороне от других погребений Петропавловского собора, в скромном уголке под лестницей, ведущей на колокольню.

В последние годы царствования Петра I в стране возникли слухи о том, что погиб не Алексей Петрович, а другой человек. В связи с этим появились два самозванца, называвшие себя именем несчастного царевича: в Почепе – солдат Александр Селимов, в Астрахани – крестьянин Евстахий Артемьев. Оба были казнены. Позже, в 1738 году, некто Миницкий, вожак разбойничьей шайки, действующей близ Переяславля, также называл себя Алексеем. Самозванец был схвачен и посажен на кол.

* * *

Обратимся к судьбе других участников этого крупнейшего комплекса следственных процессов петровской эпохи. В числе казненных по делу Алексея Петровича был А.В. Кикин, один из руководителей Адмиралтейства. Царь спросил бывшего своего любимца на последнем допросе: «...что принудило употреблять ум свой в толикое дело?» Кикин смело ответил: «Ум любит простор, а от тебя ему было тесно». Разгневанный Петр покинул камеру пыток (Голиков И.И., 1798). Трагический конец Кикина стал в моральном смысле трагедией и для двух его друзей – царь, в числе других высших сановников, заставил подписать смертный приговор Б.П. Шереметева и Ф.М. Апраксина (Заозерский А.И., 1989). Знаменитый его дом, «Кикины

---

²⁴ Известный своей объективностью, австрийский посол О.А. Плейер сообщал в Вену: «...труп кронпринца положен в простой гроб из плохих досок; голова была несколько приподнята, а шея обвязана платком со складками, как бы для бритья...» (Эйдельман Н., 1971).

палаты», был передан по указанию Петра I для размещения там библиотеки, позже вошедшей в состав Академии наук.

Родной дядя царевича А.Ф. Лопухин и его духовник, протоиерей Иаков Игнатъев также были казнены. Еще один подсудимый, Ростовский Епископ Досифей (Глебов) был колесован в связи со ставшими известными следствию фактами поминания им старицы Елены царицей, обещаниями возвращения ей трона, разрешением нахождения в монастыре в мирском платье. Царевну Марию Алексеевну, старшую сводную сестру Петра I, уличенную в передаче писем и денег матери от сына, заключили в Шлиссельбургскую крепость. Позже она была переведена в Петербург и содержалась под надзором в своем доме.

В начале процесса над царевичем в Суздаль был направлен капитан-поручик гвардии Г.Г. Скорняков-Писарев с ордером на обыск. В келье Евдокии были обнаружены письма Алексея. Она была арестована и доставлена в Москву, в Преображенский приказ. Опальную царицу обвинили в ношении мирского платья, в сожительстве с Глебовым, участии в «заговоре» сына. У арестованного майора были обнаружены девять писем Евдокии, не оставившие сомнений в характере их отношений. Ознакомленной с многочисленными свидетельскими показаниями, бывшей царице пришлось признаться в связи с Глебовым: «Я с ним блудно жила в то время, как он был у рекрутского набору; и в том я виновата» (Павленко Н.И., 1990). Следствие, однако, не смогло доказать причастности матери к бегству сына за границу. Сохранились протоколы допросов Глебова²⁵. Он был раздет донага и поставлен босыми ногами на острые деревянные шипы. Избиваемый отрицал свое участие в заговоре против государя: «...по сим допросным пунктам С. Глебовым 22 февраля розыскивано: дано ему 25 ударов кнутом. С розыску ни в чем не винулся, кроме блудного дела...» (Балязин В.Н., 1995). Тогда на плечи пытаемому положили тяжелый брус и под его тяжестью шипы пронзили стопы. Измученного гвардейца стали прижигать раскаленными углями, затем клещами. Он молчал, многократно теряя сознание от страшной боли. Глебов понимал, что судьба Евдокии – в его руках. Истязание длилось трое суток; кожа пытаемого покрылась ожогами, ссадинами и ранами. Как врача, меня потрясла не только физическая крепость, но и стойкость, мужество Степана Богдановича, разительно отличавшиеся от поведения царевича Алексея, легко выдавшего всех своих друзей – истинных и мнимых.

После трехсуточной пытки Глебов был брошен в подвал, так как лекари, присутствовавшие при истязаниях, заявили, что он погибнет, не дожив до казни, если допросы будут продолжены. Приводя эти натуралистические подробности, я хотел лишь показать, что характер и объем пыток, примененных к Глебову, не являлись каким-то исключением – это был типичный набор средств получения признательных показаний на допросах в то жестокое время. Читая о внезапно возникших и явно неожиданных для палачей смертях в ходе пыток, я ясно вижу их медицинские причины. Ими могли быть травматический шок, рефлекторная остановка сердца, приступ стенокардии, острая кровопотеря...

14 марта 1718 года С.Б. Глебову суд вынес приговор: «Учинить жестокую смертную казнь». Сохранилось ее подробное описание в письме австрийского посланника Плейера императору Карлу VI. В три часа дня 15 марта Глебов был доставлен на Красную площадь Москвы. Стоял тридцатиградусный мороз. Бывшие супруги встретились впервые за многие годы: Петр наблюдал за казнью из окна кареты, Евдокия – с арестантской телеги. Два солдата держали царицу за голову, не давая отвернуться и закрыть глаза. Глебова раздели и посадили на кол. Была применена персидская «разновидность» этой мучительной казни: кол был толстым, не струганным, имевшим рядом ограничения из дощечек, поддерживавших тело за ягодицы. Все это было предназначено для удлинения времени мучительного умирания (Вильбуа Н.П., 1975). Затем на казнимого набросили шубу, чтобы холод не дал ему погибнуть быстро. Мучения

---

²⁵ РГАДА, ф.6, оп.1, дела 50, 51, 68, 112.

Глебова до наступления смерти продолжались около пятнадцати часов. Один из священников, присутствовавших при казни, вспоминал впоследствии: «И с этого времени, как посажен Степка на кол, никакого покояния... не принес; только просил в ночи тайно через иеромонаха Маркелла, чтобы он сподобил его Святых Тайн... и в том душу свою испроверг марта против 16 числа, по полунощи в восьмом часу, во второй четверти» (Мережковский Д.С., 1990). После этого были колесованы и четвертованы все, непосредственно причастные к связи бывшей царицы и ее любовника²⁶.

Что касается Евдокии, то ее, как монахиню, нарушившую обеты, судил собор священнослужителей. Она была приговорена к наказанию кнутом и ссылке в отдаленный Успенский монастырь в Старой Ладого. До наших дней сохранился древний собор обители, где инокиня Елена замаливала свои грехи. Мощные стены его, глубоко погружившиеся за многие века в землю, и сегодня гордо высятся на берегу седого Волхова. Долгих семь лет провела царица в этом монастыре, отличавшемся особо строгим уставом. Вступившей на престол Екатерине I и этого показалось мало – Евдокию перевели в Шлиссельбургскую тюрьму на острове Орешек. «Жестокий век, жестокие сердца!» Седина убелила роскошные некогда волосы царицы, пожелтевшее лицо покрыли глубокие морщины; годы высушили и согнули царственный ее стан, но не сломали гордости и всем известного лопухинского упрямства.

Судьбе, однако, угодно было на закате дней послать Е.Ф. Лопухиной и светлые дни. После воцарения ее внука, Петра II, инокиню перевели в Москву, где она жила, окруженная царскими почестями и преклонением, в привилегированном Новодевичьем монастыре. Евдокия готовилась к оказанию влияния на политику страны, однако при встрече внук не отреагировал на соответствующие пожелания бабушки. Личная и государственная честь царицы были восстановлены – последовало распоряжение о повсеместном уничтожении манифеста о преступлениях Алексея Петровича и отношениях монахини Елены и майора Глебова. Евдокии Федорвне назначили огромную сумму ежегодного содержания (60 тысяч рублей), отписали целую волость с деревнями, образовали при ней придворный штат.

Поистине удивительной оказалась судьба этой женщины. Проведя почти тридцать лет в тюрьмах и монастырях, к концу жизни она увидела смерть или опалу всех своих врагов! Руководитель следствия против царицы Г.Г. Скорняков-Писарев в 1727 г., став к тому времени обер-прокурором Сената, за участие в заговоре против А.Д. Меншикова был лишен всех чинов и имущества, наказан кнутом и сослан в Тобольск. Сам светлейший князь через два года после этого умер в сибирской ссылке, П.А. Толстой тогда же скончался в темнице Соловецкого монастыря²⁷.

Царице Евдокии посвятила несколько ярких строк наблюдательная леди Рондо в письме от 1731 года на родину, в Лондон: «...Каких только бед не перенесла несчастная государыня! И самым тяжелым стала смерть молодого монарха, ее внука, ибо эта внезапная потеря постигла ее в то время, когда, казалось, самые большие тяготы, выпавшие на ее долю, уже миновали. Нынешняя императрица оказывает ей большое уважение и часто навещает ее. Она присутствовала на коронации в ложе, устроенной специально так, чтобы ее нельзя было увидеть. По завершении церемонии императрица вошла к ней в ложу, обняла и поцеловала ее, при этом обе плакали. Поскольку она приехала в церковь скрытно, до начала церемонии, то потом оста-

---

²⁶ Удивительный свидетель этой любви – сердоликовый перстень с прядью волос Евдокии, подаренный ею Степану Богдановичу, передаваясь из поколения в поколение в роду Глебовых, а затем Стрешневых, «дожил» до 1913 года. Он был похищен из сокровищницы князей Шаховских и с тех пор следы его затерялись (Хлысталов Э.А., 2005).

²⁷ Один из потомков П.А. Толстого, Дмитрий, в XIX веке записал семейную легенду о том, что, умирая, царевич проклял обманувшего его Петра Андреевича и его потомков. Проклятие, якобы, выразилось не только в страшной смерти графа в подземной тюрьме, но и в том, что в роду Толстых с тех пор периодически рождались слабоумные или совершенно аморальные лица (как, например, печально известный Ф.И. Толстой, прозванный Американцем). Алексей, умирая, проклял и детище своего отца – Петербург, следствием чего, по мнению Толстых, явились сначала октябрьский переворот 1917 г., а затем 900 дней фашистской блокады.

вас там некоторое время, пока не смогла подъехать ее карета, ибо не хотела в монашеском платье присутствовать на обеде. Пока она оставалась в церкви, некоторые изъявили желание засвидетельствовать ей почтение, и она позволила это. Как Вы догадываетесь, среди них была Ваша покорная слуга... Она сейчас в годах и очень полная, но сохранила следы красоты. Лицо ее выражает важность и спокойствие вместе с мягкостью при необыкновенной живости глаз. Это придает ей такой вид, что кажется, будто она по лицам читает в сердцах тех, кто к ней приближается». Евдокия Федоровна закончила свой жизненный путь 27 августа 1731 года, более чем на 6 лет пережив своего мужа, Петра I, и на 13 лет – сына Алексея. Она была погребена в московском Новодевичьем монастыре.

Вернемся, однако, к ее мученику-сыну. Отвечая своим критикам в речи, обращенной к дворянству после смерти царевича Алексея, Петр сказал: «...Долг монарха вести войска свои в бой и наказывать зло в лице людей, наиболее высоко стоящих по рождению или по богатству, совершенно так же, как и в лице последнего мужика». Н.И. Костомаров (1881) полагал, что Петр видел в сыне не просто неспособность к управлению государством, а считал его врагом жены Екатерины, ее детей, своих приближенных. Царь понимал, что после его смерти Алексей, в случае пострижения, сразу снял бы клобук, надетый по принуждению, возложил на себя корону и принялся уничтожать плоды дел отца и людей, ему помогавших.

Было бы явным упрощением рассматривать трагическое столкновение отца и сына, как внутрисемейный, межличностный конфликт. За каждым из них незримой тенью стояла страна – Старая Русь одного и Новая Россия другого. Судьба сына или судьба державы – таков был альтернативный выбор у Петра, и он его сделал. Читатель может либо одобрить, либо осудить решение царя. Петр так называемым «Уставом о наследии престола» от 5 февраля 1722 г. разрушил многовековую традицию престолонаследия в России. Самодержцу было предоставлено право самому назначать себе преемника по собственному желанию. Одной из главных причин появления «Устава» стало дело царевича Алексея. Расширенное толкование и аргументированное обоснование этого документа привел Архиепископ Феофан (Прокопович) в своем известном произведении «Правда воли монаршей...» (1722).

Что же оставил нам Император? В руках Петра, как образно писал М.П. Погодин (1861), «концы всех наших нитей соединяются в одном узле. Куда мы не оглянемся, везде встречаемся с этою колоссальною фигурою, которая бросает от себя длинную тень на все наше прошедшее... которая в настоящую минуту все еще как будто держит свою руку над нами и которой, кажется, никогда не потеряем мы из виду, как бы далеко ни ушли мы в будущее». И все же, был ли он до конца прав в своем споре с «блудным сыном Алексеем»? Решать вам, уважаемый читатель. Ныне процесс о смерти царевича поступил в последнюю инстанцию – на суд потомства! Видимо, в истории человечества всегда вечным будет вопрос о моральном соотношении Цели и средств, ведущих к ее достижению...

ЛИТЕРАТУРА

- Анисимов Е.В. Время петровских реформ. – Л., 1989.
Бассевич Г.Ф. Записки о России при Петре Великом. – М., 1866.
Балязин В.Н. Сокровенные истории Дома Романовых. – М., 1995.
Буганов А. Петр I // Романовы. Исторические портреты. – М., 1997. – С. 228–339.
[Вильбуа Н.П.] Никифоров Л.А. Записки Вильбуа // Общество и государство феодальной России. – М., 1975. – С. 220–230.
Герье В. Кронпринцесса Шарлотта, невестка Петра Великого // Русские императоры, немецкие принцессы. – М.: «Изографус», «ЭКМО-ПРЕСС», 2002. – С. 35–62.
Данилевский Г.П. Царевич Алексей. – М., 1988.
Журнал или поденная записка Петра Великого. – Ч. 1–11. – СПб., 1770.

- Заозерский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев. – М., 1989.
- Записки Ф.Х. Вебера // Русский архив. – 1872. – № 9.
- Иловайский Д. Петр Великий и царевич Алексей // Русские императоры, немецкие принцессы. – М.: «Изографус», «ЭКСМО-ПРЕСС», 2002. – С. 18–34.
- Каменский А.Б. Непотребный сын: Дело царевича Алексея Петровича. – СПб., 1996.
- Ключевский В.О. Исторические портреты. – М., 1990.
- Ковалевский П.И. Петр Великий и его гений. – СПб., 1901.
- Костомаров Н.И. Царевич Алексей Петрович. – Ярославль, 1990.
- Майков Л.Н. Рассказы Нартова о Петре Великом. – СПб., 1891.
- Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. – М., 1984.
- Павленко Н.И. Петр Великий. – М., 1990.
- Платонов С.Ф. Биографические произведения. Исторические очерки. – СПб., 1994.
- Погодин М.П. Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича. – М., 1861.
- РГАДА. Фонд 6 (Уголовные дела по государственным преступлениям); опись 1 (материалы следствия в отношении царевича Алексея Петровича, царицы Евдокии Феодоровны («Суздальский розыск») и др.).
- Рихтер В. История медицины в России. – М., 1820.
- Рондо Д. Письма дамы, прожившей несколько лет в России, к ее приятельнице в Англию / Безвременье и временщики. – Л.: «ХЛ», 1991. – С. 19–253.
- Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. – М. – СПб., 1858–1859.
- Тюрин В. Век XVIII: отринутые от трона // Великие тайны великих людей. – М.: Современник, 1998. – С. 5–78.
- Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. – Т. 6. – СПб., 1859.
- Эйдельман Н. Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. – М.: «Высшая школа», 1993.

Ж.-М. Натье. Портрет императрицы Екатерины I. 1717 г.

Глава 3 Корона и яд?

Прошло сто лет – и что ж осталось
От гордых, сильных сих мужей,
Столь полных волею страстей?
Их поколение миновалось —
И с ним исчез кровавый след
Усилий, бедствий и побед.
В гражданстве северной державы,
В ее воинственной судьбе,
Лишь ты воздвиг, герой Полтавы,
Огромный памятник себе!

А.С. Пушкин. Полтава

Медленно иду по анфиладе комнат первого, построенного в начале XVIII века Зимнего дворца. Как же они отличаются от пышных огромных залов рядом расположенного творения Растрелли! Известно, что Петр, выросший в маленьких комнатках теремных дворцов первых государей дома Романовых, до конца жизни сохранил любовь к небольшим уютным жилым помещениям. Простая практичная одежда, которую носил государь повседневно, как разительно отличается она от роскошных одеяний наследников Петра! Мундир, в котором государь сражался под Полтавой. Множество собственноручно изготовленных поделок: табакерки, посуда, мебель. Сколько же он знал и умел... Комнаты украшают подобранные со вкусом картины и статуи мастеров Германии и Италии – прообраз и начало огромной художественной коллекции нынешнего Эрмитажа. Знаменитая конторка, за которой работал Петр, зрительные трубы, железная полоса, собственноручно выкованная и отгравированная, личный токарный станок – все эти вещи много говорят об их обладателе²⁸.

Минимум убранства: кровать, витрины с документами, посмертными гипсовыми масками, снятыми К.Б. Растрелли с лица, кистей и стоп; обилие документов, над которыми государь работал до последних дней жизни. Большая голландская печь с голубыми изразцами и кафтаны, подшитые шерстяными подкладками соответственно пояснице, зримо свидетельствуют о любви государя к теплу, успокаивавшему страдания от болей в спине. Невольно охватывает профессиональное ощущение сопричастности к невыясненным до конца обстоятельствам смерти Императора Петра Великого...

Что же случилось в этом дворце в январе 1725 года? Перенесемся мысленно в Петербург первой четверти XVIII века. Более сорока лет во главе государства – Петр I, первый Император Всероссийский, Отец Отечества, как официально титуловал государя Сенат за победу над Швецией. Казалось бы, незыблемым стал порядок жизни людей и страны, введенный железной рукой властелина. Но почему так тревожны и противоречивы донесения иностранных послов из Петербурга? Что шепотом обсуждается в задних комнатах на знаменитых Петровских ассам-

---

²⁸ Точное расположение комнаты, где скончался государь, по последним данным, выходило за контур ныне существующего здания и располагалось ближе к Зимней канавке. Фрагменты цокольного и первого этажей первого Зимнего дворца были обнаружены археологами во время реконструкции Эрмитажного театра в 1985–1989 гг. Среди уцелевших комнат оказались и те, которые занимал в 1720–1725 гг. Петр I. Благодаря кропотливой работе архитекторов и реставраторов части из них удалось вернуть утраченный облик.

блеях и в домах простых обывателей? Центральный вопрос – ухудшение самочувствия государя.

Петр унаследовал от родителей, Алексея Михайловича и Наталии Кирилловны, хорошее здоровье. С детства он отличался живостью ума, телесной крепостью, подвижностью, способностью к огромным физическим и психическим нагрузкам. Его рождение 30 мая 1672 года было встречено родителями с ликованием, потому что в отличие от старших братьев царевич родился крупным (33 вершка), жизнерадостным малышом. Он отличался хорошим аппетитом, питался грудным молоком от кормилиц до двух с половиной лет, начал ходить на шестом месяце; чтобы не падал, сделаны были на колесиках специальные «ходунки».

Совершенно четкие признаки природной одаренности все же не дают ответа на вопрос, как сформировался феномен «царя-плотника», быстро находившего общий язык с учеными и неграмотными крестьянами, с коронованными особами и простыми купцами, с вельможами и корабельных дел мастерами. Н.И. Павленко (1990) справедливо полагал, что в силу опальности семьи овдовевшей Наталии Кирилловны демократичность юного Петра воспитала не затхлая атмосфера Кремлевского дворца, а приволье сел Коломенского и Преображенского с их непринужденностью и здоровым образом жизни. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные мемуары современников. Именно это обстоятельство было одним из основных, определивших поражавшую всех обращавшихся к изучению его жизни кипучую и плодотворную деятельность.

По дворцовым записям, отображающим перечень детских забав Петра, можно составить полное представление о них – это исключительно игрушечное оружие: пушечки, топорики, пищали, карабины, а также барабаны. Уже в возрасте трех лет будущий государь составил небольшую команду из «потешных ребят» для военных игр. Лишенный в юности адекватного европейского образования, он всего достиг самообразованием. В короткий срок стал одним из самых образованных людей России. Петр I был не только царем, но и плотником, моряком, лекарем... Вообще же он освоил основы 14 ремесел, всю жизнь ценил хорошо выполненную работу, знал немецкий, французский, голландский языки, латынь. О личном знакомстве и чувствах восхищения Петром оставили свои воспоминания великие европейские ученые: анатом Рюйш, естествоиспытатель Левенгук, математик Ньютон, географ и историк Делиль, физик Реомюр, астроном Галлей, философ и математик Лейбниц. Тяга к знаниям, восприимчивость ко всему передовому была унаследована Петром от Алексея Михайловича, прозванного «Тишайшим». Суровая школа жизни жестко поправила природу: добродушные шутки родителя превратились у сына в жестокие потехи, доверчивость обернулась подозрительностью, слабование – упрямством.

В продолжение своего долгого правления он исколесил необъятную страну от Архангельска до Азова, от Молдавии до Астрахани и Дербента. Однако жизненный потенциал человека определяется не только наследственностью (или генотипом, как говорят медики), но и повседневными привычками, в том числе вредными, характером питания... Описанию болезней императора целесообразно предпослать краткие сведения о его здоровье и образе жизни.

В.О. Ключевский (1990) писал: «Петр был великан, без малого трех аршин ростом (2 м 4 см. – Ю. М.)... христосуясь на Пасху, он постоянно должен был нагибаться до боли в спине. От природы он был силач; постоянное обращение с топором и молотком еще более развило его мускульную силу и сноровку. Он мог не только свернуть в трубку серебряную тарелку, но и перерезать ножом кусок сукна на лету...». Констатируя определенную гиперболизацию внешности, следует отметить, что Петр не был богатырем, обладавшим мощным телосложением и огромной силой, каким его принято изображать в художественных произведениях. При очень высоком росте государь был узкоплеч, о чем свидетельствуют сохраняемые в музеях его кафтаны. Небольшими были и его стопы, размер обуви соответствует современному 39 размеру.

Сержант Кашин, часто видевший царя, вспоминал: «В летнее и осеннее время государь ходил пешком: летом в кафтане, в бархатном черном картузе, а осенью – в сюртуке суконном серо-немецком, в белой овчинной калмыцкой шапке навыворот. Если кто, встретясь с ним, снимал шапку и проходил, не останавливаясь, то и государь, поклонясь, то же делал. А ежели кто останавливался, то государь тотчас подходил и, взяв за полу, спрашивал: “Что ты?”. Услышав, что он остановился для его величества, государь ударял его тихо по голове рукой, говоря: “Не останавливайся, пооди, куда идешь!”». Кашин также оставил описание голоса Петра I: «... во время обедни сам читал Апостол: голос имел сиповатый и негромкий» (Гребельский П. и соавт., 1992). М.М. Щербатов (1986), описывая костюмы Петра I, отмечал, что государь «держался древней простоты нравов» в своей одежде, имел лишь два парадных кафтана для дипломатических приемов и иных торжественных случаев. Часть его одежды, многие из предметов которой сильно поношены, а иные – собственноручно заштопаны, до сих пор сохранились в Кунсткамере и Эрмитаже.

Характеризуя внешность царя, В.О. Ключевский (1990) писал: «Впечатление портилось следами сильного нервного расстройства, причиной которого был либо детский испуг во время кровавых Кремлевских сцен, либо слишком часто повторявшиеся кутежи, надломившие здоровье еще не окрепшего организма... уже на двадцатом году у него стала трястись голова и на красивом круглом лице в минуты... волнения появлялись безобразившие его судороги». А.К. Нартов (1891) вспоминал, что «государь поистине имел иногда в ночное время такие конвульсии в теле, что клал с собою денщика Мурзина, за плечи которого держась засыпал». А.К. Нартов, прекрасно знавший Петра, отрицая версию о таких конвульсиях, как следствие попытки отравления в молодости, указывал, что, по словам самого царя, они появились после тяжелой психотравмы во время стрелецкого бунта 15 мая 1682 года, когда десятилетний мальчик стал свидетелем кровавой расправы с близкими ему людьми. Тогда стрельцами были убиты брат вдовствующей царицы И.К. Нарышкин, ее двоюродный дядя И.Ф. Нарышкин, боярин А.С. Матвеев, князя Ю.А. Долгорукий, М.Ю. Долгорукий, Г.Г. Ромодановский, спальник Ф.М. Салтыков и др. При этом А.С. Матвеев был заколот копьями на глазах маленького Петра. Летописи говорят, что десятилетний Петр сохранял изумительное спокойствие, твердость во время Стрелецкого бунта и расправы над своими близкими. С медицинской точки зрения, Петр лучше бы плакал, кричал, но не замыкался в себе. Страшная психологическая травма наложила сильнейший отпечаток на его психику.

В конце дикой расправы, спровоцированной царевной Софьей, Наталья Кирилловна укрыла своего сына и его сводного брата Иоанна в одной из кремлевских церквей. В числе погибших оказались придворные врачи Даниил фон Гаден и Иван (Ян) Гутменш, по версии стрельцов, отравившие царя Федора по наущению Нарышкиных. Стрелецкие руководители подвергли врачей пыткам, но медики и на дыбе отказались признать себя виновными в убийстве Федора Алексеевича. А. Сумароков описал эти трагические события так: «В тот же день поймали они, стрельцы, в одежде немецкой крещеного жидовской породы медика Данилу фон Гадена в немецкой слободе и взяли другого немца Яна Гутменша медика в доме его на Поганом пруде, названном после Чистом пруде, и сына его Гутменшева. И сих невинных медиков за то, будто они царя Федора Алексеевича отравили, и сына Гутменшева за то, что он сын ими ненавидимого медика, привели на Красную площадь, подняли на копья, потом изрубили на мелкие куски» (Нахапетов Б.А., 2005).

Д.А. Гранин (2000), документально исследовав этот эпизод жизни Петра, приводит яркое художественное описание концовки страшной трагедии: «После казни дяди (Ивана Нарышкина – Ю.М.) мальчик свалился в горячке. На всю жизнь у Петра остались припадки, судорога набегала, кривила лицо жуткими гримасами, он дергался, вытаращивал глаза. Ужасы, насилие запечатлелись прочно в детской памяти, отпечатались навсегда лица стрельцов, картину счастливого детства залило кровью, завалило отрубленными руками на талом кремлевском снегу...

Зарубили стрельцы многих, список велик. Среди них образ Ивана Нарышкина возникает на мгновение и гаснет в вакханалии бунта. Никто не заметил его роли в судьбе Петра. Откажись он выйти к стрельцам, они бы устроили новую резню. Второй раз Иван принес себя в жертву, когда выдержал пытки, устоял, не дал повода продолжить бунт. Он не догадывался, кого спасает для России. Человеку не дано увидеть, как спустя годы откликнется его поступок, он не может свериться с будущим, оно скрыто во тьме: единственное, чем он располагает, – это тихие веления совести. Иван Нарышкин действовал как верноподданный, жертвуя собой ради царя, – психология, давно утраченная. Для него десятилетний племянник был прежде всего русский царь, которому он должен служить верой и правдой, не щадя живота своего...

Пятнадцать лет спустя после стрелецкого бунта раскрылся заговор на жизнь государя. Учиненный розыск выявил группу стрельцов. Руководил заговорщиками полковник Циклер. Перед казнью он рассказал, как Софья подучала его убить Петра и как тогда оговаривали они с Иваном Михайловичем Милославским разные способы, как случайности мешали им. Милославский давно умер, был похоронен в трапезной церкви как примерный христианин. Теперь он был недосыгаем для суда мирского. Но для Петра не было невозможного, жажда возмездия жгла его, он велел откопать гроб Милославского. Сгнившие останки погрузили на повозку, запрягли шестью свиньями, повезли по Москве. Народ высыпал на улицы, ужасался, но на этом процедура не кончилась. Труп сунули под помост, на котором стояла плаха. Когда головы заговорщиков отсекали, кровь стекала на гроб Милославского...»

Вот как описывал судорожный приступ у Петра его непосредственный наблюдатель: «Вдруг мимо нас во весь опор проскакал царь. Лицо его было чрезвычайно бледно, искажено и уродливо. Он делал различные страшные гримасы и движения головою, ртом, плечами, кистями и ступнями. Тут мы оба вышли из кареты и увидели, как царь, подъехав к одному простому солдату, несшему шведское знамя, стал безжалостно рубить его обнаженным мечом и осыпать ударами, может быть, за то, что тот шел не так, как хотел царь. Затем Петр остановил свою лошадь, но продолжал делать описываемые страшные гримасы, вертел головою, кривил рот, заводил глаза, подергивал руками и плечами и дрыгал взад и вперед ногами. Все окружавшие его в ту минуту важнейшие сановники были испуганы этим, и никто не смел к нему подойти, так как все видели, что царь сердит и чем-то раздосадован... Описанные выше страшные движения и жесты царя доктора зовут конвульсиями. Они случаются с ним часто, преимущественно, когда он сердит, получил дурные вести, вообще, когда чем-нибудь недоволен... Нередко подобные подергивания в мускулах рук находят на него за столом, когда он ест, и если при этом он держит в руках вилку и ножик, то тычет ими по направлению к своему лицу, вселяя в присутствующих страх, как бы он не порезал или не поколол себе лица. Говорят, что судороги происходят у него от яда, который он будто бы проглотил когда-то, однако вернее и справедливее предположить, что причиной их является болезнь и что эти ужасные на вид движения – топание, дрыгание и кивание – вызываются известным припадком сродни апоплексическому удару» (Юль Ю., 1900).

Рискну дать свою оценку обсуждаемой выше болезни Петра. Выраженность этого расстройства, затрагивающего левую половину лица, могла колебаться: иногда это был небольшой тик, длившийся секунды две-три, иногда – настоящие судороги, которые начинались с сокращения мышц шеи, после чего спазм захватывал лицо, а глаза закатывались так, что виднелись одни белочные оболочки. При наиболее тяжелых припадках затрагивалась и левая рука – она переставала слушаться и произвольно дергалась; часто кончался такой приступ тогда, когда Петр терял сознание. Располагая непрофессиональными описаниями симптомов, мы не можем установить ни саму болезнь, ни ее причины. Видимо, Петр страдал малыми эпилептическими припадками – сравнительно легким нервно-психическим расстройством, которому в тяжелой форме соответствует истинная эпилепсия, проявляющаяся в так называемом «большом припадке». Думается, что Петр не был подвержен этому крайнему проявлению болезни: никто из

оставивших письменные свидетельства не видел, чтобы он падал на пол и изо рта у него шла пена или утрачивался контроль над телесными отправлениями. Еще труднее, не зная точного характера заболевания, указать его причину. Современники Петра и авторы поздних исторических трудов предлагают целый спектр мнений, на которых я остановился выше.

Причиной эпилепсии считаются последствия либо механической травмы, либо воспалительного процесса головного мозга или его оболочек с формированием рубцов. Есть сведения, что во время одной из «воинских потех» в опасной близости от юного Петра разорвалась граната и он получил сильную контузию головы. В декабре 1693 – январе 1694 года у Петра на протяжении нескольких недель держался сильный жар – тогда многие опасались за его жизнь. Подобное воспаление, скажем, менингит, способно вызвать образование на мозге локального рубца. В последствии раздражение поврежденного участка под действием психических возбудителей могло дать толчок припадкам, подобным имевшимся у Петра.

Анализируя особенности психического и физического развития многих мировых гениев, известный антрополог и психиатр Ч. Ломброзо (1895) обратил внимание на то, что Петр I, подобно Наполеону I, Монтескье, Амперу и др., был «подвержен... судорожным сокращениям мускулов и отличался резкими, так называемыми хореическими движениями».

* * *

Петр был образцом личного мужества и храбрости – битвы Северной войны оставили следы пуль на его нательном кресте, седле лошади. В сражении под Полтавой смерть прошла совсем рядом – шведской пулей пробило шляпу Петра. Петр в тот день долго молился перед своей любимой иконой – «Спас Нерукотворный», унаследованной от отца, Алексея Михайловича, которому образ привезли в дар монахи со Святого Афона. Эта святыня была с Петром в сражениях под Азовым и под Полтавой. В связи с многочисленными спекуляциями на тему об атеизме царя, хочу оговорить этот вопрос особо. Свой постулат веры Петр Алексеевич выразил раз и навсегда одной фразой: «Ежели кто в Бога не верует, он или сумасшедший²⁹, или от роду безумный!» (Измайлова И.А., 2004).

Петр Алексеевич, глубоко чтивший Патриарха Иоакима, несомненно, не раз исповедовался у него. Царь и Глава Церкви, безусловно, доверяли друг другу. Святитель знал все мысли Петра о будущем России. Возможно, если бы он прожил на несколько лет дольше, ему бы удалось уравновесить бурное движение молодого царя к переменам, внести в них более разумное начало. Тогда болезненная реформа прошла бы спокойнее, без ошибок и насилия. Увы! Кандидат Петра на Патриарший престол, Высокопреосвященнейший Маркелл, Митрополит Псковский, которого консерваторы критиковали за пользование варварскими языками (французским и латынью), за высокую ученость и даже за... короткую бороду, уступил Адриану, Митрополиту Казанскому, представлявшему ортодоксальное крыло Священноначалия...

Царь вставал очень рано, в пятом часу утра, правил рукописи, проекты указов, корректуру «Санкт-Петербургских ведомостей», много читал. Например, над Морским уставом Петр трудился в течение 5 месяцев, по 4 дня в неделю. Большая часть рукописи написана его рукой, остальная – испещрена его правками. Значительная часть Указов, в том числе о майорате, о генерал-прокуроре, была исполнена самим царем (Платонов С.Ф., 1926). Петр состоял в переписке примерно с 600 лицами, «твердо держал в руках все нити управления государством, на всех постах – административных, военных, дипломатических, культурных – были расставлены люди, которых Петр знал лично, давал задания, следил за их выполнением, требовал отчета в сделанном» (Подъяпольская Е.П., 1974). В делах «Кабинета Петра I» находятся черновики

---

²⁹ «Сумасшедший» и «безумный» в русском языке – не синонимы. Первый – изначально имевший ум, но его потерявший, второй – «от роду без ума».

указов, записок царя государственным учреждениям, видным деятелям его эпохи, в том числе, послам, журналы походов и путешествий, в т. ч., паспорт на имя десятника волонтеров Петра Михайлова (на время путешествия по Европе 1697 года).

Обедал он в 11–12 часов³⁰ и по окончании трапезы ложился поспать. Сон Петра был болезненно чуток, но даже в гостях он не отказывался от этой привычки и, освеженный сном, возвращался к собеседникам, готовый снова есть и пить. «Привыкнув к водке, он требовал, чтобы ее пили гости, не исключая дам. Бывало, ужас пронимал участников и участниц торжества, когда в саду появлялись гвардейцы с ушатами сивухи... причем часовым приказывалось никого не выпускать из сада»³¹. Ю. Юль, датский посланник, вспоминал о придворном празднике 4 декабря 1709 г.: «...мы всю ночь напролет проехали взад и вперед, были в одиннадцати местах и всюду ели и пили в десять раз больше, нежели следовало... Кутеж, попойка и пьянство длились до 4 часов утра. Всюду, где мы проходили или проезжали, на льду реки и по улицам лежали пьяные, вывалившись из саней, они отсыпались в снегу, и вся окрестность напоминала поле сражения, сплошь усеянное телами убитых». Наиболее объективной оценкой отношения государя к спиртному мне кажется суждение академика С.Ф. Платонова (1926): «Пил Петр много, но отнюдь не был пьяницей; для него вино и водка не составляли болезненной потребности. Он, что называется, любил кутнуть, сподить других и сам выпить, но есть много указаний на то, что он поддавался вину еще менее, чем другие».

Петр резко изменил быт аристократов и купечества. Одевались они в иноземное платье, пудрили парики, в их языке было много голландских и немецких слов. Дворяне руководствовались издававшейся по приказу Петра книгой «Приклады, како пишутся комплименты разные» и трудом «Юности честное зерцало», где, в частности, советовалось: «Обрежь свои ногти, да не явятся, якобы оные бархатом обшиты... Не хватай первой блюдо... Не сопи, когда яси... Ногами везде не мотай, не облизывай перстов, не грызи костей... Зубов ножом не чисти... Ешь, что перед лежит, а инде не хватай... Над естой не чавкай, как свинья, и головы не чеши... Часто чихать, сморкать и кашлять не пригоже... Около своей тарелки не делай забора из костей, корок хлеба и прочего».

26 ноября 1718 года был обнародован Указ об ассамблеях. «Ассамблеи, – говорилось в нем, – слово французское, которого на русском языке одним словом выразить невозможно, но обстоятельно сказать: вольное собрание или съезд делается не для только забавы, но и для дела; тут можно друг друга видеть, и о всякой нужде переговорить, также слышать, что где делается, при том же и забава. А каким образом оные ассамблеи отправлять, то определяется ниже сего пунктом». Далее следовали подробные правила устройства торжеств. Их проводили поочередно знатные люди. В одном зале танцевали, в других пили, курили, играли в шашки, шахматы, карты, вели деловые разговоры. На ассамблеях не допускали чинопочитание. Танцевали до упаду, пили тоже без меры – особенно когда в дело вступал знаменитый «кубок большого орла» – огромный бокал, который должен был выпить уличенный в нарушении правил. Часто этот кубок подносил виновнику сам Петр – большой любитель праздников. Женщины получили право наравне с мужчинами участвовать в ассамблеях. Правда, случались и досадные оплошности, о чем свидетельствует любопытный петровский указ: «Замечено, что жены и девицы, на ассамблеях являющиеся, не зная политесу и правил одежды иностранной, яко кикиморы одеты бывают. Одев робы и фижмы из атласу белого на грязное исподнее, потеют гораздо, отчего дурной запах распространяется, приводя в смятение гостей иностранных. Указую, впредь перед ассамблеей мыться в бане с мылом, со тщанием и не только за чистотой верхней робы, но и за исподним также следить усердно, дабы гнусным видом своим не позорить жен

³⁰ «Кушанье его было: кислые щи, студни, каша, жареное с огурцами или лимонами солеными, солонина, ветчина, да отменно жаловал лимбургский сыр... Водку употреблял государь анисовую. Обыкновенное питье – квас, во время обеда пил вино... рыбы никогда не кушал» (Майков Л.Н., 1891).

³¹ *Ключевский В.О.* Исторические портреты. – М, 1990. – С. 182.

российских». Многочисленные указы Петр сам писал или, по меньшей мере, диктовал: каждое слово дышит энергией. Вот, например, указ от 6 декабря 1723 года: «О свидетельствовании в сенате дураков». Как видно, сильно допекла полтавского победителя эта вечная проблема. Речь в указе идет о тестировании тех, кто заподозрен в глупости. Если испытуемый оказывался не в состоянии ответить на ряд элементарных вопросов, он отстранялся от управления своим имуществом, ему запрещалось вступать в брак («ни жениться, ни замуж иттить не пускать») – очевидно, чтобы не плодились дураки на Руси. Если же дурак уже успел обзавестись семьей – тут закон «разводил руками»: ничего не поделаешь (Фоняков И., 2005).

Был введен особый знак для тех, кто не желал бриться и хотел носить «по старине» бороду. Такие люди, уплатив большую по тем временам сумму (60 рублей), получали круглый железный «Бородовой знак». Подавляющее большинство дворян и купцов бородой пожертвовало... Петра упрекают в насаждении западных порядков, он же на самом деле бросил вызов европейским дворам, отвергая культовые церемониалы, удушающие обычаи монархической Европы. Одновременно он разрушил и вековые традиции царского двора, чтобы уберечь казну. Деньги нужны были ему на дело. Прежние обычаи связывали Петра по рукам и ногам. То, что он стриг бороды у бояр, это мелочь, молодежь, кстати, приветствовала новый европейский облик и одежду. Серьезней была реорганизация придворной жизни. Чего стоила огромная охота – псаря, доезжачие, егеря – он эти должности ликвидировал; сократил ключников, стремянных, стольников – такое «обрезание» штатов произвел, какого после него уже не бывало. Тысячу с лишним бездельников заменил несколькими десятками слуг. При Петре I царский двор, как и все российское государственное управление, перестраивался на западный манер. За образец была принята номенклатура придворных чинов и званий при дворах австрийских императоров. Вместо русских названий придворных должностей появились новые – камергер, гофмейстер, шталмейстер и др. Официально новые придворные звания были объявлены в знаменитой Табели о рангах 24 января 1722 года. Среди придворных чинов были упомянуты и медицинские – первый лейб-медик, личный врач императора, гражданский чин которого соответствовал VI классу (коллежскому советнику, или полковнику), и лейб-медик при императрице (чиновник VII класса – надворный советник, или подполковник). Таким образом, врачи, обслуживавшие царскую семью, были переведены из разряда челяди в разряд придворных (позднее, при Николае I, они были причислены к составу свиты и введены в штат Императорской главной квартиры). Их стали назначать на должности высших руководителей медицинской службы России – архиатрами и президентами медицинского факультета, им жаловались высокие классные чины – вплоть до действительного тайного советника (II класс по Табели о рангах), их награждали орденами, даровали дворянские титулы.

Праздных щеголей царь преследовал беспощадно. Вот один из его указов: «Нами замечено, что на Невской перспективе и в ассамблеях недоросли отцов именитых в нарушение этикету и регламента штителя в гишпанских камзолах и панталонах с мишурой щеголяют предерзко. Господину Полицмейстеру Санкт-Петербурха указую впредь оных щеголей с рвением великим вылавливать, сводить в Литейную часть и бить кнутом пока от гишпанских панталонов зело похабный вид не окажется. На звание и именитость не взирать, также на вопли наказуемых... Петр».

* * *

Современники практически не оставили записей о состоянии здоровья Петра в молодые годы. Известно, что в начале 1696 года царь с больной ногой поехал в Воронеж. Боли были настолько сильными, что он не всегда вставал с постели. В 1711 году в Луцке Петр вновь тяжело заболел. В одном из писем этого времени находим слова: «...к тому же от болезни чуть ожил,

невозможно рассуждать». К сожалению, мы никогда не узнаем, что это была за болезнь, от которой Петр «чуть ожил» (Маслов А.В., 2001).

Яркая и бурная жизнь государя-реформатора привела к формированию у Петра Алексеевича в зрелые годы ряда хронических заболеваний. М.И. Семевский (1884), основываясь на изучении писем Петра I Екатерине I, писал: «Как видно из его цидулок, за пять, за шесть лет до своей смерти Петр редко расставался с лекарствами. В письмах довольно часто встречаются известия о его болезнях: то он страдает “чечюем” (геморроем – Ю.М.), то расстройством желудка, отсутствием аппетита, то “припадает с ним рес”» (резь? – Ю.М.), вообще ему «мало может».

По советам врачей Петр I неоднократно прибегал к лечению минеральными водами как в России, так и за рубежом – в Бадене (1698, 1708), Карлсбаде (1711, 1712), Бад-Пирмонте (1716). Покидая курорт Спа (в Бельгии), где он лечился летом 1717 года местными водами, он приказал сопровождавшему его доктору Эрскину выдать городским властям следующее свидетельство: «Я, нижеподписавшийся, тайный советник и главный врач Его Величества императора Российского, свидетельствую сим, что Его Величество, отправившись в Спа, страдал потерю аппетита от ослабления желудочных фибр, имел опухоль ног, желчные колики и бледность лица. Пользуясь водами Спа, Его Величество взял на себя труд отправляться к источнику Жеронстер, отдаленному на 8 миль от города, зная, что воды полезнее на месте...» (Нахапетов Б.А., 2005).

Каким-то длительным недомоганием Петр страдал летом 1714 года. В «Походном журнале» (запись от 15 июня) значится: «Его величество гулял в саду, принимал лекарство, мокрицы и черви живые истолча, и кушал дома...». Конкретных симптомов заболевания в журнале не значится. В конце 1715 года болезнь приковала царя к постели на длительный срок – с 29 ноября по 22 декабря. В следующем году Петр предпринял путешествие на известный курорт Западной Европы – Пирмонт, для лечения водами. Он пробыл там с 26 мая по 14 июня, изволя «кушать воду» (Павленко Н.И., 1990).

В письмах царя жалобы на самочувствие появились с 1716 года. Обычно он жаловался на «недужность», «бессилие», на «завалы» (т. е. расстройство) желудка. Сохранился подлинник истории болезни Петра I от 1716 года, написанный лейб-медиком Л.Л. Блюментростом накануне поездки государя в Чехию, на воды (ныне это известный бальнеологический курорт Карловы Вары, где с уважением сохраняется память о посещении царя). Как следует из этого десятистраничного документа, ведущими симптомами были умеренно выраженные нарушения в деятельности желудочно-кишечного тракта, напоминающие хронический колит. Четких указаний на наличие иной патологии документ не содержит (Семенов Ю. С., 1985).

Интересно, что Л. Блюментрост послал копии этой истории болезни на отзыв ведущим медикам Европы того времени: профессорам Б. Альбину (Лейден), И. Брейну (Лейден), И. Бруннеру (Гейдельберг). Присланные ими заключения сохранились (в виде рукописей на латинском языке, датированных различными числами марта 1716 года, в фундаментальной библиотеке Военно-медицинской академии (фонд 11, ед. хран. 56, листы 134–150)). Из отзывов врачей ясно, что жалобы Петра I сводились к неоднократным поносам, периодической лихорадке, тяжести в подложечной области, болям в подреберьях, пониженному аппетиту, кровоточивости десен. Изучив историю болезни, консультанты пришли к выводу о наличии у него «ипохондри», «цинги», «изнурения тела», «меланхолии» и «застоя крови». Такие заключения непонятны не только неискушенному читателю, но и современному врачу.

Осуществив перевод и детальный анализ отзывов консультантов, Г.М. Яковлев, И.А. Аникин, С.Ю. Трохачев (1990) полагают, что на протяжении ряда лет Петр I страдал хроническим, с периодическими обострениями, заболеванием, в клинической картине которого можно условно выделить шесть симптомокомплексов: диспепсический, астеноневротический, болевой, артралгический, лихорадочный и геморрагический. Проведя детальный дифферен-

циальный диагноз признаков, авторы полагают, что картина заболевания Петра I укладывается в клинику прогрессирующего хронического гепатита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.